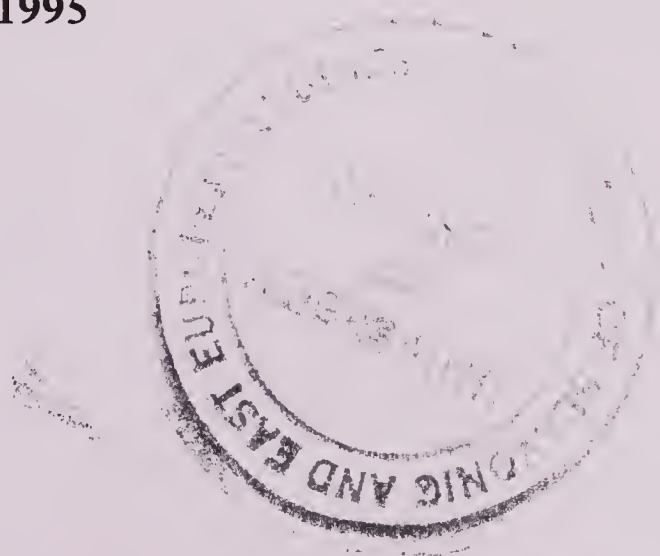

ISSN 0038-0903

SOLANUS

INTERNATIONAL JOURNAL FOR RUSSIAN & EAST EUROPEAN
BIBLIOGRAPHIC, LIBRARY & PUBLISHING STUDIES

New Series Vol. 9 1995

SOLANUS

INTERNATIONAL JOURNAL FOR RUSSIAN & EAST EUROPEAN
BIBLIOGRAPHIC, LIBRARY & PUBLISHING STUDIES

New Series Vol. 9 1995

CONTENTS

<i>Karen Rondestvedt</i> , Bibliographic Control of Current Publications Under the New Order (Poland, Romania, Bulgaria)	page 3
<i>Mark Kulikowski</i> , The Bibliography of Russian Emigré Publications since 1917: An Update	15
<i>D. K. Ravinskii and V. V. Ialysheva</i> , Independent Libraries in Leningrad	24
<i>Waldemar Deluga</i> , Les publications en langues polonaise et latine à Kiev au XVIIIe s.	30
<i>Eugenii Nemirovskii</i> , Tipografia Monastyria Ruino (XVI vek)	49

Review Articles and Reviews

Staroobriadcheskaia pechatnaia kniga XVIII–nachala XIX vv. v katalogakh Andreia Voznesenskogo (Aleksandr Gorfunkel')	73
Dušica Grbić, Ksenija Minčić-Obradović, Katica Škorić, <i>Ćirilicom štampane knjige 15–17. veka Biblioteke Matice srpske</i> (E. L. Nemirovskii)	79
M. Nikalaeu, <i>Palata knihapisnaia. Rukapisnaia kniha na Belarusi ŭ X–XVIII stagoddziakh</i> (Leonid Iur'evich)	82
A. V. Blium, <i>Za kulisami 'Ministerstva pravdy'. Tainaia istoriia sovetskoi tsenzury, 1917–1929</i> (Martin Dewhurst)	87
Barbara Bieńkowska, <i>Losses of Polish Libraries during World War II</i> (Janet Zmroczek)	89
<i>Russian Books in Print Plus</i> (Ursula Phillips)	90
<i>Bibliographien zum Schrifttum aus und über Osteuropa: Katalog des Bibliographischen Lesesaales der Bibliothek des Osteuropa-Instituts Berlin</i> (Wojciech Zalewski)	92
Garth M. Terry, <i>East European Languages and Literatures</i> , vol. VI (Peter Hellyer)	93
Lesley Pitman, <i>Russia/USSR</i> (Graham Dix)	94
<i>A Catalogue of Russian Avant-Garde Books 1912–1934</i> (Robert H. Davis)	96
Notes	98
Contributors	103

Solanus is published by the School of Slavonic and East European Studies (SSEES),
University of London, Senate House, Malet Street, London WC1E 7HU

© SSEES 1995

The views expressed in *Solanus* are not necessarily those of SSEES

P 732

Editorial Board

Professor C. L. Drage, School of Slavonic and East European Studies,
University of London

Mr W. Gareth Jones, University College of North Wales, Bangor

Dr W. F. Ryan, The Warburg Institute, University of London

Dr J. E. O. Screen, Library, School of Slavonic and East European Studies,
University of London

Dr Christine Thomas, The British Library, *Editor*

Dr Gregory Walker, Bodleian Library, University of Oxford

International Advisory Panel

Dr J. J. Brine, Aberdeen

Professor W. E. Butler, University College London

The Very Rev. Alexander Nadson, Francis Skaryna Belarusian Library,
London

John S. G. Simmons, Emeritus Fellow, All Souls College, Oxford

Miranda Beaven, University of California, Berkeley

Professor Jeffrey Brooks, John Hopkins University, Baltimore

Professor Marianna Tax Choldin, University of Illinois at Urbana-Champaign

Edward Kasinec, Slavic and Baltic Division, The New York Public Library

Professor Gary Marker, University of New York at Stony Brook

Dr Wojciech Zalewski, Stanford University Libraries

Dr Françoise de Bonnières, Ecole des Langues Orientales, Paris

Dr Horst Röhling, Universitätsbibliothek Bochum

Price of this volume: £10.00 or \$15 U.S., including postage. Sterling payment should be sent to the editor (address below) by cheque or international money order made payable to SOLANUS. Dollar payment (cheque made payable to Wojciech Zalewski) should be sent to: Wojciech Zalewski, 162 Highland Ave., San Carlos, CA 94070, U.S.A.

All correspondence, including subscription and advertising enquiries, should be addressed to the Editor:

Dr Christine Thomas
Slavonic and East European Collections
The British Library, Great Russell Street
London WC1B 3DG, United Kingdom
Telephone: 0171-412 7587

The Editor will supply *Notes for Contributors* and *Notes for Reviewers* on request.

Typeset in Plantin and Times Cyrillic at Oxford University Computing Service
by Stephen Ashworth Typesetting, Oxford

Bibliographic Control of Current Publications Under the New Order (Poland, Romania, Bulgaria)

Karen Rondestvedt

Since 1989, democratization and the move toward a market economy have resulted in an almost total restructuring of the publishing industries of Eastern and East Central Europe. Many state publishers have been privatized, others have closed, publishers' profiles have changed, emigré publishers have moved back home, publishers which formerly operated underground now publish legally, thousands of new publishers have sprung up, paper prices have skyrocketed, subsidies have been cut, advertising and marketing have become necessities, publishers are co-publishing with Western houses, etc.¹ Where once there was centrally controlled order and plenty of money to publish what was politically acceptable, there is now little outside control of any kind except that imposed by lack of funds. The decentralization and lack of funding among publishers causes problems not only for Western librarians and vendors trying to track publishing output, but even more so for the front-line trackers within those countries, the national libraries' acquisitions sections for domestic publications and the compilers of national bibliographies.

This article, while in broad outline true of the entire region (including Russia), deals specifically with Poland, Romania and Bulgaria. It is based to a large extent on interviews with the following individuals: Petr Žák, Head of Acquisitions, National Library, Warsaw; Mircea Ștefancu, Bibliographer in Charge of ISSN and Head of the National Bibliography, National Library of Romania, Bucharest; and Antoaneta Totomanova, Head of the National Bibliography Center, St Cyril and Methodius National Library, Sofia. The interviews with Ștefancu and Totomanova were conducted in July 1994 and those with Žák during the summers of 1992, 1993 and 1994. The reader is cautioned there there may have been changes between the time of the interviews and the time this article appeared in print.² The article concerns primarily books and serials, although occasional mention will be made of other formats.

The national bibliographies of Poland, Romania and Bulgaria, like others

¹ For more details see, for example, Allan Urbanic and others, 'Chaos By Subscription: Serials in Eastern Europe', *Serials Review* 20, no. 2 (Spring 1994), pp. 43-58; Karen Rondestvedt, 'Acquisitions Problems from Poland and Russia: Update on Causes and Potential Solutions', *Library Resources and Technical Services* 37, no. 2 (April 1993), pp. 211-219; and Karen Rondestvedt, 'Serials Acquisitions and Recent Changes in Poland and the Soviet Union', *Serials Review* 17, no. 3 (1991), pp. 15-20, 66.

² Many thanks to these busy people for their time and openness. Any mistakes or misinterpretations of what they said are the responsibility of the author.

in the region, are compiled on the basis of legal (obligatory) deposit of newly published material in the national library. Each of these countries has a long history of legal deposit, far antedating the arrival of communism. Poland's first national legal deposit law was approved in 1790; Romania's law also dates to the end of the eighteenth century; and Bulgaria enacted a legal deposit law nineteen years after achieving independence from the Turks, in 1897.³ But communism and its centralized economy made laws for universal deposit of printed matter much easier to administer. Since virtually all publishers and printers were owned and operated by the state, they were aware of the law and complied with it. Thus national bibliographies under communism were essentially complete, at least as far as legally published material was concerned.

Under the new order national bibliographies are decidedly not complete. Estimates of how many monographs are currently being missed, for example, range from 3% in Bulgaria to 30–35% in Romania. The main reason for this situation is that some publishers are not depositing their material. Some, especially new ones and those for whom publishing is not their primary activity, may not be aware of their legal obligation. Others feel the deposit requirement smacks of the old communist system or view secrecy about their publications as a manifestation of independence.⁴ Some say that they cannot afford to give away free copies, especially when the number of copies required to be deposited is high and/or the material is expensive. Fines for not depositing are low or non-existent. The national libraries claim deposit copies from publishers they can find, but some cannot be located.

An additional cause for gaps in the national bibliography is problems within the national library itself. Libraries throughout the region have suffered budget and staff cuts. In addition, librarians, as workers in the state budget sector, now receive such small salaries in all three countries that they must often either take a second job or live in a household with another wage-earner who is paid considerably more than they are. For this reason, librarians, particularly those with computer or foreign language skills, are likely to leave for more lucrative jobs in the private sector. It is then difficult to recruit replacements. The staff shortages resulting from these two factors mean lack of personnel to track down and cajole delinquent publishers, publication delays, cessation

³ Jan T. Jasion, *The International Guide to Legal Deposit* (Aldershot, Hants., 1991), pp. 20, 26, 28, 30; Marcelle Beaudiquez, *Bibliographical Services Throughout the World, 1975–1979* (Paris, 1984), p. 349. Žák traces Poland's first deposit regulations (*przepisy*) to Sejm resolutions of 1780 and 1793. (Petr Žák, 'Realizacja przepisów o egzemplarzu obowiązkowym w Bibliotece Narodowej', *Rocznik Biblioteki Narodowej* 1991/92, r. 27/28 (1994, in press), pp. 1–32 (p. 1).)

⁴ The latter comes from a complaint by Grzegorz Boguta, Director of PWN and Chairman of the Polish Book Chamber, interviewed by Janet Zmroczek of the British Library in her 'Notes and Observations from a Visit to Poland, 12–21 October 1992', *Slavic Librarians' E-Mail Forum* [Online], 18 Nov. 1992. Now available e-mail as *Slavlibs* listserv: LISTSERV@LIBRARY.BERKELEY.EDU.

or suspension of parts of the national bibliography, etc. Given the problems, it is amazing that the small, dedicated staffs in the acquisitions and national bibliography departments do as well as they do.

Each national library is well aware of current deficiencies in the national bibliography and is working to rectify them. Solutions-in-progress fall into several common categories, but each country, its national library and its national bibliography have their unique circumstances.

Poland, with a population of about 38 million, is the largest of the formerly communist countries of Eastern and East Central Europe which were not part of the Soviet Union. It was the first country in the region to institute political reforms when, in April 1989, the government allowed Solidarity to compete in elections. In the beginning of 1990, the government began 'shock therapy' on the disintegrating economy, leading initially to unemployment and hyperinflation as state firms were closed or privatized and prices were freed. Centralized serial distribution ceased with the liquidation of the party-run RSW (Robotnicza Spółdzielnia Wydawnicza [Workers' Publishing Cooperative]) in 1990–1992. Centralized book distribution collapsed over the same period as an ever-increasing percentage of publishers refused to deal with the old state distributor, Składnica Księgarska. As chaos in the book and serial trade increased, the economic situation caused the National Library to suffer budget cuts, layoffs and unfilled positions. Lately, however, the Polish economy has shown some improvement. Last year the gross domestic product grew by about four per cent, the highest in Europe, although price inflation was still about 40% annually. In addition, Poles have been reinvigorating their traditional ties with the West (particularly Western Europe), and Western firms, foundations and governments have been providing cooperation, advice and financial aid.⁵

The Polish current national bibliography is divided into five sections: the weekly *Przewodnik Bibliograficzny* (Bibliographic Guide), which covers monographs, music scores and maps; the quarterly *Bibliografia Wydawnictw Ciągłych Nowych, Zawieszonych i Zmieniających Tytuł* (Bibliography of Serials: New, Ceased and Changed Titles—published as a loose insert in *Przewodnik Bibliograficzny*); the annual *Bibliografia Wydawnictw Ciągłych* (Bibliography of Serials); the monthly *Bibliografia Zawartości Czasopism* (Bibliography of the Contents of Periodicals, i.e. Periodicals Index); and the annual *Polonica Zagraniczne: Bibliografia* (Foreign Polonica: Bibliography, which covers printed works published outside Poland which are in Polish and/or about Poland). *Bibliografia Wydawnictw Ciągłych* has been published only intermittently since its inception; the latest issue, covering 1983, was published in 1991. *Bibliografia*

⁵ See Andrzej Grajewski, 'Bitwa o prasę: krótki zarys likwidacji koncernu prasowego RSW', *Więź* 35, no. 11 (1992), pp. 43–60. Economic figures for 1993 from Jonathan Lynn, 'Poland's Leftist Leader Says Economy Has Priority', Reuters, 30 Jan. 1994, *CD NewsBank* [CD-ROM], Comprehensive edition.

Zawartości Czasopism has always been selective, not comprehensive. *Polonica Zagraniczne* will not concern us further here. All of these publications are compiled and published by the National Library's Bibliographic Institute (Instytut Bibliograficzny).⁶

Also based on legal deposit are the statistics collected by the National Library on national publishing output. The library sends these figures to the Central Statistical Office (Główny Urząd Statystyki), which publishes them in the annual *Ruch Wydawniczy w Liczbach* (*Publishing in Figures*).

In early 1991, Karamać feared that changes in the Polish publishing industry would affect both the timeliness and the completeness of the national bibliography. Indeed, in July 1992, Źák estimated that his library (and therefore *Przewodnik Bibliograficzny*) was probably missing about 25% of current publishing output. In Źák's article, completed in August 1993, tables taken from Acquisitions Department statistics, *Przewodnik Bibliograficzny* and *Ruch Wydawniczy w Liczbach* showed that between 1987 and 1992 the number of acquired and registered monographs stayed roughly constant, a situation that he found highly unsatisfactory given the tremendous increase in the number of new publishers (estimates, he says, place this number at about 3000) and the large variety of titles offered.⁷

The National Library has been attacking the problem of non-deposit on a number of fronts simultaneously. In February 1992 a meeting was held at the National Library among representatives of the Polish Book Chamber,⁸ the publisher PWN, the distributor Składnica Księgarska and the National Library, at which everyone agreed that the existing system of bibliographic control for current publications was not working. Not only was the national bibliography no longer a complete record of what had been published, but there was no longer a notification system for forthcoming books, and even addresses of publishers were often unknown. Under the influence of the Western solution and Western promises of aid in organizing a similar information system in Poland, delegates expressed the view that the whole system should be organized along commercial lines, with income from the system to cover its costs. In the beginning, however, the system would need grants and sponsors. And it would work only if bookstores and publishers not only used the system but also made

⁶ Barbara Karamać, 'Bibliographic Control in Poland', *International Cataloguing & Bibliographic Control* 20, no. 1 (Jan./Mar. 1991), pp. 3–7 (pp. 4–5). See also the section on Poland in Beaudiquez (note 3), pp. 328–335.

⁷ Karamać (note 4), p. 4; Źák, personal communication 7/1992; Źák (note 3), pp. 4–6.

⁸ The Polish Book Chamber (Polska Izba Książki), unlike, for example, the Russian Book Chamber, is not involved directly in bibliographic control of current publications. An association of publishers and booksellers, it works behind the scenes to facilitate the publishing and distribution of books and serials. See below for some of its activities. A more complete picture of its work can be found in 'Sprawozdanie z działalności Rady PIK w okresie od 25.06.1991 r. do 28.06.1994 r.', *Notes Wydawniczy* 7/8 (27/28) (1994), pp. 5–7.

sure that information about their own activities appeared in the system as soon as possible. A working group was formed to draw up plans and prepare the necessary documents.⁹

Meanwhile, a private firm, Centrum Informacji Polskiej Agencji Informacji (Information Center of the Polish Agency for Information), also saw the need for information about the new market. In April 1992 it published a directory of the Polish press, *Informator prasy polskiej*. (This edition refers to the existence of an edition published a year before, but a secretary of the firm—now merged with Wydawnictwo Interpress—could find no evidence in the archives of an earlier edition.) The introduction to this directory speaks of the difficulties encountered in compiling it: addresses of periodicals in the Press Register of the Warsaw Provincial Court were not always current; a title being registered did not mean that it was still publishing; the editors received a response rate of only one-third to their questionnaire. Because of these problems, the editors decided to ‘penetrate the press market themselves’ and to verify information by telephone. *Informator prasy polskiej* is now continued by *Prasa, radio, telewizja: informator teleadresowy* (Press, Radio, Television: Telephone Address Directory); the latest edition as of this writing appeared in April 1994.¹⁰

Outgrowths of the above-mentioned 1992 meeting include the establishment of Fundacja Biblioteki Narodowej (National Library Foundation) in April 1993 and of Centrum Informacji o Książce (Information Center on the Book) in August 1993. The Center, associated with the Foundation, with the Polish Book Chamber and with Polskie Towarzystwo Wydawców Książek (Polish Book Publishers’ Association), is located in the old National Library building on Hankiewicza, where the library’s computers are also housed. It is funded and sponsored by the Cultural Foundation and the Ministry of Culture and Art. One of its main collaborators is the German Buchhändlervereinigung (Booksellers’ Association), publisher of *Verzeichnis Lieferbarer Bücher* (German Books in Print). The Center’s main goal is the compilation and dissemination of information in four categories: books just published, books currently in bookstores, books being printed, and books in preparation. Eventually, the Center plans to have its databases available on-line, but in the meantime it will distribute on paper, on CD-ROM and on floppy disks. The national ISBN office, formerly located in Składnica Księgarska, was moved to the Cen-

⁹ ‘Spotkanie w sprawie utworzenia systemu informacji o bieżącej produkcji wydawniczej’, *Bibliotekarz* 59, no. 3 (1992), p. 24.

¹⁰ *Informator prasy polskiej* (Warszawa, 1992), pp. 2–4; phone call by Zygmunt Saloni to Wydawnictwo Interpress between 12 and 20 September 1994 reported in e-mail message to author, 21 Sept. 1994. Saloni reports that copies of both directories are available from the publisher: Wydawnictwo Interpress, Bagatela 12, 00-585 Warszawa, tel. 27-56-40. Price for *Prasa, radio, telewizja* is DM 60.00 for foreign customers. The firm would include, gratis, a copy of *Informator prasy polskiej* with an order for the later directory, if the customer requests it and as long as copies remain.

ter in August 1993. The national ISSN office is also located in the Center. Shortly after the move of the ISBN office, the publishers' directory *Informator o wydawcach w Polsce 1993/1994* appeared, based on ISBN registration. It was published by the National Library's publication section in an edition of 4000 copies. Like *Informator prasy polskiej*, it contains advertisements from some of the firms listed in the directory.¹¹

Publications like *Informator prasy polskiej* and *Informator o wydawcach w Polsce*, while not themselves part of the national bibliography, help the National Library to identify publishers of serials and monographs from which to claim publications if they do not send them voluntarily. Also helpful in this respect are new publications which announce forthcoming material, including *Notes Wydawniczy* (Publisher's Notebook, an initiative of the Polish Book Chamber), *Nowe Książki* (New Books), and an increasing number of publishers' catalogues. The National Library is also making use of the as-yet unpublished databases being compiled in Centrum Informacji o Książce.

Reminding publishers of their deposit obligations and claiming missing material, unfortunately, does not always result in receipt of the material. Between 1990 and 1992, the National Library claimed 5122 titles or copies of monographs and, of those, received 1215, for a success rate of 23.7%. The success rate did appear to be slowly rising, however, from 22.4% in 1990 to 25.2% in 1992. For serials the success rate during the same period was about 50%. The most effective form of claiming was personal visits to publishers. Several categories of material are particularly difficult to identify and obtain: non-trade publications; expensive and one-time editions with low print-runs (e.g. reprints, bibliophile editions, *livres d'artiste*); material published in Poland on commission for a foreign publisher; and material published jointly by a Polish and a foreign publisher. Sometimes the deposit copy section manages to identify a title only when the item is requested for another purpose, for example, ordered by a foreign exchange partner.¹²

In order to increase compliance, the National Library has been working to educate publishers that deposit actually works in their favor. For example, by including a deposited publication in the national bibliography, the National Library advertises and promotes the publisher to a national and international audience. Presence in statistical analysis allows the publisher to compare itself to others and to make future plans on that basis. A national bibliography which is more or less complete allows publishers to know their competition and to discover partners for cooperative projects. The publisher's products are both archived and made available to readers by the National Library. In other

¹¹ *Informator o wydawcach w Polsce 1993/1994* (Warszawa, 1993), pp. 2–3, 5; Żák, personal communication 24 Aug. 1993 and meeting he arranged for me the same day with officers of Fundacja Biblioteki Narodowej.

¹² Żák (note 3), pp. 8–11. I had this precise experience during my visit in the summer of 1994.

words, says Žák, 'the National Library is an important partner, whose interests correspond with the interests of those who supply the deposit copy.'¹³

Finally, the National Library and the Polish Book Chamber have been working to have a new legal deposit law passed. Currently Poland is still operating under the Library Act of 9 April 1968 and its attachment, the Decree of 2 August 1968, issued by the Ministry of Culture and Art, 'Concerning Supplying Libraries With Obligatory Copies of Printed Matter and Sound Recordings'. These laws stipulate that the National Library is to receive four copies of most monographs and two copies of most serial issues. It also specifies eleven other national depository libraries. All of the depositories are to receive their material directly from the printer, at the publisher's expense. (Increasingly, publishers are also participating in sending deposit copies.) There are no fines for non-compliance. Discussions have been held on the subject of a new law, including such new features as widening the definition of a publication, reducing the total number of required deposit copies, instituting fines, etc. Authors from the National Library propose a couple of additional solutions: tying legal deposit to copyright, as in the United States; or tying deposit to the receipt of a registration number which will be needed for the publisher to sell the book legally. The Polish Book Chamber, in cooperation with the Ministry of Culture and Art, has actually negotiated an agreement with the Ministry of Finance, whereby books and serials which receive ISBN or ISSN numbers (and thus are registered with the ISBN or ISSN offices) would pay 0% VAT. This law was to have taken effect in January 1994, but it was tabled along with other matters concerning Polish standards. Thus despite at least three years of discussion, there is still neither a new law nor a revision of the old one.¹⁴ The legislature, it seems, has had other, more pressing, matters to deal with.

In broad outline the situation in Romania is similar to that of Poland, but the problems are more severe. The economic situation, both in the National Library and in the country as a whole, is quite a bit worse. The country suffered extreme political repression and economic privation, especially in the 1980s, meaning that it has much further to recover than Poland. Fewer economic and political reforms have been undertaken. Reuters correspondents reported in December 1993 and February 1994 that inflation was over 300% per year, average wages were the equivalent of less than \$50 per month and almost 10% of the workforce was unemployed. Romania, the second largest of the formerly communist countries of Eastern and East Central Europe which were not part of the Soviet Union, has a population of about 23 million, or a bit over 60%

¹³ Žák (note 3), pp. 25–26.

¹⁴ Jasion (note 3), p. 162; Žák (note 3), pp. 1, 26–27; Krystyna Bańkowska-Bober, 'Ewidencja wydawnictw jako jedna z dróg doskonalenia dostępu do informacji w świecie książki', *Bibliotekarz* 59, no. 11/12 (1992), pp. 18–25 (pp. 24–25); Danuta Szczepańska, 'Centrum Informacji o Książce', *Notes Wydawniczy* 2 (21) (1994), pp. 10–12 (p. 12).

of Poland's.¹⁵

According to Beaudiquez, as of 1976 the Romanian national bibliography, *Bibliografia Republicii Socialiste România*, consisted of the following six series: *Cărți, albume, hărți* (Books, albums, maps), published fortnightly; *Articole din publicații periodice și seriale* (Articles in periodicals and serials), fortnightly; *Note muzicale, discuri* (Musical scores, phonograph records), quarterly; *Publicații periodice și în serie* (Periodicals and serials); *Bibliografia bibliografiilor* (Bibliography of bibliographies), published every two years; and *Dacoromanica* (books published on Romania and by Romanians abroad).¹⁶

Now renamed *Bibliografia României*, the national bibliography is compiled by the National Bibliography Section of the Biblioteca Națională a României (formerly, Biblioteca Centrală de Stat a Republicii Socialiste România). The section consists of its head, who is also in charge of the national center for ISSN, and a staff of six. Drastic budget cuts had already begun in the 1980s, bringing layoffs, departures, low salaries and printing delays. Under such conditions, not surprisingly, it became impossible to continue all the series. The serial index, compiled through mid-1989, was no longer printed after 1988. *Publicații periodice și în serie* was evidently discontinued at some earlier time. The status of *Bibliografia bibliografiilor* is unclear.

Romania is still operating under the legal deposit legislation of 1968, 1978, 1979 and 1982.¹⁷ Biblioteca Națională should receive 22 copies of each monograph, record album and map, and nine copies of each serial, all regardless of size of print-run. (Romania's deposit system is centralized; Biblioteca Națională distributes most of its copies to other depository libraries.) There are no fines, so the National Library must rely on voluntary compliance. The result, estimates Ștefancu, is that the National Library receives only about 65–70% of books, albums and maps, and 80% of serials. Librarians expend considerable effort to receive even that: they collect material being sold on tables on the street; cajole publishers; work with the National Library supplier, Colectura Bibliotecilor; and purchase material on the open market. But the staff is too small to do much of this systematically. Ștefancu hopes that during the next session of Parliament a new deposit law will be passed, with an enforcement provision. With a new law the National Library hopes to get at least most of the book production.

Despite the problems, Ștefancu reports definite progress. Two new series be-

¹⁵ Adrian Dascalu, 'Romanian Government Survives No-Confidence Vote', Reuters, 17 Dec. 1993, *CD NewsBank* [CD-ROM], Comprehensive edition; Peter Humphrey, 'Romania in Limbo between Communism and Capitalism', Reuters, 25 Feb. 1994, *CD NewsBank* [CD-ROM], Comprehensive edition.

¹⁶ Beaudiquez (note 5), pp. 349–352. I have made corrections based on the OCLC database for the series I could verify there.

¹⁷ For specific dates and names of laws, see Jasion (note 3), p. 94.

gan in 1992, *Publicații seriale* (Serial Publications, semi-annual), covering serials beginning in 1989 and including such historical notes as splits and merges, and *Publicații oficiale* (Official Publications). The appearance of *Publicații oficiale* is particularly significant, since the publishers of this material (usually government offices and departments) not only were not aware of the deposit requirement, but did not realize they were issuing publications and thought their documents were not for public consumption. Once the National Library explained, most offices complied. The first issues of this series contain over 700 entries, including laws, decrees, decisions, etc.

Additional progress came when the national ISSN office was established in the National Library in 1991. Since Ștefancu himself receives applications for ISSN numbers and decides which titles will receive them—his decision is based on their importance—he is thereby also notified of almost all new serial titles.

And finally, the new order has allowed the National Bibliography Section to establish direct relationships with printers, a situation which was impossible before. The section now deals with three different printing houses. As a result, not only has the national bibliography been appearing on time since the beginning of 1994, but the 1991–1993 backlog has been reduced so that only the second half of 1993 remains to be printed.

Bulgaria has some problems in common with Poland and Romania, but it appears that the Bulgarians have been considerably more successful in dealing with them. Bulgaria is a small country with a population of approximately nine million, i.e. less than 40% of Romania's and less than 25% of Poland's. Bulgaria did not experience the severe political repression and economic privatization that Romania did, nor did it institute the sweeping economic reforms that Poland did. Change, both for the better (political) and for the worse (economic), has generally been more gradual. Changes in newspaper distribution provide a good illustration of the relatively gradual nature of change in Bulgaria. The kiosks of *Razprostranenie na pechata* (Press Distribution) are small, meaning that soon after the 1989 changes there was no longer enough space to display all the wares of the new, burgeoning press. With slow transport added to lack of display space, newspaper people became unhappy with the old central distributor. First they set up their own distribution group. Then private distribution firms entered the market. But at least as of 1992, distribution was still the most pressing problem for many newspapers.¹⁸

Bulgaria's national bibliography, called *Natsionalna bibliografia na Republika Bŭlgariia*, is divided into eight series: *Seriia 1, Bŭlgarski knigopis: knigi, notni, graficheski i kartografski izdaniia* (Bulgarian Booklist: Books, Music,

¹⁸ Miglena Velinova, *1000 vestnika: spravochnik na bŭlgarskata presa sled 10.XI.1989 g.* (Sofia, 1992), pp. 11–12.

Prints, Maps), semi-monthly with an annual cumulation; *Seriia 2, Bŭlgarski knigopis: Sluzhebni izdaniia i disertatsii* (Bulgarian Booklist: Official Publications and Dissertations), monthly; *Seriia 3, Bŭlgarski gramofonni plochi* (Bulgarian Gramophone Records), annual; *Seriia 4, Bŭlgarski periodichen pechat: Vestnitsi, spisaniia, biulentini i periodichni sbornitsi* (Bulgarian Periodicals: Newspapers, Journals, Bulletins and Periodical Collections), annual; *Seriia 5, Letopis na statiite ot bŭlgarskite spisaniia i sbornitsi* (Articles from Bulgarian Journals and Collections), semi-monthly; *Seriia 6, Letopis na statiite ot bŭlgarskite vestnitsi* (Articles from Bulgarian Newspapers), monthly; *Seriia 7, Bŭlgariia v chuzhdata literatura* (Bulgaria in Foreign Literature), previously semi-annual, now annual; and *Seriia 8, Bibliografiia na bŭlgarskata bibliografiia* (Bibliography of Bulgarian Bibliography), annual.¹⁹ The national bibliography is prepared by the Tsentŭr za natsionalna bibliografiia (National Bibliography Center) of the Narodna biblioteka 'Sv. sv. Kiril i Metodii' (St Cyril and Methodius National Library).

The titles of the series, the breadth of material covered and the periodicity for the entire national bibliography have been almost completely stable since at least the mid-1960s (Series 1 dates to 1897). A large amount of credit for this achievement belongs to the energetic former Deputy Director of the National Library and head of the National Bibliography Center, Kremena Zotova, who has written widely on the subject of national bibliographies, participated in international conferences on the subject and contributed substantially to the formulation of IFLA's standards for ongoing registration of current materials.²⁰

Legal deposit in Bulgaria is currently regulated by the 1976 Decree 'Za zadŭlzhitelno predavane na pechatni i drugi proizvedeniia' (On the Obligatory Deposit of Printed and Other Works). Its 1979 amendment stipulates deposit of 20 copies for printed works with print-runs above 300, six copies for print-runs of 100–300, and three copies for print-runs of less than 100. Deposit is the responsibility of the printer, although the National Library has recently been enlisting the help of publishers as well. As in Romania, deposit in Bulgaria is centralized; the National Library distributes most of the deposit copies it receives to other large libraries in the country. The fine for non-compliance is 200 *leva* plus delivery of the material, a fairly severe punishment at the time it was instituted but now worth so little (under \$4.00 at the present exchange rate) as to be merely symbolic.²¹

¹⁹ Beaudiquez (note 5), p. 108. Titles and periodicity verified on OCLC database. Change in periodicity of Series 7 from interview with Antoaneta Totomanova, 1 July 1994.

²⁰ See Tatiana Ianakieva, 'Edin ot stroitelite na sŭvremennata bŭlgarska bibliografiia: Kremena Zotova na 65 godini', *Biblioteka* 1, no. 4 (1993), pp. 33–36, and some of Zotova's articles in English, e.g. Kremena Zotova, 'Serials in the Current National Bibliography', *The Serials Librarian* 22, no. 3–4 (1992), pp. 319–333, which includes citations to a number of her other articles.

²¹ Beaudiquez (note 5), pp. 107–108; Jasion (note 3), pp. 21, 70; Antoaneta Totomanova,

The deposit system worked well until 1990, since publishing and distribution were centralized and there were only 26 publishers, all state-owned. In 1988, for example, inspection of printing establishments by employees of the National Bibliography Center revealed four books and 240 periodical issues which had not been deposited; claiming produced all of them. In 1992, 70 book titles (1.4%) and 273 periodical issues (0.8%) were received only after the inspectors discovered them and the library claimed them. A further 88 book titles (1.7%) and 278 periodical issues (0.9%) were never deposited at all, despite the Library's efforts. In 1993, the percentage of books not originally deposited grew to 3%.²² These figures, of course, are not entirely comparable to those given above for Poland and Romania, since the latter include guesses about totally unidentified material. Totomanova's statement: 'At the moment, state and private publishers number 600, and we can only guess at the exact number of printers', suggests that there may be some unidentified material in Bulgaria as well.

Bulgarian librarians, like their Polish and Romanian counterparts, are pressing for a new legal deposit law to deal with the problem of non-deposit. Totomanova and her colleagues were hoping for a decree from the State Council (Narodoto sŭbranie), but the State Council, by the time of our interview, no longer existed.

In spite of the current problems, discussions among librarians about the deposit law and related matters have produced some potentially useful ideas. First is a reduction in the number of copies required. Of course, this idea would mean that some libraries would no longer receive, gratis, a complete set of all Bulgarian publications, a notion which does not appeal to librarians from institutions that might be left out. But, as Totomanova writes, 'Is it necessary in a small country like Bulgaria to support twelve libraries which collect a full set of Bulgarian publications? It is necessary that there be four in Sofia?' But the precise number of copies, she says, will need to be determined by discussions among librarians and between librarians and publishers.

Second, Totomanova suggests that libraries, including the National Library, should be given funds to purchase Bulgarian books if the small number of deposit copies is insufficient or if a publisher refuses to supply free copies. Third, deposit should be tied to copyright. Deposit would then be the responsibility of the author, who would be motivated by the receipt of copyright protection

'Problemi za zakonodatelstvoto za zadŭlzhitelniia depozit', *Biblioteka* 1, no. 6 (1993), pp. 8–13 (pp. 8–10); Bulgarian books on the author's home bookshelf with imprints from the 1970s and early 1980s are priced between one and five *leva*.

²² Totomanova (note 20), pp. 8–9; Antoaneta Totomanova, 'Pismenata pamet na natsiata', *Novini: Narodna biblioteka Sv. Sv. Kiril i Metodii* 1 (1994), p. 3. Quotation (translated by the author) is from Totomanova (note 20), p. 8. Note that it is the National Bibliography Center itself which tracks publishing output, not the Acquisitions Department, as in the Polish National Library (and probably also the National Library of Romania).

once the material was deposited.

Totomanova does not advocate instituting stiff fines for non-compliance. Looking at the deposit laws of various countries, she writes: 'The most developed and most democratic countries in the world receive the lowest number of copies from this [deposit] law and do not impose any sanctions on those who do not comply.'²³

It is interesting to note that the National Bibliography Center, in addition to keeping track of legal deposit and compiling the national bibliography, also fulfils some other functions related to bibliographic control of current publications. Taken together, all these functions make it truly a national bibliographic center and not just a center for the National Bibliography. For example, with the help of the national agencies for ISBN and ISSN (located in the National Library since 1991), it maintains a database of Bulgarian book publishers, periodical editing houses and publishers, and printers. In 1993 it published a directory from this database, *Spravochnik na izdatelstva, redaktsii i pechatnitsi v Bŭlgariia*. Its compilers hope it will appear annually.

Also published by the National Bibliography Center is a new publication announcing recent ISBN and ISSN registrations, *Novini [ot] ISBN i ISSN: knigi pod pechat, novi izdatelstva, novi periodichni izdaniia* (ISBN and ISSN News: Forthcoming Book, New Publishers, New Periodicals). It is compiled in the Center by the national agencies for ISBN and ISSN. The first issue appeared in 1993; it is distributed monthly as a supplement to the library science journal *Biblioteka*.

In addition, the National Bibliography Center compiles publishing statistics based on legal deposits.

And finally, the Center is working with the Cataloguing Department of the National Library to reduce duplication of work. The two departments are currently moving toward joint authority files for subjects and personal names. The eventual goal is for all cataloguing of Bulgarian books to be carried out in the National Bibliography Center.

The nature of the Center and the priority being given to it seem to have a great deal to do with why the Bulgarians have been so much more successful than the Poles and the Romanians in dealing with the recent changes in publishing and distribution. Certainly a significant factor as well is that Bulgaria is a small country with a small publishing output. In 1992, for example, 5085 monographic titles were deposited in Bulgaria, as compared to 11,792 in Poland.²⁴ Unfortunately, then, the relative success of the Bulgarians is probably not translatable to Poland or Romania, except to support pleas for more resources and more staff.

²³ Totomanova (note 20), pp. 10–12.

²⁴ Totomanova (note 20), p. 9; Žák (note 3), p. 4.

The Bibliography of Russian Emigré Publications since 1917: An Update

Mark Kulikowski

One of the most painful, yet necessary developments in contemporary Russia has been the nation's confrontation with its own history. Radical changes during the last years of the Soviet Union have forced Russians to reconsider various elements of their collective past. This has resulted in the shedding of considerable light on many heretofore hidden aspects of their history, and the shattering of numerous long-held assumptions about the people and events which shaped Russia's past. In doing so the process has raised difficult and troubling questions about their identity as a people, and the future direction of the country. Painful as this ongoing process may be, it is an essential step in the further development of Russian culture.

Among the issues facing modern Russia is its relationship with the emigré community. Scattered around the globe in large numbers since 1917, Russian emigrés sought to preserve what they considered to be the true essence of Russian culture. Bolstered by further waves of emigrants during the 1940s and 1970s, they collectively shared social and political views which placed them in direct opposition to the Soviet Union. Given their own political agenda, the Soviets vilified and actively opposed the emigré community. The mutual hostility between these two groups was to last, largely unchanged, for over seventy years. It began to abate only in the 1980s with the rise to power of Mikhail Gorbachev. In his general attempt to rethink and restructure the USSR, Gorbachev backed away from hostility toward the emigré community. Greater dialogue was established, travel restrictions lifted, and the Soviet press was freer to discuss emigré authors and their points of view. While far from total reconciliation, the stage was set for warmer relations.

As the barriers between homeland and the Russian community abroad began to fall, great interest in emigré publications emerged in the Soviet Union. Along with it came a renewed interest in emigré bibliography. For the Soviets it meant dealing with a bibliographic *terra incognita*; for the Russian community abroad and the West in general, it meant devoting attention to a topic largely marginalized before this time.¹ The results of this renewed and ongoing interest

¹ See my 'A Neglected Source: The Bibliography of Russian Emigré Publications since 1917', *Solanus*, New Series, 3 (1989), pp. 89–102. Also David Arans, 'Russkaia bibliografiia za rubezhom (Opyt obzora)', *Sovetskaia bibliografiia*, 1990, no. 1, pp. 141–148. Hiroaki Kuromiya briefly surveys the field in his 'Guide to Emigré and Dissident Memoir Literature', in Sheila Fitzpatrick and Lynne Viola, *A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s* (Armonk: M. E. Sharpe, 1990), pp. 255–265.

in Russian emigré bibliography will be the focus of this article. As we will see, despite the relative brevity of the period in question (1988 to the present) and the collapse of the Soviet Union in 1991, substantial progress has been made in the field.²

Universal Bibliography

Only one recent work attempts to cover all the publications of the Russian community abroad. It is S. P. Postnikov's *Politika, ideologiia, byt i uchenye trudy russkoi emigratsii, 1918–1945: bibliografiia*.³ Drawn from the collection of the *Russkii Zagranichnyi Istoricheskii Arkhiv*, it includes coverage of over 6000 books, pamphlets, journals, newspapers and other publications. Useful name, subject and geographic indexes are included. The value of this work is further enhanced when one realizes that the last such attempt at universal bibliography appeared in 1924.⁴

Bibliography of Books

Three major bibliographies devoted solely to emigré books have appeared since 1990. The first is David Arans's *Bibliografiia russkikh knig, izdannykh za predelami SSSR 1980–1989*.⁵ Organized by subject, the text describes some 1694 titles. It includes name and title indexes. One of the most valuable features of Arans's work are the annotations which accompany each entry. The author's thorough coverage makes this work an important resource.

The second bibliography dealing with books is Allan Urbanic's *Russian Emigré Literature: A Bibliography of Titles Held by the University of California, Berkeley Library*.⁶ Arranged alphabetically by author, it encompasses 4811 books. A personal name and extensive subject index round out the text. Its broad chronological and geographical scope make it a valuable tool.

The last work on the topic is A. D. Alekseev's *Literatura russkogo zarubezh'ia. Knigi 1917–1940. Materialy k bibliografii*.⁷ This bibliography covers 2601 books, listed alphabetically by author. Brief biographical data are included, as well as reviews for most items. The work also has a list of pseudonyms and a list of periodicals and anthologies. As one of the first bibliographies devoted

² This article also includes earlier material which has come to my attention.

³ Sergei Porfirevich Postnikov, *Politika, ideologiia, byt i uchenye trudy russkoi emigratsii, 1918–1945: bibliografiia. Iz kataloga biblioteki R.Z.I. Arkhiva* (New York: Norman Ross Publishing, 1993), 2 v.

⁴ S. P. Postnikov, ed., *Ruskaia zarubezhnaia kniga* (Prague, 1924). Trudy Komiteta russkoi knigi, vyp. 1.

⁵ David Arans, *Bibliografiia russkikh knig, izdannykh za predelami SSSR 1980–1989* (Washington, 1990). For a review of this book, see *Solanus*, New Series, 5 (1991), pp. 204–205.

⁶ Allan Urbanic, *Russian Emigré Literature: A Bibliography of Titles Held by the University of California, Berkeley Library* (Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1993).

⁷ A. D. Alekseev, *Literatura russkogo zarubezh'ia. Knigi 1917–1940. Materialy k bibliografii* (St Petersburg: Nauka, 1993).

to emigré books to appear in Russia for over seventy years, Alekseev's guide warrants serious attention.

Specialized Bibliographies

A number of specialized bibliographies have been issued in recent years. While they vary considerably in scope and approach, these bibliographies offer useful guides to much hitherto unknown emigré material in Latvia, Yugoslavia, Finland and China, and in the fields of literature, history, religion and the Russian scouting movement.

Several of these works focus on specific geographic regions. The first is Iurii Abyzov's *Russkoe pechatnoe slovo v Latvii, 1917–1944 gg: bio-bibliograficheskii spravochnik*.⁸ Appearing in four volumes as part of the *Stanford Slavic Studies*, the guide covers both book and periodical articles in the fields of literature, philosophy, memoir literature and religion. Arranged alphabetically by author, it encompasses a huge amount of material. Unfortunately the entries are unnumbered and the bibliography is seriously hampered by the lack of a subject index. Thus while impressive in terms of scope and depth, Abyzov's work is limited in its usefulness. The second major guide is J. N. Katchaki's *Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia) 1920–1945*.⁹ Focusing on books, periodicals and music scores, it lists nearly 1500 items. An added valuable feature is a list of holding libraries. Katchaki's work also includes name, genre, subject, place, editor and publisher indexes. A useful supplement to Katchaki's bibliography is O. Durić's *Ruska literarna Srbija 1920–1941 (Pisateli, kružki, izdanija)*.¹⁰ Although not a bibliography, it does provide an impressive amount of information on the Russian community in Serbia. Russian publications appearing in Finland is the subject of Ben Hellman and Johan Kjellberg's *Suomen venäjänkielisen kirjallisuuden bibliografia 1813–1972*.¹¹ While concerned primarily with publications of the Imperial period, it does include some data on Russian emigré books and serials. The final work in this category is A. Khisamutdinov's article 'Russkaia pechat' v Kitae'.¹² It focuses on the books and journals held by the Hamilton Library of the University of Hawaii, and offers extensive details.

⁸ Iurii Abyzov, *Russkoe pechatnoe slovo v Latvii, 1917–1944 gg: bio-bibliograficheskii spravochnik* (Stanford, 1990–1991). This work appeared as volume 3, parts 1–4 of *Stanford Slavic Studies*.

⁹ J. N. Katchaki, *Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia) 1920–1945* (Arnhem: Proteus & Hygieia BV, 1991).

¹⁰ Ostoja Durić, *Ruska literarna Srbija 1920–1941 (Pisateli, kružki, izdanija)* (Dečje Novine, 1990).

¹¹ Ben Hellman and Johan Kjellberg, *Suomen venäjänkielisen kirjallisuuden bibliografia 1813–1972* (Helsinki: Helsingin yliopiston kirjasto, 1988). Reviewed in *Solanus*, New Series, 4 (1990), pp. 111–112.

¹² Amir Khisamutdinov, 'Russkaia pechat' v Kitae. Opisanie redkikh izdanii v russkoi kollektzii Gamil'tonskoi biblioteki Gavaiskogo universiteta. So vystupleniem Patristsii Polanski', *Rossiiane v Azii: literaturno-istoricheskii ezhegodnik* (Toronto) 1 (1994), pp. 251–282.

Of all the fields being researched in recent years, bibliographic treatment of Russian emigré literature has proven to be the most popular. Much of the work done in Russia on this topic has dealt not with literature published abroad, but with emigré works and writings about them appearing in the USSR and CIS. Four bibliographies fall into this category. The first is L. I. Filippova's *Russkoe zarubezh'e: ukazatel' literatury*.¹³ This guide begins with general articles on Russian emigrés, followed by an alphabetical listing of emigré authors and writings about them. Some 2151 items are covered. An author index completes the text. E. N. Bychkova's *106 literaturnykh imen russkogo zarubezh'ia: bibliograficheskii ukazatel'*¹⁴ is similarly organized. Surveying some 1247 items, it includes various useful indexes. The third guide of this type is V. T. Danichenko's *Literatura russkogo zarubezh'ia vozvrashchaetsia na rodinu: vyborochnyi ukazatel' publikatsii 1986–1990*.¹⁵ This ongoing guide is organized like the Filippova and Bychkova volumes, and draws its material from over fifty periodicals. A similar work is V. M. Nevezhina's *Literatura russkogo zarubezh'ia: bibliograficheskii ukazatel' (1989–1992 gg.)*.¹⁶

A. N. Nikoliukin's *Pisateli russkogo zarubezh'ia (1918–1940): spravochnik*¹⁷ takes a different approach to the question of emigré literature. Rather than trying to cover all authors, the guide focuses on major figures like Bunin, Gippius and others. Biographical data on each author are followed by a bibliography of works by and about each individual.

Interest in literature has also resulted in other types of publications. Library holdings of emigré material are the subject of I. V. Baldina's *Literatura russkogo zarubezh'ia v fondakh bibliotek Moskvy: kratkii spravochnik*,¹⁸ while exhibits have generated I. Z. Beliaeva's *Katalog knizhnoi vystavki 'Rossiiskoe Zarubezh'e v fondakh INION'*,¹⁹ and G. P. Demidenko and L. E. Tsygankova's *Literatura i iskusstvo russkogo zarubezh'ia 1917–1940 gg: katalog knizhnoi vystavki*.²⁰

Emigré historians and their scholarship are the topic of G. P. Demidenko's

¹³ L. I. Filippova, comp., *Russkoe zarubezh'e: ukazatel' literatury* (Iakutsk: Iakut. gos. univ. izd-vo, 1992).

¹⁴ E. N. Bychkova, *106 literaturnykh imen russkogo zarubezh'ia: bibliograficheskii ukazatel'* (Moscow: GPIB, 1992).

¹⁵ V. T. Danichenko, comp., *Literatura russkogo zarubezh'ia vozvrashchaetsia na rodinu: vyborochnyi ukazatel' publikatsii 1986–1990*. Vyp. 1, ch. 1–. (Moscow: Rudomino, 1993–).

¹⁶ V. M. Nevezhina, *Literatura russkogo zarubezh'ia: bibliograficheskii ukazatel' (1989–1992 gg.)* (Voronezh: Gos. Univ., 1993). 3 parts.

¹⁷ A. N. Nikoliukin, ed., *Pisateli russkogo zarubezh'ia (1918–1940): spravochnik*. Ch. 1–. (Moscow: INION, 1993–).

¹⁸ I. V. Baldina, comp., *Literatura russkogo zarubezh'ia v fondakh bibliotek Moskvy: kratkii spravochnik* (Moscow: Rudomino, 1993).

¹⁹ I. Z. Beliaeva, comp., *Katalog knizhnoi vystavki 'Rossiiskoe Zarubezh'e v fondakh INION'* (Moscow: INION, 1993).

²⁰ G. P. Demidenko and L. E. Tsygankova, comps., *Literatura i iskusstvo russkogo zarubezh'ia 1917–1940 gg: katalog knizhnoi vystavki* (Moscow: GPIB, 1993).

*Istoriki russkogo zarubezh'ia 1917–1940 gg: katalog knizhnoi vystavki.*²¹ Arranged alphabetically, the guide lists both book length and periodical literature, as well as reprints and publications on the historians themselves. Although unstated in the title, the guide also includes material on emigré philosophers and members of the Eurasianist movement.

Religion has elicited some bibliographic interest in recent years. A. V. Iudin's *Ruskaia Katolicheskaia periodicheskaia pechat' XX veka: katalog*²² offers extensive data on 50 Catholic periodicals in the Russian language published worldwide. Iudin's guide also has useful editor and geographic indexes. Individuals also receive attention. Paul Garrett covers the publications of Father Alexander Schmemmann for the period 1947–1983.²³

Lastly, the Russian Scouting movement is the subject of N. V. Zeleznova-Cheshukhina's article, 'Krutye tropy skautov'.²⁴ Covering the period 1902–1992, it has recently been augmented by articles by R. V. Polchaninov, I. A. Ioffe and V. A. Ukolova.²⁵

Periodicals

Recent work on periodicals falls into three distinct categories: guides, indexes and abstracts. Among the guides is V. Zarubin's article, 'Putevoditel' po russkoi i russkoiazychnoi periodike v Evrope',²⁶ which appeared in the journal *Moskva*. It provides brief historical and bibliographic information on current Russian periodicals. Far more extensive in scope is Allan Urbanic's *Russian Emigré Serials: A Bibliography of Titles Held by the University of California, Berkeley Library*.²⁷ It deals with 675 alphabetically listed titles, and includes a number of useful indexes. I. E. Berezovskaia's *Materialy k svodnomu katalogu periodicheskikh i prodolzhaishchikhsia izdaniï rossiiskogo zarubezh'ia v bibliotekakh Moskvy (1917–1990 gg)*²⁸ is the first major attempt to deal with emigré periodicals in Moscow libraries. Arranged alphabetically, the guide lists

²¹ G. P. Demidenko, comp., *Istoriki russkogo zarubezh'ia 1917–1940 gg: katalog knizhnoi vystavki* (Moscow: GPIB, 1993).

²² A. V. Iudin, *Ruskaia Katolicheskaia periodicheskaia pechat' XX veka: katalog* (Brussels: Zhizn' s Bogom, Moscow: Rudomino, 1992).

²³ Paul Garrett, 'Fr. Alexander Schmemmann: A Chronological Bibliography', *St Vladimir's Theological Quarterly*, 28 (1984), no. 1, pp. 11–26.

²⁴ N. V. Zeleznova-Cheshukhina, 'Krutye tropy skautov', *Bibliografiia*, 1993, no. 1, pp. 82–92.

²⁵ R. V. Polchaninov, 'O bibliografii russkogo skautskogo dvizheniia', *Bibliografiia*, 1994, no. 2, p. 139; I. A. Ioffe and V. A. Ukolova, 'Novye dorogi skautov', *Bibliografiia*, 1994, no. 2, pp. 136–139.

²⁶ Valentin Zarubin, 'Putevoditel' po russkoi i russkoiazychnoi periodike v Evrope', *Moskva*, 1991, no. 1, pp. 198–207.

²⁷ Allan Urbanic, *Russian Emigré Serials: A Bibliography of Titles Held by the University of California, Berkeley Library* (Berkeley: University of California, Berkeley Library, 1988).

²⁸ I. E. Berezovskaia, *Materialy k svodnomu katalogu periodicheskikh i prodolzhaishchikhsia izdaniï rossiiskogo zarubezh'ia v bibliotekakh Moskvy (1917–1990 gg)* (Moscow: GPIB & Biblioteka im. Lenina, 1991). For a review, see *Svobodnaia Mysl'*, 1992, no. 2, p. 127.

593 items providing bibliographic information and a list of holding libraries. Institutional and geographic indexes are included. One hopes that this promising start will result in other such Russian-produced guides. An earlier article by R. Löwenthal deals with the Russian periodical press in China.²⁹ Lastly, T. Pachmuss deals with Russian periodicals in Finland and the contents of *Zhurnal sodruzhestva*.³⁰

Only two attempts have been made recently to index Russian emigré periodicals. They are Abyzov's work discussed above and T. L. Gladkova and T. A. Osorgina's *L'Émigration russe. Revues et recueils, 1920–1980. Index général des articles*.³¹ Gladkova and Osorgina's guide deals with some 40 journals and 16 anthologies to create a body of 25,260 items. Unfortunately, like the Abyzov guide, this work has no subject index, hampering its effectiveness as a research tool. Both, however, break new ground in the field and thus offer insight into many unknown publications.

The sole ongoing project to abstract contemporary periodicals is *Abstracts of Soviet and East European Emigré Periodical Literature*.³² Begun in 1981, this guide (renamed in 1992 as *Zarubezhnaia periodicheskaiia pechat' na russkom iazyke: referativnyi zhurnal*) has in its first ten volumes abstracted 21,558 articles from periodicals, serials and newspapers. Included are personal name, author, subject and title indexes. Given its longevity and excellence, this guide warrants serious attention.

Newspapers

While guides discussed above include newspapers and newspaper articles, there have been no new projects to deal with them as separate bibliographic entities. The only relevant work is a reprint of L. F. Magerovskii's 1939 guide *Bibliografiia gazetnykh sobranii russkogo istoricheskogo arkhiva za gody 1917–1921*.³³ Two non-bibliographic articles dealing with Russian newspapers abroad are

²⁹ Rudolf Löwenthal, 'The Russian Daily Press in China', *Chinese Social and Political Science Review*, 21 (1937), no. 3, pp. 330–340. This article was reprinted in Catholic Church in China, *Digest of the Synodal Commission* 11 (1938), no. 4, pp. 375–384.

³⁰ T. Pachmuss, 'Russian newspapers and journals in Finland' and 'The Journal of Concord', pp. 235–243, 253–263 of her *A Moving River of Tears: Russia's Experience in Finland*, American University Studies, Series XII: Slavic Languages and Literature, Vol. 15 (New York, Peter Lang, 1992).

³¹ T. L. Gladkova and T. A. Osorgina, *L'Émigration russe. Revues et recueils, 1920–1980. Index général des articles* (Paris: Institut d'études slaves, 1988). For reviews, see *Solanus*, New Series, 4 (1990), pp. 107–108, and *Russkaia literatura*, 1990, no. 3, pp. 200–202.

³² Leonid Khotin, ed., *Abstracts of Soviet and East European Emigré Periodical Literature* (Pacific Grove, California, 1981–). Since 1992 it has been renamed *Zarubezhnaia periodicheskaiia pechat' na russkom iazyke: referativnyi zhurnal* (Berkeley, California).

³³ L. F. Magerovskii, *Bibliografiia gazetnykh sobranii russkogo istoricheskogo arkhiva za gody 1917–1921* (New York: Norman Ross Publishing, 1992).

A. Ia. Manusevich's 'Neizvestnaia revoliutsionnaia gazeta—prazhskaia "Pravda"',³⁴ and A. N. Bogoslovskii, 'Gazeta "Russkaia Mysl"': edinstvo kul'tury poverkh granitsy'.³⁵

Publishing Houses and Bookstores

Among the important cultural centres for the Russian community abroad are publishing houses and bookstores. A. Kartashev surveys the accomplishments of a major press in his *70 Let izdatel'stva 'IMKA-Press' 1920–1990*.³⁶ Andrzej Kłossowski and Wojciech Zalewski approach the topic from another angle. Their *Dealers of Polish and Russian Books Active Abroad 1918 to Present: A Contribution to the History of Book Trade*³⁷ aims at providing a list of book dealers worldwide. Based on an enormous amount of work, their book offers an important first step in the further study of the Russian community. Articles by A. G. Timofeev³⁸ and T. P. Voronova³⁹ offer insights into Russian publishing in twentieth-century Berlin and eighteenth-century Paris.

Studies of Emigré Publishing

In the last several years a small number of studies have addressed emigré publishing. They include Halyna Myroniuk's survey of the Russian press in the United States,⁴⁰ Martin Miller on the nineteenth-century emigré press,⁴¹ E. L. Rudnitskaia on the emigré press and political exile in Siberia,⁴² and A. L. de Saint-Rat on children's books by emigré artists.⁴³

³⁴ A. Ia. Manusevich, 'Neizvestnaia revoliutsionnaia gazeta—prazhskaia "Pravda"', *Voprosy istorii KPSS*, 1990, no. 2, pp. 111–116.

³⁵ A. N. Bogoslovskii, 'Gazeta "Russkaia Mysl"': edinstvo kul'tury poverkh granitsy', *Novyi mir*, 1992, no. 1, pp. 193–195.

³⁶ A. Kartashev, *70 Let izdatel'stva 'IMKA-Press' 1920–1990* (Paris, 1990).

³⁷ Andrzej Kłossowski and Wojciech Zalewski, *Dealers of Polish and Russian Books Active Abroad 1918 to Present: A Contribution to the History of Book Trade* (Warsaw: The National Library; Stanford: Stanford University Libraries, 1990).

³⁸ A. G. Timofeev, 'Mikhail Kuzmin i izdatel'stvo "Petropolis": novye materialy po istorii "Russkogo Berlina"', *Russkaia literatura*, 1991, no. 1, pp. 189–204.

³⁹ T. P. Voronova, 'K voprosu o russkoi tipografii v Parizhe v 1790-kh gg.', in *Kniga v Rossii v epokhu prosveshcheniia. Sbornik nauchnykh trudov*. A. A. Zaitseva, ed. (Leningrad: BAN, 1988), pp. 67–73.

⁴⁰ Halyna Myroniuk, 'The Russian Press', in Sally M. Miller, ed., *The Ethnic Press in the United States: Historical Analysis and Sourcebook* (New York: Greenwood Press, 1987), pp. 325–336.

⁴¹ Martin A. Miller, 'The Transformation of the Russian Revolutionary Emigré Press at the End of the Nineteenth Century', *Russian History*, 16 (1989), no. 2–4, pp. 197–207.

⁴² E. L. Rudnitskaia, 'Politicheskaia ssylka v Sibiri na stranitsakh izdaniia vol'noi russkoi tipografii A. I. Gertsena i N. P. Ogareva (k postanovke temy)', in *Politicheskaia ssylka v Sibiri XIX–nachalo XX v. Istorografiia i istochniki*. L. M. Goriushkin, ed. (Novosibirsk: Nauka, 1987), pp. 6–19.

⁴³ A. L. de Saint-Rat, 'Children's Books by Russian Emigré Artists: 1921–1940', *Journal of Decorative and Propaganda Arts*, 11 (Winter 1989), pp. 92–105.

Material of Related Interest

The topic generating the most attention recently has been the *Russkii Zagranichnyi Istoricheskii Arkhiv* in Prague. This archive, a major repository for Russian emigré material of all types, was moved to Moscow by Soviet forces at the end of World War II and hence 'lost' to most scholars for nearly half a century. Two major guides to its holdings by Postnikov and Magerovskii have been discussed above. In addition, two recent articles by T. F. Pavlova⁴⁴ and R. J. Kneeley and E. Kasinec⁴⁵ provide additional background and data. Other interesting studies include G. V. Mikheeva's articles on the bibliography of the White movement,⁴⁶ G. G. Firsov on the Turgenev library in Paris,⁴⁷ A. D. Stepankii on Russian archival material in New York,⁴⁸ A. N. Bogoslovskii on the journal *Posev*,⁴⁹ and M. Molloy's bibliography on N. V. Riasanovskii.⁵⁰

As this article has indicated, the period since 1988 has witnessed an unprecedented renewal of interest in the Russian community abroad and its publications. Much valuable work has been accomplished, but much more needs to be done. Obvious needs include, among others, greater retrospective indexing of periodicals and newspapers, annotated guides to emigré books published before 1980, further in-depth work on Russian publications appearing outside North America and Western Europe, guides to post-1917 emigré material in Russian and CIS archives and libraries, and annotated bibliographies of emigré memoirs which were published solely in languages other than Russian.

One clear lesson is that future bibliographic projects in this area will have to rely to a greater extent on international cooperation. Given the nature of the material, no one individual or institution can hope to provide comprehensive coverage. It is only with such a concerted effort that the publications of the Russian community abroad can fully play a role in Russia's future development.

⁴⁴ T. F. Pavlova, 'Russkii zagranichnyi istoricheskii arkhiv v Prage', *Voprosy istorii*, 1990, no. 11, pp. 19–30.

⁴⁵ Richard J. Kneeley and Edward Kasinec, 'Slovanská knihovna in Prague and its RZIA Collection', *Slavic Review*, 51 (1992), no. 1, pp. 122–130.

⁴⁶ G. V. Mikheeva, '“Belaia pechat” (Belogvardeiskie periodicheskie izdaniia kak ob’ekt bibliografirovaniia v 1918–1922 gg)', *Bibliografiia*, 1992, no. 3–4, pp. 109–115. G. V. Mikheeva, 'Bibliograficheskii uchet Belogvardeiskoi i emigrantskoi literatury 1918–1922', *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniia*, 1993, no. 3, pp. 19–36.

⁴⁷ G. G. Firsov, 'Turgenevskaiia obshchestvennaia biblioteka v Parizhe', *Kniga: Issledovaniia i materialy*, 53 (1986), pp. 129–143.

⁴⁸ A. D. Stepankii, 'Rossiiskie dokumenty v arkhivakh N'iu-Iorka', *Otechestvennye arkhivy*, 1992, no. 3, pp. 117–119.

⁴⁹ A. N. Bogoslovskii, 'Russkaia kniga za rubezhom. Posev—obshchestvenno-politicheskii zhurnal, organ Narodno-Trudovogo Soiuza (NTS)', *Novyi mir*, 1991, no. 12, pp. 247–248.

⁵⁰ Molly Molloy, 'Nicholas V. Riasanovsky: An Updated and Revised Bibliography', *Russian History*, 20 (1993), no. 1–4, pp. 237–263.

Acknowledgements

My sincere thanks to Christine Thomas and the anonymous readers for their advice and patience. I would also like to thank David Arans, Olga Bakich, Harold Leich, Molly Molloy, Patricia Polansky and Wojciech Zalewski. My thanks also to the staffs of the Interlibrary Loan Office, Penfield Library, State University of New York, College at Oswego, the staffs of Butler Library, Columbia University, the Slavic/Baltic Division of the New York Public Library, Olin Library, Cornell University, Russian State Library (Moscow) and the State Public Historical Library (Moscow). Any and all errors are my responsibility.

Independent Libraries in Leningrad

D. K. Ravinskii and V. V. Ialysheva

Against the multitude of striking events marking the change to our country's social structure, one particular phenomenon may have appeared insignificant. Yet in it were reflected, as in one drop of water, the social trends of the transitional period. This was the appearance of the so-called 'independent libraries', that is, of libraries openly proclaiming their independence of any state structure.

A characteristic of every totalitarian regime is, of course, the strict control exercised over all aspects of social life, and in particular over 'ideological institutions', including libraries. State control extended to all Soviet libraries, even to those which had no formal attachment to the state, such as the library of a chess club or of a scholars' centre (*dom uchenykh*). From time to time 'underground libraries' emerged, offering material not accessible in the official libraries, but they were suppressed and their founders subjected to persecution.

Independent libraries began to appear in the late 1980s, most notably in Moscow and Leningrad, but also in Sverdlovsk, Kuibyshev and other cities. This article deals with the independent libraries of Leningrad.

It would seem that two particular circumstances made possible the existence of independent libraries. Firstly, 'reading and dissemination' ceased to be a dangerous undertaking. The last criminal prosecution under Article 70 of the RSFSR Criminal Code (on anti-Soviet agitation and propaganda) was in fact brought in Leningrad in 1988 against a number of political activists, but it aroused strong protests from the public and came to nothing. Although the readers of some independent libraries were given the opportunity of registering under pseudonyms, and—it must be admitted—no-one could guarantee that repression would not be resumed, nevertheless no overt threat to the libraries was made by the authorities. Secondly, the censorship remained in being, although in gradual retreat. The boundaries of the permissible were receding, but were fully visible at any given moment. It was easy to determine which works 'still cannot be published here'. It was within this period of time, when repression had ended but censorship continued, that independent libraries made their appearance.

We are aware of the existence of ten or so independent libraries in Leningrad during the period 1989–1993, excluding national-minority and religious ones, but we have described here the situation of five, the activities of which became widely known. Nearly all the independent libraries in Leningrad passed through a phase of 'test-tube growth', during which they existed for the benefit of a small circle of 'initiates'. This was not an underground existence,

however, since prosecutions for 'reading and dissemination' had practically ceased. The breakthrough came in 1989, when the Leningrad Independent Library (*Leningradskaia nezavisimaia biblioteka*) and the Independent Voluntary Library (*Nezavisimaia obshchestvennaia biblioteka*) began to function on a larger scale at virtually the same time (April–May). Early in 1990 the Wisdom Library (*Biblioteka 'Mudrost'*) and the library of the Free Russian Contemporary Art Foundation (*Fond svobodnogo russkogo sovremennogo iskusstva*) both announced their existence. Later in the same year a number of libraries for national-minority organisations opened to readers, as did the library of the Christian Cultural Centre (*Khristianskii kul'turnyi tsentr*). The five libraries which made their appearance before the others each symbolised the various impulses in society which had given rise to the formation of independent libraries. It can be said that each of these libraries filled a particular niche within the range of informational needs of readers roused to social activity.

1. The Leningrad Independent Library had a 'culturological' bias from the outset. This was in part because the library was set up and developed under the auspices of the Leningrad Cultural Foundation (*Leningradskii fond kul'tury*), in which one of its creators, M. G. Talalei, worked for a time. At the same time, another 'breeding-ground' played a part in the formation of the library. At its origin was a 'socially active group of young people' directly linked with the movement begun in 1987 to protect the Hotel Angleterre building, one of the first instances of an informal social movement in Leningrad. The library's supporters also included participants in the independent cultural movement grouped around the samizdat journals. Leningrad samizdat publications formed an important element in the stock of the Leningrad Independent Library, while its selection of samizdat journals was—from our own observations—the most extensive of any independent or state library in the city. The library was housed at 32 Nevskii Prospekt, on the premises of the Cultural Foundation.

The library's organisers saw their purpose as enabling interested readers to acquaint themselves with the imaginative literature produced by the independent press, and with publications on cultural subjects issued chiefly in Leningrad and Moscow. The stock was arranged on open access for lending. The library regarded itself as a cooperative: that is, those who used it as registered readers became in effect joint owners by paying a fee. A record of items borrowed was kept by means of forms completed by readers. There was no complete catalogue. Registration details were recorded as supplied by the readers themselves. The library was used by a hundred or so people, mostly students, the creative intelligentsia and white-collar workers.

The library's stock was not large: about 200 titles. It was built up by means of purchases, exchange with other libraries, donations from the USSR and

abroad, and through direct links with the editorial offices of journals such as *Devochkam i mal'chikam* and *Mitin zhurnal*. The founders of the library included individuals such as Mikhail Talalei, Sergei Sheinin, Ol'ga Abramovich and others, but some changes in the personnel involved took place later. The library was run by unpaid voluntary staff, and was open on Wednesdays from 6.00 to 8.00 p.m. It was a meeting place for people sharing the political views of its organisers.

2. The Independent Voluntary Library was set up in Leningrad in May 1989, after the establishment of the Moscow Independent Voluntary Library, which opened on 15 November 1988. It adopted a distinct political stance from the outset. It would be true to say that the library's founders, like those of the Leningrad Independent Library, represented 'socially active young people', but they were more highly politicised, leaning not towards the cultural and ecological movement but towards the Democratic Union (*Demokraticheskii soiuz*), the first independent political party, and its youth wing ('*demsomol*'). In the foundation of the library, the lead was taken by Vitalii Grigor'ev, a member of the Democratic Union and a social democrat. Initially the library described itself as the library of the Democratic Union, but it soon began to emphasise its independence in principle from all existing organisations and movements. The organisers called it 'a non-commercial, self-administered and self-financing library'.

The library's stock included the independent press with a socio-political emphasis, samizdat and Western publications. By 1992 it had been greatly expanded by independent press material from various parts of the USSR. The political, national and non-traditional religious movements of Russia were all represented, as were the titles of the Western publishers Posev and Ermitazh, and journals including *Strana i mir*, 22 and *Sintaksis*.

By 1993, when the library ceased to function actively, its holdings were fairly extensive: 'everything which it was forbidden to read a few years ago', from belles-lettres and literary studies to economics and politics, although political material did predominate (J. Barron, A. Avtorkhanov, L. Fischer, etc.).

The stock was organised for lending by subscription, with open access. It was added to by means of gifts, purchases, copying, exchanges with other libraries, and direct contacts with newspaper editors. Sources of funding included the organisers' personal resources and income from commercial operations such as the sale of duplicates and photocopies.

The library contained over 1000 items, many of which were xerox copies. It was staffed by five or six volunteers. It was open to readers for three hours twice a week, and was used by dozens of people. Loaned items were recorded in a register giving the date of loan, reader's name or pseudonym, publication details and signature. The library changed its address several times in the

course of its existence, operating in private flats and later at 23 ul. Rubinshteina and elsewhere. The organisers were very active in public life, and advertised the library in the mass media.

3. The rise of the 'Wisdom' Library of Esoteric Literature was linked with the legalisation and development of the non-confessional spiritual movement. Its basis was formed by the book collection of the 'Health Group' (*gruppa zdorov'ia*) at one of the Houses of Culture. The aim of the library was to collect all that was best on the various aspects of man's spiritual life (occult sciences, philosophy, religion, psychology, Oriental single combat, yoga, palmistry, etc.). Its beginnings can be traced back to 1986, but from the beginning of 1990 it existed as a self-financing and unsubsidised entity.

The stock was organised for paid borrowing, with closed access. A deposit was required on registration. The library offered additional services, such as the sale of books which it reproduced itself and the hire of photocopying materials. Over half the stock consisted of reproductions of rare and valuable publications from the nineteenth century, and the remainder, of twentieth-century works. About 10% of the holdings were in foreign languages. The stock was built up from the organisers' personal collections, gifts, copying, exchanges with similar libraries elsewhere in the country, and purchases.

The stock was fluid and changing, responding to demand. If interest waned in a certain book or topic, the material was sold off. The total holdings approached 15,000 volumes. Arrangement was by subject, with alphabetical and subject catalogues. Registration practice varied: sometimes it required only the applicant's word, sometimes the production of a passport. The body of readers was very broadly based, ranging from schoolchildren to pensioners. A considerable proportion consisted of people with a higher education and students. The number of users fluctuated, but reached as many as a hundred.

In the period of its active existence the library occupied four or five successive addresses due to difficulties in finding accommodation. It was open on average twice a week for a few hours at a time, and was staffed largely by its organisers. It ceased to operate on a large scale in 1993.

4. The Library of the Free Russian Contemporary Art Foundation was opened in January or February 1990 at Kamskaia ulitsa 9, in a branch of the Petrograd TsBS (Centralised Library System). It had as its basis the personal collection of the well-known defender of human rights, Georgii Nikolaevich Mikhailov. Eighty per cent of the stock was from across the border, brought in to acquaint readers with Russian culture abroad which had previously been inaccessible to them: the library was a striking example of missionary activity. It was maintained principally at the expense and through the connections of G. N. Mikhailov, but also benefited from the proceeds of exhibitions by

contemporary artists.

The stock specialised in Russian-language publications from abroad, including politics, philosophy, religion, art and belles-lettres. There were over 1000 titles of books and periodicals in all. The collection was organised as a fee-charging reading room with open access. There were several hundred users, including schoolchildren, students and members of the creative intelligentsia. There was an alphabetical catalogue of the non-periodical stock, and arrangement was by subject and type of publication. The library advertised its activities in the mass media.

5. The Library of the Christian Democratic Union is associated with the arts department of the St Petersburg *oblast'* library. On 25 August 1990 a Christian Cultural Centre was opened there, and the CDU's headquarters is also located there.

The library's stock has been divided into two parts. One part has been transferred as a donation to the *oblast'* library, while the other constitutes a separate collection and is the property of the CDU. The latter has been temporarily transferred for use by the *oblast'* library. In the spring of 1994 the CDU library consisted of about 120 volumes. There is an alphabetical catalogue. Separate forms are used to record loans. Anyone who wishes may use the library during opening hours. Several book exhibitions are always on display. The stock specialises in Christian philosophy. Most of the holdings (as much as 90%) are works in Russian from abroad. The library is maintained by the St Petersburg CDU and by private contributions. The stock is organised as a reading room with open access, with alphabetical arrangement by author and title. Service is provided by staff of the *oblast'* library.

The late 1980s and early 1990s were the period during which the independent libraries flourished. Since then they have, one by one, ceased their active operations, although final closure and transfer to other institutions has been the exception rather than the rule.

Each instance of a library's becoming 'frozen' is the consequence of a combination of circumstances. It could be said that the independent libraries were the victims of accumulating organisational problems: the rapid rise in the cost of accommodation and the effects of inflation which rendered meaningless the system of monetary values.

In our view, however, these specific organisational problems were only symptoms of a deeper crisis. By the early 1990s the independent libraries—in the form in which they had appeared on the social scene a few years earlier—had played out their historic role. The virtual disappearance of censorship was naturally of key importance. This was not only because many of the publications which attracted readers to the independent libraries could now be easily

obtained through other channels. The attraction of prohibition, and of belonging to an exclusive circle, also disappeared, both having undoubtedly played a substantial part in the growth of the independent libraries. We believe that the social significance of such libraries has itself changed.

The growth of public social activity in the period 1985–1988 demanded the formation of a broadly based stratum of socially active individuals who were psychologically prepared for civic activity and free self-expression and who had access to suitable information. The appearance of the independent libraries fulfilled four basic functions:

1. Demonstrative: it was important to show that ‘now you can’, that ‘we’re not afraid to give our address—don’t be afraid to come to us’. Hence the extensive advertising campaigns, from newspaper announcements to notices at bus-stops, which accompanied the appearance of independent libraries. The distribution in April/May 1989 of information on the Leningrad Independent Library was very important, giving readers open access for the first time to *Kontinent*, *Strana i mir* and other such titles.
2. Organisational: regular meetings in the libraries became a basis for the formation of a socially active stratum of people.
3. Informational: the introduction of the reader to works which, for one reason or another, were still outside the frame of glasnost.
4. Archival: the collecting and preservation of samizdat, election leaflets and other documents of the period.

We venture the opinion that the first two functions were the principal ones at the time. The emphasis on the libraries’ independent character is significant: independence was perceived as an absolute value.

It may now be said that this ‘heroic’ phase in the existence of the independent libraries has come to an end. The task of forming a socially active stratum of the population, as it presented itself at the turn of the decade, has been accomplished. The new élite of post-perestroika society is less open. As a result, those non-state libraries which are set up in future will not be open to all, but will be the libraries of clubs, associations or parties (serving members only), or of banks, firms etc.; but this is the subject for a separate discussion.

Translated from Russian by Gregory Walker

Les publications en langues polonaise et latine à Kiev au XVIIe s.

Waldemar Deluga

Nées au centre de rite orthodoxe de Kiev, les oeuvres polono-latines appartiennent à la fois aux littératures polonaise et ukrainienne, et méritent une présentation développée: elles gardent des formes littéraires archaïques, montrent l'interpénétration des modèles byzantins et de la tradition latine, cette dernière se concrétisant aussi dans la présence de gravures sur bois. Les textes littéraires kiéviens du XVIIe s. sont étroitement liés aux activités de la Laure (Kievo-Pečerskaja Lavra, ou Monastère des Grottes) et du Collège (ou Académie) de Mohyla. Ce sont surtout des ouvrages de circonstance, écrits à diverses occasions: nominations de nouveaux métropolites, mariages, enterrements, visites de personnalités Il y a aussi des textes hagiographiques, polémiques et de propagande, composés par les élèves et les professeurs du Collège.

Il existe peu d'études sur cette activité littéraire, et elles présentent surtout des matériaux de base en ukrainien, avec un peu de critique de texte.¹ Les oeuvres littéraires publiées en polonais à l'imprimerie de la Laure sont présentées dans les revues du XIXe s. et dans la monographie de Titov.² Mentionnons le livre du Français Antoine Martel, qui met en relief le rôle du polonais dans la formation des parlers ruthènes en comparant aux textes ruthènes des oeuvres polonaises des XVIIe et XVIIIe s.³ La plus importante étude sur la poésie polonaise du milieu kiévien est due à Ryszard Łużny, et concerne les écrivains du cercle de l'Académie de Mohyla.⁴ Elle se concentre sur des

¹ Cf. B. Kryza, 'Kharakter samousvidomlenniiia ukraïns'koï poeziï u XVII–XVIII stolittiakh', *Zapysky Naukovoho Tovarystva imeni T. Shevchenka. Pratsi Filolohichnoi Sektsii*, vol. CCXXIV (Lviv, 1992), pp. 44–55; *Ukraïns'ka literatura XVII st. Synkretychna pysmenist', poeziia, dramaturhiia, beletristyka* (Kyïv, 1987); *Ukraïns'ka literatura XVIII st. Poetychni tvory, dramatychni tvory* (Kyïv, 1983); K. Bida, *Ioanniki Galatovskii i ioho 'Kliuch Razumenia'*, *Opera Greco-Catholicae Academiae Theologica*, vol. XXXVII–XXXIX (Rome, 1975); M. S. Hrytsai, V. L. Mykytas', F. Ia. Sholom, *Davnaia ukraïns'ka literatura* (Kyïv, 1989); D. S. Nalyvaiko, 'Kyïvski poetyky XVII–u pochatku XVIII st. u konteksti evropeis'koho literaturnoho protsesu', dans *Literaturna spadshchina Kyïvs'koï Rusi i ukraïns'ka literatura XVI–XVIII st.* (Kyïv, 1981), pp. 166–195; H. Syvokin, *Davni ukraïns'ki poetyki* (Kharkiv, 1960).

² Cf. F. Titov, *Tipografiia Kievo-Pecherskoi Lavry. Istoricheskii ocherk (1606–1616–1916)* (Kiev, 1916).

³ A. Martel, *La langue polonaise dans les pays Ruthènes. Ukraine et Russie Blanche 1589–1667* (Lille, 1938). Cf. A. Jobert, *De Luther à Movila. La Pologne dans la crise de la chrétienté 1517–1648* (Paris, 1974).

⁴ R. Łużny, *Pisarze z kręgu Akademii Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polsko-słowiańskich w XVII–XVIII wieku, prace historyczno-literackie* (Kraków, 1966); R. Łużny, 'The Kiev Mohyla Academy in Relation to Polish Culture', *Harvard Ukrainian Studies*, vol. VIII

textes manuscrits qui remontent pour la plupart au XVIIIe s. et sont conservés aux Archives centrales de Moscou; il y est fait une grande place aux oeuvres littéraires de Simeon Polockij, Feofan Prokopovič (Teodor Prokopowicz) et Lazar Baranovič (Łazarz Baranowicz). Citons encore les articles de Paulina Lewin sur des manuscrits du XVIIIe s. et sur certaines oeuvres dramatiques ukrainiennes.⁵

Wiesław Witkowski a présenté les oeuvres de Ioannikii Galjatovskij (Joaniciusz Galatowski) écrites en polonais,⁶ et un article de Radyševs'kyi a traité de la poésie polonaise des XVIe et XVIIe s.⁷ Récemment l'Ukrainien Masluk a fait paraître un livre sur la littérature latine de cette époque,⁸ deux de ses compatriotes, Jakym Zapasko et Jaroslav Isaevyč, ont dressé un catalogue en trois volumes d'oeuvres parues sur le territoire de l'actuelle Ukraine, où nous retrouvons de nombreuses publications sorties des imprimeries de Kiev.⁹ Les dernières années ont vu croître l'intérêt pour l'ancienne littérature baroque polonaise, des anthologies ont vu le jour, qui présentent aussi des poèmes d'auteurs kiéviens tels Lazar Baranovič,¹⁰ des imprimés emblématiques parus à Kiev aux XVIIe et XVIIIe s. ont été réédités.¹¹

Le développement des techniques graphiques aux confins de la République de Pologne est lié au cercle d'influence de l'Eglise orthodoxe, mais il a contribué à la vulgarisation des courants artistiques et des idées modernes. Les imprimeries de Kiev, travaillant sur commande de la Métropole (i.e. siège au métropolitain), publiaient concurremment des textes en cyrillique et des oeuvres en polonais et en latin, et favorisaient ainsi l'introduction de nouveaux genres littéraires, polémiques, emblématiques et de propagande, ignorés jusque là du monde orthodoxe. Les gravures sur bois qui illustraient les écrits de circonstance publiés en l'honneur d'un personnage ou d'un événement de la

(Cambridge, Mass., 1984), nr. 1–2, pp. 123–135.

⁵ P. Lewin, 'Nowe znaleziska staroruskich rękopisów w ZSRR', *Slavia Orientalis*, 1961, nr. 3, pp. 395–420; P. Lewin, *Intermedia wschodniosłowiańskie XVI–XVIII wieku* (Wrocław, 1974); P. Lewin, 'Nieznana poetyka kijowska z XVII wieku', dans *Z dziejów stosunków literackich polsko-ukraińskich*, red. S. Kozak, M. Jakóbiec (Wrocław, 1974), pp. 71–90.

⁶ W. Witkowski, 'Język literatury ukraińskiej XVII wieku. (Problematyka badań)', *Sprawozdania z posiedzeń Komisji PAN, Oddział w Krakowie* (Lipiec-grudzień, 1965) (Kraków, 1966), pp. 400–402.

⁷ P. R. Radyševs'kyi, 'Pol'skomovna ukraiń'ska poeziia XVI–XVII st. (Do pytan'nia ukraiń'sko-pol'skykh literaturnykh vzaiemyn)', *Slov'ians'ke literaturoznavstvo i folklorystyka*, vol. XVII (Kyïv, 1989), pp. 3–11.

⁸ V. M. Masluk, *Latinomovni poetyky i rytoryky XVII–pershoï polovyny XVIII st. ta ikh rol' u rozvitku literatury na Ukraïni* (Kyïv, 1983).

⁹ Ia. Zapasko, Ia. Isaevych, *Pam'iatky knyzhkovoho mystetsva. Kataloh starodrukiv vydanykh na Ukraïni* (Kyïv, 1982–84), 3 vols.

¹⁰ *Helikon Sarmacki, wątki i tematy polskiej poezji barokowej*, wybór tekstów, wstęp i komentarze A. Vincenz, opracowanie tekstów i bibliografii M. Malicki (Wrocław, 1989).

¹¹ W. Deluga, 'Kijowskie druki emblematyczne XVII–XVIII wiecznych wydań polsko- i łacińskojęzycznych', *Medievalia Ukrainica. Mentalnist ta istoriia idej*, vol. II (Kyïv, 1994).

vie monastique représentent un domaine inexploré dans l'activité des graveurs employés autour de l'imprimerie du monastère. Le Collège, fondé en 1629 par Petr Mohyla en fusionnant une école de congrégation et l'école ouverte auprès de la Laure, avait pour des raisons religieuses et politiques un caractère latino-polonais visible. Mohyla soulignait l'importance de la connaissance des littératures européennes, nous n'en voulons pour preuve que la richesse de sa bibliothèque; il affirmait: 'Pour les Ruthènes, il est bon d'apprendre le grec et le slavon pour les cérémonies du culte, mais pour la politique, cela ne suffit pas: il leur faut acquérir la connaissance du polonais et du latin. En effet dans le royaume de Pologne on se sert du latin presque comme d'une langue maternelle, non seulement à l'église, mais devant Sa Majesté ou au Sénat ...'.¹² Les maîtres de rhétorique au Collège puisaient surtout dans la tradition oratoire polonaise pour enseigner à leurs étudiants l'éloquence et les différents types d'interventions adaptés aux événements de la vie publique ou privée. Nous voyons des manuels qui proposent de nombreux exemples de discours et d'art épistolaire;¹³ les années trente du XVIIe s. ont vu l'apparition des premières oeuvres poétiques écrites en ukrainien, mais en suivant les principes du discours latin.

On ne peut bien comprendre le caractère de cette littérature sans étudier aussi les illustrations, et ce par les méthodes de l'analyse comparée.¹⁴ Nous voulons donc présenter ici des exemples d'imprimés illustrés de gravures sur bois et sur cuivre, où texte et illustration forment une véritable unité.¹⁵

Les éditions polonaises et kiéviennes du XVIIe s. présentent de nouvelles formes d'emblèmes, avec une grande fréquence de compositions tripartites: icône ou image (*imago*), devise ou 'lemme', et épigraphe, rimée ou non. Parallèlement apparaissent des stemmates dont le centre est occupé par un emblème ou un élément d'emblème.¹⁶ L'emblème est fréquent sur tous

¹² A. I. Roger, 'Petr Mogila kak antiuniatskii polemist', dans *Slaviane i ikh sosedi. Katolitsizm i pravoslavie v srednie veka. K XVIII Mezhdunarodnomu Kongressu Vizantinistov* (Moskva, 1991), pp. 109–118.

¹³ A. Martel (note 3), p. 385. Cf. W. Deluga, 'Das künstlerische Mäzenat der Pietscherskaja Lavra im Kiev des 17. Jahrhunderts', *Revue des études sud-est européennes*, vol. XXXI (București, 1993), pp. 105–114.

¹⁴ R. Łużny, *Pisarze ...* (note 4), pp. 9–21. Cf. A. Sydorenko, *The Kievan Academy in the Seventeenth Century* (Ottawa, 1978); N. Pylypiuk, 'Kyivs'ki poetyki i renesansni teorii mystetstva', dans *Evropeis'ke vidrozhennia ta ukraïns'ka literatura XIV–XVIII st.* (Kyïv, 1993), pp. 75–109.

¹⁵ Cf. W. Deluga, 'Les gravures orthodoxes et gréco-catholiques de la République Polonaise des XVIIe et XVIIIe siècles', *Revue des études slaves*, vol. CVI (Paris, 1994), nr. 2, pp. 267–284; W. Deluga, *Grafika z kręgu Cerkwi prawosławnej i Kościoła greckokatolickiego* (catalogue d'exposition Musée Regional de Chel'm) (Chel'm, 1993). Bibliographie ukrainienne dans P. Popov, *Materialy do slovnyka ukraïns'kykh hraveriv* (Kyïv, 1926); D. Stepovyk, *Ukraïns'ka hrafika XVI–XVIII st.: evolutsiia obraznoi systemy* (Kyïv, 1986).

¹⁶ P. Buchwald-Pelcowa, 'Emblematyka w późnobarokowych drukach polskich', *Biuletyn Historii Sztuki*, vol. XXXII (Warszawa, 1970), nr. 3–4, pp. 401–421 (408). Cf. P. M. Daly, *Literature in the Light of the Emblem: Structural Parallels between the Emblem and Literature in the Sixteenth*

les tableaux, parfois sous une forme déguisée; parfois, surtout dans les imprimés liturgiques, il ne figure qu'au verso de la page de titre. Les gravures emblématiques présentent d'imposantes allegories, et sont intercalées le plus souvent au début de chaque élément successif de l'oeuvre; elles passent du rôle d'ornement à celui d'illustration.

Il est intéressant d'étudier l'influence mutuelle des emblèmes et des stemmates pour lesquels on ne recourait pas à des compositions verbales et plastiques, mais on en restait au niveau verbal. La quantité d'exemples conservés donne à penser que c'était un phénomène fréquent, d'autant plus que nous connaissons des textes écrits en cyrillique et pourvus d'une riche illustration symbolique. Dans ces imprimés les formes emblématiques adaptent à un monde culturellement très différent les éléments puisés dans les manuels disponibles, en y intégrant souvent des motifs de l'iconographie byzantine.

Dans l'ancienne littérature hagiographique ruthène, l'on trouve à côté des vies de saints byzantins, des recueils consacrés à la vie et aux miracles des moines et des ermites, en regroupant les saints d'un même monastère: les *pateriki*. Le *Paterik pečerskij* a été élaboré à l'image des textes byzantins du même type; il a pourtant une originalité particulière, compte tenu de sa genèse et de sa valeur historique. La récente monographie que lui consacre l'Ukrainien Jurij Isyčenko¹⁷ présente le *Paterik* dans toutes ses variantes et éditions connues, et en retrace l'histoire sur le fond des processus littéraires des XVIe et XVIIe s.

Le *Paterik pečerskij* a été élaboré au cours des siècles, sous forme manuscrite puis imprimée, il s'est complété et transformé à mainte reprise. Le noyau primitif est constitué par une correspondance entre Simeon, évêque de Vladimir et Suzdal', moine de la Laure, et son ami Polikarp, moine du même monastère, insatisfait de sa situation. Siméon, désireux d'influencer son ami, accompagne sa lettre (écrite vers 1322) de neuf récits sur les moines du monastère. Sans doute impressionné, Polikarp compléta l'oeuvre de Siméon de nouveaux récits qu'il adressa cette fois à l'higoumène du monastère, Akindin. Les deux ensembles épistolaires ont été ultérieurement réunis, et enrichis d'autres matériaux, dont le conte sur la construction de l'église de la Dormition, auprès du couvent.

L'oeuvre ainsi constituée a joui d'une très grande popularité en Ruthénie. Sous le titre de *Paterykon*, elle a été éditée pour la première fois en polonais en 1635, par l'évêque Sylvestr Kossov. C'est l'unique version—abrégée et adaptée au lecteur polonais—préparée pour l'Eglise orthodoxe lors de la polémique entre orthodoxes et catholiques.¹⁸ Outre les manuscrits mentionnés, cet imprimé

and Seventeenth Centuries (Toronto, 1979); *Emblem and Literature in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* (Buffalo, London, 1979), pp. 103–133.

¹⁷ Ju. O. Isyčenko, *Kyëvo-Pecherskyi Pateryk u literaturnomu protsesi kintsia XVI pochatku XVII st. na Ukraïni* (Kyïv, 1990).

¹⁸ *Paterikon abo żywoty SS Oyców Pieczarskich obszernie słowieńskim ięzykiem przez Świętego Nestora zakonnika i Latopisca Ruskiego przedtym napisany. Teraz zaś z Graeckich, łacińskich,*

a été précédé de quelques textes ruthènes: *Polinodia* de Zaharija Kopystenskiij (1621 ou 1622), et deux oeuvres anonymes: *Synopsis* et *Supplementum Synopsis*, publiées par la Confrérie stauropégiale (i.e. 'exempte', dépendant non de l'évêque, mais de l'autorité ecclésiastique supérieure) à Vilnius en 1632, et diffusées lors de la Diète électorale de la même année.¹⁹ Kossov s'était intéressé à la *Synopsis*, et en avait corrigé les fautes. Proche collaborateur de Mohyla, il appartenait à l'élite intellectuelle de Kiev au début du XVIIe s. Il avait reçu sa première éducation au Collège des jésuites de Lublin, puis à l'Académie de Zamość; entré au couvent, il continue ses études à l'école de la Confrérie stauropégiale de Leopold (L'viv), pour aller ensuite à Kiev où il devient professeur de rhétorique et de philosophie au Collège. En 1632 il est nommé archimandrite de la Laure, et trois ans plus tard—évêque d'Orša et Mohylev; après la mort de Mohyla, il est élevé à la dignité de métropolite de Kiev.

Dans le *Paterykon* a été publié un stemmate qui comporte des poèmes supplémentaires d'Afanasij Kalnofojskij dédiés à Adam Kisiel, commanditaire du livre. L'illustration (Fig. 1), qui représente les armoiries de la famille Kisiel, a été pourvue d'une légende adéquate. Adam Kisiel (1600–1653), voïvode de Kiev, descendant d'une famille noble ruthène établie en Volhynie, s'est converti en 1632 à l'orthodoxie, dont il est devenu un fervent zéléteur. Il a joué lors de la Diète électorale un rôle important, réclamant l'extension des droits des orthodoxes;²⁰ aussi n'est-il pas étonnant que Kossov lui ait dédié le *Paterykon*, et Kalnofojskij—quatre poèmes. Ses interventions lui ont par contre attiré les attaques des milieux uniates, et son activité lors de l'interrègne a fortement contribué à la déclaration officielle de désaccord du nouveau roi Ladislas IV.²¹ Le texte du *Paterykon* contient un deuxième stemmate avec l'emblème de Mohyla, accompagné d'un poème également de Kalnofojskij; les mérites du métropolite sont évoqués et il est dit à propos 'du Collège que celui-ci 'l'a enrichi de la bibliothèque'²² L'octroi aux orthodoxes de droits

słowiańskich i polskich pisarzy objaśniony i krócej podany. Przez Wielebnego w Bogu Oyca Silvestra Kossowa, Episkopa Mścistawskiego, Oszańskiego i Mohylewskiego (W Kijowie w drukarni S. Ławry Pieczarskiej, Roku, 1635). Bibliothèque Nationale de Varsovie, sign. XVII. 32416. Cf. d'édition anastatique: *Seventeenth-Century Writings on the Kievan Caves Monastery*, edited by P. Lewin (Cambridge, Mass., 1987); Ia. Zapasko, Ia. Isaievych (note 9), vol. I, p. 55, nr. 250.

¹⁹ L. Nodzyńska, 'Pateryk Kijowsko-Pieczerski o chrystianizacji Rusi', dans *Dzieło chrystianizacji Rusi Kijowskiej*, red. R. Łużny (Lublin, 1988), pp. 117–125; L. Nodzyńska, 'O pierwszym polskim opracowaniu "Pateryku Pieczerskiego"', dans *Chrześcijański Wschód a kultura polska*, red. R. Łużny (Lublin, 1989), pp. 219–227; T. Spidlik, 'Pateryk Pieczerski w obronie życia współczesnego mnichów', dans *Chrystus zwyciężył, Wokół Chrztu Rusi Kijowskiej*, red. J. S. Gajka et W. Hryniewicz (Warszawa, 1989), pp. 107–116; *Pateryk Kijowsko-Pieczerski czyli o świętych ojcach w pieczarach kijowskich położonych*. Opracowała i przełożyła na język polski Ludmila Nodzyńska (Wrocław, 1993).

²⁰ *Entsyklopediia Ukraïnoznavstva*, vol. III (Paris, New York, 1959), p. 927.

²¹ J. Dziegielewska, *O tolerancję dla zdominowanych. Polityka wyznaniowa Rzeczypospolitej w latach panowania Władysława IV* (Warszawa, 1985), pp. 177–178.

²² Dans son testament il a transmis la bibliothèque pour l'Académie. Cf. manuscrits dans la

NA SŁAWNY KLEYNOT W SARMATIEY
ROSSIYSKIEY, STAROZYTNBGO DOMU
ICH M.M. PP. KISIELOW.

W Polu Tamiot / a nad nim blyszczę sie Krzyż święty /
To dom Marsow : to Kleynot / z WŁODZIMIE-
(RZEM wzięty.
Ten znak nosił SWIETOLDYCZ Wodz Ruski / ktorego
Rus KISIELEM nazywała od kunsztu sławnego.
Ztad od wiekow z Kiiowem Dom KISIELOW słynie /
I będzie słynał po ki Dniepr w swych brzegach płynie.
RR. P. EPIS: AVTHORIS.

NA

Fig. 1. Stemmata d'Adam Kisiel. Gravure sur bois. Paterykon, Kiev, 1635.
Bibliothèque Nationale de Varsovie, sign. XVII. 32416

approuvés par la Diète de 1635 a permis à la Métropole kiévienne de prendre officiellement la parole dans la polémique avec les uniates et les catholiques. La littérature polémique s'était développée dès la fin du XVIe s., dès l'Union de Brest (1596), et tenait une place importante dans l'activité des auteurs des deux confessions. Les textes polonais étaient traduits en russe et provoquaient de longues discussions, elles mêmes à l'origine de répliques;²³ le haut niveau des travaux provenant du Collège de Mohyla prouve une bonne connaissance de la théologie catholique. *Litos, ou La pierre de fronde*, publié en 1644, est une réponse—probablement de Mohyla—aux écrits de Kasjan Sakowicz, partisan de l'Union.²⁴ Nous en trouvons un exemplaire à la Bibliothèque universitaire de Varsovie, annoté probablement par Sakowicz;²⁵ il comporte un stemmate, c'est-à-dire un emblème accompagné d'un poème, dédié à Maksymilian Brzostowski, commanditaire de l'oeuvre, et destinataire également de la préface ajoutée par Eusebe Pimin. On mentionnera encore Lazar Baranowicz archevêque de Černigov parmi les écrivains polonais de la Laure à la fin du XVIIe s.²⁶

Au XVIIe s. s'est constitué un type uniforme de panégyrique, où les textes étaient complétés de gravures héraldiques avec un emblème ou un motif répétitif. Cette coutume, puisée dans la tradition polonaise, a pénétré la littérature ukrainienne, puis russe.²⁷ Dans plusieurs imprimés kiéviens, polonais ou ukrainiens, le verso de la page de titre présente des stemmates, compositions verbales et artistiques formées d'un emblème, d'une sentence et d'un poème.²⁸ L'emblème était celui de l'auteur, les poèmes étaient écrits par ses amis à son sujet, ou en l'honneur du métropolite ou du dommanditaire de l'ouvrage (qui était souvent de caractère liturgique). L'impression d'un livre

Bibliothèque d'Académie des Sciences à Kiev, sign. Fond Petrov, nr. 220.

²³ A. Martel (note 3), pp. 39–47.

²⁴ *Litos abo kamień z procy prawdy Cerkwie Świętej Prawosławney Ruskiej. Na skruszenie fałecznościemney perspektywy albo raczey paszkwilu od Kassiana Sakowicza, byłego przedtym kiedyś Archimandrytę Dubieńskiego Unita, y iakoby o błędach, Haerezyach y zabobonach Cerkwie Ruskiej w Uniey nie będącej, tak w Artikułach wiary, jako w Administrowaniu Sakramentów y inszych obrządkach y ceremoniach znajdujących się, Roku P. 1642 w Krakowie wydane. Wypuszczony przez pokornego Euzebia Pimina. Et qui ceciderit super lapidem istum confringetur: super quem celiderit conteret eum Matth. 21 Versu 44* (W Monastyrze Świętej Cudotwornej Ławry Pieczarskiej Kijowskiej, Anno Domini 1644). Bibliothèque d'Académie des Sciences de V. Stefanyk à Lviv, sign. CT. II. 31108. Cf. Bida (note 1), *passim*; Ia. Zapasko, Ia. Isaievych (note 9), vol. I, p. 66, nr. 329.

²⁵ Sign. 28.20.3.1728.

²⁶ Cf. par exemple: *Lutnia Apollinowa każdej sprawie gotowa na błogosławiącą rękę jako na takt jaki patrząc Iaśnie w Bogu Przeoświeconego Iego Mości Oycy Łazarza Baranowicza Archiepiscopa Czernihowskiego, Nowogrodzkiego y wszytkiego Siwierza* (z Typografiej Kijowo-Pieczarskiej, Roku Pańskiego 1671), Bibliothèque Universitaire à Helsinki; cf. Ia. Zapasko, Ia. Isaievych (note 9), vol. I, p. 86, nr. 493.

²⁷ J. Pelc, *Obraz—słowo—znak. Studium o emblematkach w literaturze staropolskiej*, *Studia staropolskie*, vol. XXXVII (Wrocław, 1973), p. 224.

²⁸ P. Buchwald-Pelcowa (note 16), p. 408.

étant très coûteuse, les éditeurs cherchaient un mécène prêt à en assumer les frais, et lui adressaient en remerciement une 'epistolam dedicatam' élogieuse dans le volume. Le texte même est un genre de panégyrique où le poète loue non pas directement le mécène, mais son emblème, en cherchant des liens logiques ou de simples rapprochements entre l'image de l'emblème et les qualités du destinataire.²⁹ Le plus ancien exemple de stemmate dans les imprimés de la Laure (1624) est l'emblème de la famille ruthène Dolmat, accompagné, au verso de la page de titre, d'un poème tiré des *Banquets* de S. Jean Chrysostome. Nous trouvons encore ce stemmate dans une autre édition de la Laure: *Tolkovane na Apokalypsis*, de Saint André archevêque de Césarée en Cappadoce.³⁰ Cette famille Dolmat a financé plusieurs publications;³¹ Grigori Dolmat, porte-étendard de Starodub, a commandité en 1627 une édition de *Tolkovane* (légende au verso du texte).

Dans le *Služebnik* de 1629 apparaît l'emblème de P. Mohyla (Movila);³² il figure encore dans des éditions kiéviennes postérieures et sur des portraits du métropolite.³³ Dans les cantons d'un écu sixpartite nous reconnaissons les attributs de la famille valaque Mohyla: tête de buffle couronnée avec un anneau dans les narines, soleil à dextre et croissant à senestre. Au dessous, l'emblème des Brincoveanu: aigle noir sur une branche, avec une croix dans le bec. À côté, l'emblème de la famille Zamoyski, avec laquelle étaient liés les Mohyla: c'est avec le grand chancelier Jan Zamoyski que Jeremia Mohyla était entré à Jassy en 1595, libérant la Moldavie de l'occupation turque.³⁴ On retrouve encore l'emblème de Mohyla dans l'*Eucharistirion*, recueil de poèmes publiés en ukrainien, en 1632, par les disciples du Collège. Il y est fait allusion aux mérites de la famille Mohyla et au rôle joué par elle dans la formation d'une Eglise orthodoxe indépendante. L'aigle symbolise la puissance royale, et la couronne—le pouvoir de l'évêque: en 1633, lors de l'élévation de Mohyla à la dignité de métropolite, les membres de l'Eglise grecque avaient beaucoup espéré un renouvellement de la vie spirituelle de la ville et de la Métropole.

L'héraldique a précédé l'emblématique et a en quelque sorte contribué à sa naissance. La noblesse s'y intéressait vivement: chacun voulait avoir le plus d'informations possibles sur son emblème, et en demandait toutes les descriptions possibles. Kola, auteur du *Traktat krótki o heraldyce* (1747), écrivait: 'les emblèmes ne sont autre chose que des symboles de la dignité et de l'honora-

²⁹ Cf. Pilarczyk, *Stemmata w drukach polskich XVI wieku* (Zielona Góra, 1982), p. 34.

³⁰ Bibliothèque d'Académie des Sciences de V. Stefanyk à Lviv, sign. IV ST. 379.

³¹ A. Boniecki, *Herbarz Polski, Wiadomości historyczno-genalogiczne o rodach szlacheckich*, vol. I (Warszawa, 1901), nr. 4, p. 353.

³² Bibliothèque d'Académie des Sciences de V. Stefanyk à Lviv, sign. IV. ST. 393.

³³ A. Chlenova, *Davne ukraïns'ke mystetstvo 12–18 stoliu'* (catalogue d'exposition) (Kyïv, 1988), p. 48. Ce problème est présenté dans mon article 'Les portraits de la famille Movila du XVIIème siècle', *Revue Roumaine d'Histoire de l'Art*, vol. XXX (București, 1993).

³⁴ Z. Spieralski, *Awantury mołdawskie* (Warszawa, 1967), p. 158.

bilité, de vrais signes chevaleresques, preuves de la vertu et des mérites de la famille, sanction des oeuvres'.³⁵ Dans la République nobiliaire se répandait la mode de séries d'emblèmes consacrés à une seule personne, les considérations abondaient sur le symbolisme de l'emblème, signe du pouvoir exercé par cette personne. Des livres de ce type ont paru aussi en milieu kiévien: c'était avant tout des éloges funèbres (cf. plus loin), des recueils de poèmes destinés à célébrer une personnalité ecclésiastique ou à commémorer l'arrivée à Kiev d'un personnage. Avec ses disciples, Sofronij Počaskij a publié l'*Eucharistirion*, recueil de poèmes en ukrainien où il loue l'emblème du mécène, reliant l'image de l'emblème aux qualités de la personne, dédiés à P. Mohyla, alors professeur;³⁶ un exemplaire de ce rare imprimé est conservé à la Bibliothèque de Varsovie.³⁷ Le stemmate placé au verso de la page de titre porte l'emblème de Mohyla, accompagné d'un poème. C'est Sofronij Počaskij qui a écrit l'introduction et la dédicace au grand théologien, 'patron et fondateur' du collège: Minerve, 'reine des sciences, élèvera une montagne orthodoxe—catholique pour que sa gloire puisse monter à son sommet'. La gravure sur bois représente Mohyla debout sur l'Hélicon, il tient à la main gauche un rameau avec l'inscription 'mytro' qui symbolise la dignité de métropolite, de la droite, il tient la crosse, emblème de la charge pastorale (*pastyrstvo*). Les titres des poèmes s'inspirent des noms des sept arts libéraux enseignés au Collège. La deuxième partie de l'oeuvre intitulée '*Parnas*' fait allusion aux muses. L'archimandrite, créateur de l'Académie et de la Faculté de rhétorique, est comparé à Minerve, reine des sciences; il est représenté au sommet de l'Hélicon (siège d'Apollon et des muses); sa tiare symbolise la vie pastorale, le sceptre et la couronne en train de tomber sont les symboles terrestres du pouvoir (la signification des quatre motifs se retrouve encore dans un ouvrage polonais imprimé à la Laure, et intitulé *Mnemosyne sławy prac i trudów*). Une deuxième gravure sur bois, dans l'*Eucharistirion*, représente un chevalier qui défend sa patrie, comme Mucius Scaevola, en mettant sa main au feu pour prouver sa fidélité; or selon une légende familiale les Mohyla descendraient de la famille Scaevola. Un texte rimé placé au dessous de la gravure explique la composition. Quatre pictogrammes ornent la bordure: le museau de buffle avec un anneau, sym-

³⁵ F. D. Kola, *Traktat krótki o heraldyce ... z przydatkiem introdukcji do historii uniwersalnej napisany ...* (Warszawa, 1747). Bibliothèque Nationale de Varsovie, sign. XVIII 23144.

³⁶ Bibliothèque de L'Université Catholique de Lublin, sign. XVII 141. Cf. N. Pylypiuk, 'EUCHARISTERION ALBO VDJACNOST: The First Panegyric of the Kiev Mohyla School, its Content and Historical Context', *Harvard Ukrainian Studies*, t. VIII (Cambridge, Mass., 1984), nr. 1–2, pp. 45–70; N. Pylypiuk, 'EUKHARISTIRION ALBO VDJACNOST. Pershyi panehiryk Kyevo-Pecherskoï shkoly: ioho zmist ta istoricheskii kontekst', *Zapysky Naukovoho Tovarystva im. V. Shevchenka*, vol. CCXXIV (Lviv, 1992), pp. 25–43.

³⁷ XVII. 2. 1227. Cf. J. Rudnicka, J. Górka, K. Sokołowska-Grzeszczykowa, *Katalog starych druków Biblioteki Publicznej m. st. Warszawy, Polonica XVII wieku*, vol. III (Warszawa, 1976), p. 289, nr. 1527.

bole de la famille, deux sabres, des pieds de coq, un poignard et un baton de commandement, et deux croissants disposés en forme de lettre M. Nous savons très peu de choses sur Sofronij Počaskij, ses dates de vie et de mort sont inconnues; après avoir été étudiant au collège, il y a été professeur de rhétorique, et en est devenu le recteur en 1638. Vers 1640 il est allé à Jassy pour y créer une école analogue à celle de Kiev.³⁸ Il a fait paraître des poèmes dans un recueil funéraire à la mémoire de Petr Konaševič Sahajdačnyj sous la rédaction de Kasjan Sakowicz.

En 1633 un recueil de poèmes des élèves du Collège, *Mnemosyne sławy, prac i trudów*, a été publié en l'honneur de Mohyla, nommé métropolite par le roi Ladislas IV.³⁹ Notre hypothèse sur l'origine du poème est confortée par la présence du stemmate de Mohyla, la préface d'Aleksander Tyszkiewicz, l'amateurisme des petites gravures emblématiques. Tyszkiewicz dédie ses oeuvres à Mohyla, dont il mentionne la nomination. La première illustration emblématique représente un soleil percé d'une flèche et un serpent qui se mord la queue. Un autre panégyrique de Mohyla est celui de Teodor Bajewski, intitulé *Sancti Petri Metropolitae Kijoviensis ...* (1645), dont un exemplaire est conservé à la Bibliothèque V. Stefanyk à Lviv.⁴⁰ Parmi les panégyriques écrits par les élèves du Collège, certains sont probablement financés par les auteurs eux-mêmes, et dédiés à des personnes privées: citons par exemple *Trigonus Radości*, écrit par Michał Stetkiewicz à l'occasion de la visite de son père Bogdan à Kiev.⁴¹ Un stemmate avec l'emblème de la famille orne la couverture (Fig. 2), accompagné d'un poème célébrant les mérites de Bogdan.

³⁸ A. Jourkovsky, 'Les relations culturelles entre l'Ukraine et Moldavie en XVII siècle', *Communication de la delegation française. XVII Congrès International des Slavistes, Varsovie 21-27 août 1973* (Paris, 1973), pp. 229-230.

³⁹ *Mnemosyne sławy y pracy trudów, Przeoświeconemu w Bogu Ojca, Jego Mości Ojca Piotra Mohiły Wojewodzica Ziem Mołdawskich, Uprzywilejowanego Prawosławnego Metropolity Kijowskiego, Halickiego y wszyskiej Rusi: Exarchy S. Thronu Konstantynopolskiego: Archimandryty Cudotwornej S. Ławry Pieczarskiej Kijowskiej. Na pożądaný onego wjazd do Kijowa od studentów gymnazjum w Bractwie Kijowskim, przezeń Fundowanego, Światu podana* (roku 1633), *Loguebar de testimoniis tuis in conspectu Regum et non confendebat*, Psal. 118. Bibliothèque de Varsovie, sign. XVII. 212. Cf. Ia. Zapasko, Ia. Isaievych (note 9), vol. I, p. 55, nr. 240.

⁴⁰ *Sankti Peti Metropolitae Kioviensis Thaumaturgi Rossiae Illustrissimus Dominus et Reverendissimus Pater D. Petrus Mohyla, Archiepiscopus, Metropolitanus Kioviensis, Halic, & Universae Rossiae S. Sedis Apostolicae Constantin: Exarcha Archimandrita Pieczariensis etc. Patroni sui Iconismus sibi Ipsi in Die Patronalis Orbitus sua vero Natalitia Praesentatus Ab Homili* (F. Theodosio Wasilewicz Baiewski, Ord. S. Basili Kioviae Typis Pieczariensibus A.D. 1645, Mense Decemb. Die 21). Bibliothèque d'Académie des Sciences de V. Stefanyk à Lviv, sign. ST. II. 31783. Cf. Ia. Zapasko, Ia. Isaievych (note 9), vol. I, p. 66, nr. 347.

⁴¹ *Trigonus Radości, Dzielności, Hojności, Jego Mci. Panu Bohdanowi Stetkiewiczowi Lubawickiemu Podkomorzemu Mściśławskiemu Rotmistrzowi Dworzanińowi y wystawiony od Michała Stetkiewicza Podkomorzycy Mściśławskiego, syna Jego Mci, Pawła Hołowicza Ostropolskiego światu prezentowany* (W Kijowie z drukarni Monastera Pieczarskiego 1636, Miesiąca lipca dnia 30). Bibliothèque d'Académie des Sciences de V. Stefanyk à Lviv, sign. ST. I. 77718. Cf. Ia. Zapasko, Ia. Isaievych (note 9), vol. I, p. 57, nr. 255.

EMBLEMA RADOSCI.

Wrodzoney wizerunk wdzięczności.

Fig. 2. Michał Stetkiewicz, *Trigonus Radości*, Kiev, 1636. Bibliothèque d'Académie des Sciences de V. Stefanyk à Lviv, sign. ST. 77718

Stefan Jaworski a composé, en latin et en polonais, un recueil de poèmes sur Varlam Jasiński: *Arctos ... coeli rossiaci*;⁴² l'oeuvre comprend une multitude de détails décoratifs et d'ornements à l'instar d'une composition baroque surchargée; elle présente aussi une épigramme héraldique qui interprète l'emblème de Jasiński. L'auteur compose ses poèmes en acrostiche, tourne toujours autour du même sujet, et n'évite pas les redites: une caractéristique des oeuvres poétiques kiéviennes est effectivement la répétition et la multiplication des mêmes éléments et associations.

Le mariage de Janusz Radziwiłł avec Marie, fille du hospodar valaque Vasil Lupu, a été à l'origine de deux publications en 1645: *Mowa duchowna* de Mohyla, et *Choreae bini solis et lunae*⁴³ de Teodor Bajewski (Fig. 3).⁴⁴ Les deux textes font partie des rares épithalames connus, publiés par la Laure, et conservés jusque maintenant. Les épithalames mêlés d'éloges abondaient dans la République nobiliaire au XVIIe s. et constituaient une sorte de rite, car selon une tradition séculaire, le mariage était dans tous les milieux un événement public, et on tenait à le fêter somptueusement. Le contenu et la composition des discours suivaient un canon traditionnel, où l'éloge de la personne revêtait une importance particulière, et avec une énumération de ses exploits et de ses mérites. Les étudiants du Collège connaissaient ce genre littéraire, car la tradition des discours de mariage ponctuant les phases successives de la cérémonie existait aussi en Ukraine. Nous connaissons un manuel: *Les discours de mariages et de funérailles* (*Przedmowy aktom weselnym i pogrzebowym ...*), publié à Jaroslav en 1626 par Kasjan Sakowicz, lié au milieu de la Laure, et auteur de vers pour l'enterrement de Petr Konaševič Sahajdačnyj.⁴⁵ L'édition de ces manuels était pratique courante au XVIIe siècle, et le nombre de rééditions témoigne de l'ampleur de la demande.⁴⁶ Après la mort de sa première femme Kataryna Potocka, Janusz Radziwiłł, tout

⁴² *Arctos et antarctis caeli rossiaci ... Stefana Jaworskiego ...* ([Kijów], 1690). Bibliothèque de l'Université Catholique de Lublin, sign. XVII. 609. Cf. Ia. Zapasko, Ia. Isaievych (note 9), vol. I, p. 103, nr. 663.

⁴³ *Choreae bini solis et lunae ... in nuptis Janussi Radziwiłł ... et Mariae despotae Moldaviae filiae, applaudante collegio Mohilano Kijoviensi ...* (Kijów, 1645). Bibliothèque Nationale de Varsovie, sign. XVII. 4206. Cf. P. Buchwald-Pelcowa, 'Na pograniczu emblematów i stemmatów', dans *Słowo i obraz. Materiały Sympozjum Komitetu Naukowego o sztuce Polskiej Akademii Nauk, Nieborów, 29 września- i października 1977*, red. A. Morawińska (Warszawa, 1982), pp. (73-95), 82; Ia. Zapasko, Ia. Isaievych (note 9), vol. I, p. 66, nr. 336.

⁴⁴ K. Mroczek, *Epitalamium staropolskie. Między tradycją literacką a obrzędem weselnym* (Wrocław, 1989), p. 44.

⁴⁵ *Przedmowy aktom weselnym y pogrzebowym służące wszelkiego stanu y kondycji ludziom wielce potrzebna przez W. O. Kassjana Sakowicza zakonnika religii greckiej ...* (Jarosław, 1625). Cf. K. Estreicher, *Bibliografia Polska XVI-XVIII w.*, vol. XXVII (Kraków, 1929), p. 29. Dans la Bibliothèque d'Ossolineum à Wrocław se trouve une autre texte de Sakowicz, *Problemata albo pytania o przyrodzeniu człowieczym z łacińskiego na polski język przełożone ... do których przydane y przedmowy aktom weselnym y pogrzebowym służące ...* (Kraków, 1620), sign. XVII 7899.

⁴⁶ K. Mroczek (note 44), p. 56.

an Nodum ? quo Patria Radiuilliana grata sibi deuincit merita ve-
nerabitur, quam multum Aquilæ Radiuillianæ nidificando Patria fa-
ueat, Radiuillij æternum meditabuntur.

APPARET VEHEMENTER

Desudatæ in Volatu pro Patria suscepto

A Q V I L A,

P A T R I A M

Istos porrexisse N I D O S,

Neque enim tantum temporis Patriæ suppetebat,

Vt N O V O S formaret,

SED

Fig. 3. *Choreae bini solis et lunae*, Kiev, 1645. Bibliothèque Nationale de Varsovie, sign. XVII. 4206

à ses projets dynastiques, se chercha cette fois une épouse dans la famille régnante. Le mariage, de rite grec, fut béni le 5 février 1645 par Mohyla en présence des ambassadeurs du roi de Pologne, de l'Electeur de Brandebourg, des princes de Transylvanie et de Courlande, et des représentants du Patriarche de Constantinople.⁴⁷ Les divers moments de la fête furent rythmés par les discours de circonstance: à l'entrée dans l'église, au moment de la bénédiction *Le Discours* de mariage composé par P. Mohyla fut publié en 1645 à la Laure, et un exemplaire en est conservé à la Bibliothèque de l'Ossolineum à Wrocław.⁴⁸

L'ouvrage de Teodor Bajewski *Choreae bini solis et lunae*, dont l'unique exemplaire restant est à la Bibliothèque nationale de Varsovie, se divise en deux parties: la première comprend deux textes relatifs aux projets dynastiques de Radziwiłł, le seconde—sept textes se rapportant à la cérémonie du mariage. Nous trouvons certaines analogies avec les illustrations des *Gratulationes in reptum Serenissimi* de Monteluppi, publié à Poznań en 1611.⁴⁹ Une des gravures de *Choreae bini* est signée 'Ilia', et comme elles trahissent toutes la même main, nous supposons qu'elles ont toutes pour auteur ce même Ilia. Cet artiste est surtout connu comme auteur de gravures religieuses utilisées dans les livres liturgiques.⁵⁰ Le texte de Bajewski contient trois gravures sur cuivre—parmi les premières exécutées selon cette technique à Kiev.⁵¹

En 1698 Pilip Orlyk a publié un recueil de poèmes à l'occasion du mariage de Jan Obidowski avec Anna Koćubej, fille du clerc général des armées zaporogues: c'est l'*Hippomenes sarmacki*,⁵² dont les poèmes évoquent les victoires des Zaporogues, les mérites de Mazepa, et de la famille Obidowski. La poésie, écrite en alexandrins, renvoie aux symboles antiques du combat.

⁴⁷ E. Kotłubaj, *Zycie Janusza Radziwiłła* (Wilno, Witebsk, 1859), p. 27.

⁴⁸ *Mowa duchowna przy ślubie Janusza Radziwiłła z . . . Marią córką . . . Wasilia wojewody y hospodara wołoskiego wystawiona . . .* (Kijów, 1645). Bibliothèque d'Ossolineum à Wrocław, sign. XVII-3504-II. Cf. Ia. Zapasko, Ia. Isaevych (note 9), vol. I, p. 67, nr. 344.

⁴⁹ V. Montelupi, *Gratulationes in reptum Serenissimi et Potentissimi Sigimundi III Victoris de Moscovia triumphantis . . .* Poznaniae . . . 1611. Bibliothèque Nationale de Varsovie, sign. XVII 315781. Cf. J. Chrościcki, *Sztuka i polityka. Funkcje propagandowe w sztuce w epoce Wazów 1587-1668* (Warszawa, 1985), il. 145.

⁵⁰ *Słownik artystów polskich i w Polsce działających. Malarze, rzeźbiarze, graficy* (Wrocław, 1979), vol. III, pp. 142-143.

⁵¹ Ia. Isaevich, 'Pervye graviury na medi v knigakh tipografii Ukrainy', *Pamiętniki kultury, nowe odkrycia*, 1978 (Leningrad, 1979), pp. 305-306.

⁵² *Hippomenes sarmacki porwanych ad omnia Quaeque cnot y wysokich Praeminenciy, Rosiyskiemu Swiatu Atagona zalecony, Wielmożny M[oj]ści Stolnik po szczęśliwie oprawionych Marsowych Olympiach, V . . . Jan z Obidowe . . . teraz z poszlubioną swą Atlantą Jeymością Panną Anną Koczubejówną Wielkiej Expectatiwy Córką Jegomości Bazylego Koczubeja jego Carkiej Prześwietnej Mości Woysk zaporozkich Pisarza Generalnego . . .* (przez najżyczliwszego sługę, Filipa Orlika, Pisarza konsistorskiego metropoliey kijowskiej Acclamowany Roku . . . 1698, w Typografiey Świętey cudotworney). Bibliothèque de l'Université Catholique de Lublin, sign. XVII. 615. Bibliothèque de l'Université de Vilnius, sign. III. 10105. Cf. Ia. Zapasko, Ia. Isaevych (note 9), vol. I, p. 115, nr. 741; D. Stepovyk, *Ivan Shchyr's'kyi* (Kyïv, 1988), pp. 111-113.

Parmi les textes de circonstance kiéviens, une place importante revient aux poèmes et oraisons funèbres distribués à l'église et au cimetière le jour des obsèques, conformément à la tradition polonaise.⁵³ Ces formes littéraires polonaises, riches et complexes, ont été très répandues et ont pénétré la littérature ukrainienne. Le moralisme de la Renaissance a évolué vers des sermons compliqués où se reflètent la mentalité sociale et les coutumes de la noblesse. Les panégyriques laissent voir un lien très fort avec l'héritage antique; ils s'éloignent assez des méditations chrétiennes sur le destin de l'homme après la mort. Les éloges funèbres ne se bornent pas au récit des faits, ils idéalisent les mérites des défunts et les donnent en exemple au lecteur. La 'licencyja' caractéristique des textes funéraires est confortée par la tradition chrétienne à l'égard des morts: *aut nihil aut bene*.⁵⁴ La littérature 'funéraire' a souvent un caractère social: en plus du destinataire choisi, c'est toute une collectivité qui ressent la mort comme une perte publique, nationale, sociale et familiale: l'honneur rendu au mort constitue un acte sacré, conforme à la tradition antique et chrétienne. Dans le cas de l'héritage littéraire du Collège de Mohyla, où l'on enseignait la poétique et la rhétorique, la poésie de circonstance a son originalité propre, une certaine maladresse noyée dans la richesse des métaphores. Sans quitter les conventions de la littérature polonaise, elle adopte aussi—et c'est compréhensible—certains éléments de la symbolique byzantine. Le problème de la mort occupait une place importante dans la théologie, la poésie et l'art orthodoxes; au cours des siècles l'Eglise grecque a élaboré des rites complexes pour marquer le passage de l'homme à la vie éternelle.⁵⁵ Dans ses descriptions des coutumes moldaves, Paul d'Alep a observé que les cérémonies des funérailles duraient plusieurs jours.⁵⁶

Selon les témoignages de l'époque, le rite funéraire en Pologne était plus riche qu'ailleurs, car pratiquement chaque noble un peu aisé considérait de son devoir d'organiser une riche cérémonie, un spectacle magnifique qui symboliserait la dignité du mort. Les funérailles se déroulaient par étapes, les préparatifs prenaient plusieurs semaines, des constructions architectoniques étaient dressées à cet effet. Le scénario prévoyait des banquets, des feux d'artifice, et d'autres solennités; on organisait une procession de plusieurs centaines de personnes qui avançait dans un ordre déterminé. Ces funérailles polonaises éveillaient un vif intérêt chez les étrangers. Voici comment au XVIIe s. le chevalier de Beaujeu a décrit les cérémonies 'qu'ils font long-temps après

⁵³ J. Chrościcki, *Pompa Funebris. Z dziejów kultury staropolskiej* (Warszawa, 1974), pp. 48–54.

⁵⁴ A. Nowicka-Jeżowa, 'Sarmaci i śmierć', *O staropolskiej poezji żałobnej* (Warszawa, 1982), pp. 42–43.

⁵⁵ C. Walter, *Art and Ritual of the Byzantine Church*, Variorum Publications (London, 1982), p. 153.

⁵⁶ *Voyage du Patriarche Macaire d'Antioche. Texte arabe et traduction française* par. B. Radu, *Patrologia Orientalis*, vol. IV (CXIX) (Turnhout, 1976), pp. 556–558.

le décès, en manières d'Anniversaire. Ils prétendent faire éclater la douleur à proportion du faste; et comme la Nation aime fort le Banquet et la table, ils font un festin magnifique aux Enterremens de même qu'aux Noces: ce qu'ils appellent le repas de douleur (*panem doloris*)'.⁵⁷

Le manque de sources relatives aux funérailles de la noblesse ruthène orthodoxe en Pologne rend difficile la reconstitution des cérémonies. Sur la base des oraisons funèbres conservées, l'on peut supposer que des éléments polonais ont été introduits dans le rite grec, telle par exemple la mise en place de décors architecturaux et toutes les étapes de la cérémonie liées aux discours. A la différence de l'usage latin, les cercueils et les sarcophages ruthènes avaient une ouverture vitrée permettant de voir le défunt; nous en retrouvons des exemples dans les Grottes à Kiev. Cette coutume a sa source dans la représentation polonaise des saints et des martyrs.

Conformément à l'usage en vigueur en Pologne, les sermons prononcés lors des cérémonies funéraires à Kiev étaient publiés dans des volumes de trois types: discours d'apparat, d'oraison, textes biographiques et didactiques. Des modèles combinant vérités eschatologiques et évocations biographiques ont été élaborés dès le XVIe s. par Piotr Skarga et Józef Wereszczyński, puis recopiés par des prédicateurs des siècles suivants.

Le plus ancien exemple de discours funéraire en milieu kiévien est un recueil de poèmes écrits en ukrainien, en 1625, par les étudiants du Collège sous la direction de Kasjan Sakowicz, en l'honneur de l'Hetman Petr Konaševič Sahajdačnyj.⁵⁸ Il s'agit de dix-huit éloges funèbres qui célèbrent les mérites de ce dernier au regard de l'Eglise orthodoxe et des cosaques; la préface contient un récit poétique sur l'armée Zaporogue et les exploits de l'Hetman, dans l'esprit des *dumkas* ukrainiennes, où était louée la vaillance des Cosaques. Le recueil contient le stemmate de l'armée Zaporogue, une des illustrations représente un cosaque en veste à la polonaise, avec sabre et fusil au bras. Une deuxième gravure est un portrait à cheval de P. Konaševič avec son emblème et une inscription: P. Biletskij et J. Ostrowski sont persuadés que cette gravure reproduit en étendard funéraire.⁵⁹ Nous connaissons des exemples d'étendards funéraires moldaves avec des effigies de hospodars locaux.⁶⁰ La date d'entrée de Konaševič dans l'armée cosaque est inconnue: l'on sait toutefois qu'il participait aux opérations militaires au début du XVIIIe s.⁶¹

⁵⁷ J. Chrościcki (note 53), p. 88.

⁵⁸ *Ukrains'ka literatura* ... (note 1), pp. 220–238.

⁵⁹ P. Biletskii, *Ukrainskaia portretnaia zhivopis' XVI–XVIII vv.* (Leningrad, 1981), p. 37; J. K. Ostrowski, 'Czy istniał "kozacki barok"? O nowej książce Platona Bieleckiego', *Biuletyn Historii Sztuki*, vol. XLVI (Warszawa, 1984), nr. 4, p. 414.

⁶⁰ C. Nicolescu, 'Portraits Brodés et interférences stylistiques en Moldavie dans la première moitié du XVIIIe siècle', *Revue Sud-Est Européenne*, vol. VII (București, 1978), pp. 687–709.

⁶¹ *Polski Słownik Biograficzny*, vol. XIII (Wrocław, Warszawa, Kraków, 1969), nr. 4, pp. 484–486.

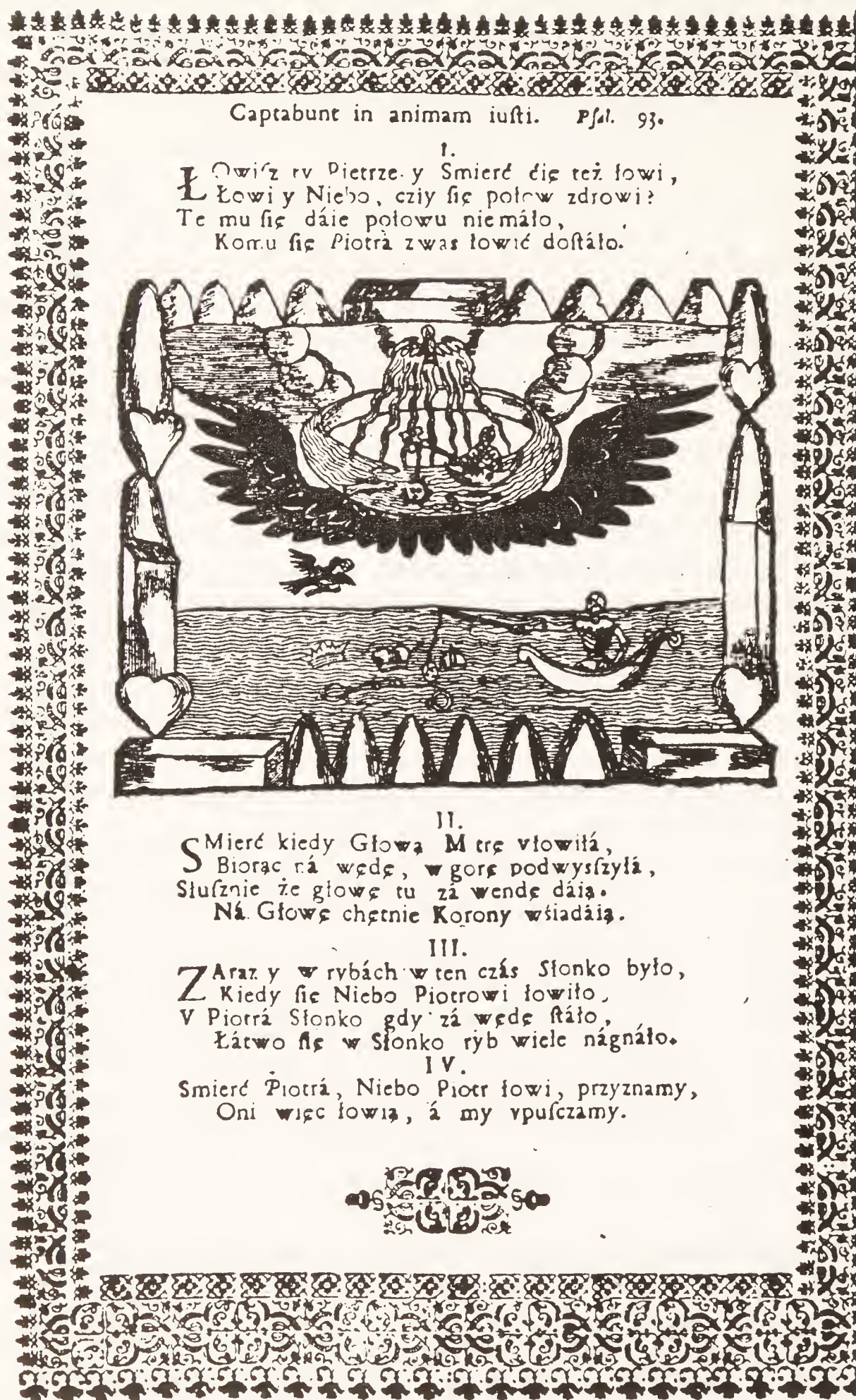

Fig. 4. Composition emblématique dans: *Zal ponowiony po pogrzebie ... Piotra Mohily*, Kiev, 1647. Bibliothèque d'Académie des Sciences de V. Stefanyk à Lviv, sign. ST. IV.

En 1647 Józef Kalimon a publié à l'imprimerie de la Laure un volume de poèmes à l'occasion de l'enterrement de Mohyla. Le seul exemplaire conservé se trouve à la Bibliothèque V. Stefanyk à Lviv (Fig. 4);⁶² il contient sept gravures sur bois de caractère symbolique et allégorique, qui rappellent les mérites du défunt et des commanditaires de l'ouvrage—la famille Markiewicz. L'une des plus intéressantes orne la page de titre, composée selon le schéma iconographique du Jugement dernier: dans la partie supérieure, nous voyons des éléments qui symbolisent la mort, plus bas un crane coiffé du chapeau de cardinal, et une citation du livre de l'Exode. En bas, un chariot orné des emblèmes de la famille Mohyla contient des squelettes et les symboles héraldiques des familles apparentées et amies, les Lupu et les Zamoyski, avec une citation du Livre d'Isaïe; une citation du Livre des Rois figure aussi sur la gravure; et au verso de la page de titre a été représenté le stemmate des Markiewicz. Nous trouvons plus loin dans le volume sept gravures emblématiques. L'une d'entre elles représente des 'M', et le poème qui l'accompagne énumère l'acquisition des dignités successives par Mohyla; en haut figure le métropolite sous les traits d'un pêcheur, en bas est représentée la Mort. Les illustrations suivantes et les poèmes d'accompagnement sont liés aux vérités eschatologiques, et se rapportent à la symbolique du ciel, de la terre et des signes du zodiaque.

Vers la seconde moitié du XVIIe s. apparaissent dans les éditions kiévienne de grandes compositions héraldiques, publiées avec des dédicaces en l'honneur du tsar Alexis Mikhaïlovič (de 1645 à 1676): cela correspond à l'époque où l'Ukraine occidentale appartenait à l'Etat russe. Ces compositions présentent un certain intérêt en raison de leurs différences par rapport aux solutions iconographiques précédentes. Dans le *Mesjasz prawdziwy* de Joanicjusz Galatowski figure une gravure sur bois avec l'emblème du tsar, l'aigle bicéphale avec Saint Georges sur la poitrine.⁶³ Stefan Jaworski, auteur de *Echo głosu wołającego na puszczy*, poèmes à la gloire de l'Hetman Mazeppa, fait partie des écrivains dans la mouvance du Collège, et ses oeuvres sont typiques de la poésie courtesane

⁶² *Zal ponowiony po pogrzebie Iasnie Przewielebnego Iem. O. Piotra Mohiły Archiepiskopa, Metropolity Kiow: Halic: I wszystkie Rossiej: Archimandryty Pieczar ... Adamowi Borissowi z Wronice Markiewiczowi, Przez Mona. Ord. S. Basi. Josepha Kalimona ... Dedicowany* ([Kijów], A. 1647). Bibliothèque d'Académie des Sciences de V. Stefanyk à Lviv, sign. ST. IV. 33462. Cf. Ia. Zapasko, Ia. Isaievych (note 9), vol. I, p. 69, nr. 366.

⁶³ *Messjasz Prawdziwy Jezus Chrystus Syn Boży od początku świata przez wszystkie wieki ludziom od Boga obiecany y od Ludziej oczekiwany y w ostatnie czasy: dla zbawienia ludzkiego. Na świat postany przy przyjsciu zaś swym za błogosławieństwem wysoce w Bogu Przewielebnemu Jego Mości Oycy Inocentego Gizela, Archimandryty Świętey Wielkiej Cudotworney Ławry Pieczarskiej, Staupigij S. Aeucumeniei Patriarchae Constantinopolitani, od Grzesznika Joanicjusza Galatowskiego, Archimandryty Czernihowskiego (z Typografey Kijowo-Pieczarskiej, żydowi niewiernemu rozmaitemi znakami, o Messiaszu napisanemi, i na Chrystusie wypełnionymi, Roku 1672 Pokazany)*. Bibliothèque d'Académie des Sciences de V. Stefanyk à Lviv, sign. ST. II. 31603. Cf. Ia. Zapasko, Ia. Isaievych (note 9), vol. I, p. 88, nr. 509.

de l'époque baroque.⁶⁴ L'*Echo głosu* ... présente une épigramme héraldique de six vers, accompagnée d'une interprétation de l'emblème, énumère les mérites passés et présents de l'Hetman et glorifie la nation entière. Mazeppa a encore inspiré une autre composition—une thèse philosophique, absente des bibliographies, mais conservée à la Bibliothèque de l'Académie polonaise des sciences à Gdańsk; cette '*Dedicata*' se compose de deux parties: un texte en prose de Wawrzyniec Kszczonowicz, et un poème de Strykowski. Elle est illustrée de gravures sur cuivre représentant des saints et une scène de bataille. A l'inverse, les oeuvres de Stefan Jaworski, de 20 ans postérieur, blameront et maudiront Mazeppa, en tant que partisan des Suédois.⁶⁵

Un élément intéressant de la littérature polono-latine est constitué par les 'images verbales', ou poésie visuelle, qui existaient dès l'Antiquité, et ont fleuri dans les confins de la République nobiliaire au milieu du XVIIe s.⁶⁶ L'écrivain Simeon Polockij, actif à la fin de ce siècle et au début du suivant, défendait cette idée de la représentation visuelle des poèmes; il a lui-même composé des poèmes religieux en polonais, notamment en l'honneur de la Vierge Marie.⁶⁷ Célèbre également à Moscou, il a aussi écrit en russe, et a introduit l'idée de '*poesia artificiosa*' dans la tradition russe.

Les publications polono-latines de la Laure témoignent du haut niveau intellectuel des théologiens et poètes kiéviens. Le polonais a régné en Ukraine en tant que langue officielle pendant tout le XVIIe s., et a survécu chez les poètes du siècle suivant. Les imprimés polonais et latins analysés ici représentent environ un tiers des ouvrages parus à Kiev à cette époque. Ecrits dans un but de polémique et de propagande, ils témoignent du rayonnement du Collège et du Monastère qui ont à l'époque réuni dans leur mouvance les plus célèbres écrivains orthodoxes.

Translation from Polish edited by Françoise de Bonnières.

⁶⁴ *Echo głosu wołającego na puszczy od serdeczney reflexyi pochodzące, a przy solennym powinszowaniu, doroczney festu patrońskiego rewolucyjey, Jana Świętego Kszcziciela, Jaśnie Wielmożnemu Je. Mości Janowi Mazepie, Hetmanowi woysk ich carskiego prześwieitnego Maiestatu Zaporozskich brzmiaće, głósną życzliwego affectu Resonasyją* (Najniższego sługi Symeona Jaworskiego ... Roku ... 1689). Bibliothèque de l'Université de Varsovie, sign. P. XVII, 614. Cf. Ia. Zapasko, Ia. Isaievych (note 9), vol. I, p. 103, nr. 657.

⁶⁵ R. Łużny, *Pisarze* ... (note 4), p. 15.

⁶⁶ Cf. P. Rypson, *Obraz słowa. Europejska poezja wizualna od starożytności do końca XVIII wieku* (Warszawa, 1987); P. Rypson, *Obraz słowa. Historia poezji wizualnej* (Warszawa, 1989); P. M. Daly (note 16), pp. 103–133; J. Adler, U. Ernst, *Ext als Figur. Visuelle Poesie von der Antike bis zu Moderne* (Wolfenbüttel, Veinhein, 1987).

⁶⁷ L. I. Sazonova, *Poeziia russkogo barokko (vtoraia polovina XVII–nachala XVIII v.)* (Moskva, 1991), pp. 78–86.

Типография Монастыря Руйно (XVI век)*

Евгений Немировский

Православные монастыри сыграли колоссальную роль в становлении сербской национальной культуры. Возникшие вскоре после крещения сербских племен в период между 667 и 674 гг., они становятся центрами литературной и переводческой деятельности. Во многих обителях существовали скриптории, собиравшие в своих стенах мастеров книжного искусства — писцов, миниатюристов, переплетчиков. Монастырские библиотеки сохранили до наших дней многие выдающиеся памятники книжной культуры.

В XV—XVI вв. монастыри стали проводниками на южнославянских землях принципиально нового метода распространения текстов — книгопечатания. Самая первая типография, печатавшая кирилловским шрифтом, возникшая здесь в 1493 г., работала, скорее всего, в Цетиньском монастыре, а ее техническим руководителем был священноинок Макарий.

В XVI в., когда сербские земли были захвачены Оттоманской империей и когда усиленно шел процесс исламизации, именно монастыри возглавили движение за сохранение национального языка и культуры. Немалую роль в этом играла книга. Тогда-то в монастырях наряду со скрипториями создаются типографские мастерские, продукция которых расходилась по всей стране, а часто — и за ее пределами.

Первая на территории нынешней Сербии типография возникает в 1536—1537 гг. Работала она, как о том говорится в послесловии единственной выпущенной здесь книги — Четвероевангелия, — ‘въ ѿбители гл[агол]ю Руяінцѣи, пѡд пѡдкрїіе плане гл[аго]люте Пониквіи на рѣци гл[агол]ють Бѣлскаа, на селу гл[агол]юте Врутціе пр[и] храму с[ве]т[а]го и славнаго Геѡргіа’.¹

Географические указания послесловия вполне определены и недвусмысленны: типография находилась в Руянском монастыре, стоявшем у подножия горы Пониква на реке Бельской в селе Врутци. Патроном монастыря был святой Георгий.

Сложность состоит в том, что ни в одном из древних документов Руянский монастырь не упоминается. Мы не знаем также ни одной книги, переписанной здесь или положенной в монастырскую библиотеку. В старых записях и надписях не упоминается ни один чернец, принявший постриг в этом монастыре или живший здесь.

* Работа выполнена при содействии Российского фонда фундаментальных исследований.

¹ Четвероевангелие. Руйно, 1537. л. 300 об.

Область Руйно (Руйна) и село Врутци, напротив, в старых документах встречаются неоднократно. Этимологически название 'Руйно' по мнению Джордже Сп. Радоичича, происходит от слова 'руй'; так называлось растение, которое в средневековой Сербии использовалось для окраски кожи.²

Старейшее упоминание географического названия Руйно относился к 1467 г. 23 апреля 1467 г. золотых дел мастер Иван Радохнич, отчим покойного купца Лазара Живковича обратился в Дубровнике с жалобой на Вукича Дрмановича из Руйно. В доме у последнего Лазар оставил три тюка товаров и две серебряных чаши, которые Вукич отказался отдать. Сербский историк Богумил Храбак, опубликовавший этот документ, обнаружил упоминания Руйно и в записной книге известного купца 60—70-х гг. XV в. Дживана Припчиновича. Под 1475 г. здесь записано количество красной краски 'црвац', приобретенной Припчиновичем в разных местах, в том числе и в Руйно.³

Отталкиваясь от помянутых выше документов, Богумил Храбак сделал вывод, что Руйно в XV в. было важным торговым центром. Ярмарка, видимо, соседствовала с монастырем.

Княжество или нахия Руйно и имевшееся здесь село Врутци неоднократно упоминаются в переписях и фискальных документах турецких властей, которые составлялись, чтобы упорядочить взимание налогов.⁴ Древнейший такой документ — дефтер, составленный в 1476 г., свидетельствует, что село Врутци принадлежало князю Прибкару. В селе было 11 домов. Названы и жившие здесь люди: Вук, сын Прибисава, поп Вукашин и его сын Радохна. О монастыре в селе Врутци ничего не сообщается, хотя тот факт, что здесь жил священник, вроде бы свидетельствует о наличии культового здания. В дефтере 1525 г. говорится, что в Врутцах было восемь домов и мельница. В этом и в более поздних документах монастырь опять-таки не упоминается, хотя во многих других селах названы как монастыри, так и жившие в них монахи.

Все это, как нам кажется, свидетельствует о том, что монастырь Руйно был очень мал и что существовал он непродолжительное время.

Некоторые сведения о местонахождении монастыря Руйно сообщают литераторы и путешественники XIX в., искавшие этот монастырь по той причине, что им уже было известно о существовавшей здесь в XVI в.

² См.: Радоичић Ђ. Сп., Јашић З. Рујањска штампарија (из прве половине XVI века). — Зборник Матице српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1954. Књ. 2, с. 5—17.

³ См.: Храбак Б. Рујна — грг у области Ужица у XV веку. — Историски гласник. Београд, 1954. Св. 1, с. 48—50.

⁴ См.: Аличић С. А. Турци какастарски пописи неких подручја западне Србије. Чачак, 1984—1985. Књ. 1—3. См.: Књ. 1, с. 80, 122, 133, 169, 219, 276, 298—300, 308, 309, 317 и мн. др.

типографии.⁵ Из их сообщений явствует, что монастырь стоял на берегу реки Бетинья западнее города Ужице у подножья горы Пониква между селами Биоска и Врутци. Последнее село получило имя от находившегося неподалеку источника с теплой водой, обладавшей целебными свойствами. В XIX в. еще можно было увидеть заросшие травой развалины монастыря. Колонны от здания монастыря, изготовленные из темного мрамора и имевшие в длину 2—3 фута, были перенесены в Ужице и служили там украшением здания турецкой школы-медресе. В начале XX в., когда медресе было разрушено, а на ее месте возведено здание светской школы, колонны пропали. По одним сведениям они были заложены в фундамент школы, по другим — использованы при постройке террасы частного дома в Ужице.⁶

В 1980 г. на реке Джетинья была сооружена бетонная плотина. Шестикилометровое водохранилище, образовавшееся при этом, затопило место, где когда-то стоял монастырь Руйно.

О мастере, который напечатал Четвероевангелие 1537 г., в послесловии издания сказано: 'Трудихсе ѿ сем аз грѣшни убоги умѡм а богати грѣхѡм и Х[рист]у рабѣ монахѣ Тевд[о]сїе'.⁷ Об этом человеке мы решительно ничего не знаем. Такое же имя мы находим в Октоихе пятигласнике, выпущенном в свет 27 июля 1537 г. венецианской типографией Божицара Вуковича: 'Повелѣнїемъ господина Божицара воеводѣ трудих'мо се ѿ сїих писанїи смѣренны въ иноцехъ священ'ныци Феодосїе и Генадїе параїеклисїар'хѣ монастыря светаго Савы срьбскаго, иже е[сть] въ Милѣшевы'.⁸ Очень соблазнительно было бы предположить, что оба Феодосия — одно и то же лицо. Однако серьезных оснований к этому нет. Во-первых, обе книги печатались одновременно, а от Венеции до сербского Ужице достаточно далеко. Во-вторых, и это самое главное, Октоих пятигласник 1537 г. напечатан блестящим мастером, превосходно владевшим типографским искусством, а Четвероевангелие 1537 г. — типографом, только-только осваивавшим начатки полиграфического мастерства.

Познакомимся теперь с историей изучения Четвероевангелия 1537 г. и со всеми сохранившимися экземплярами этой книги. Задача наша облегчается тем обстоятельством, что историографией вопроса занимались такие прославленные знатоки истории сербского книгопечатания,

⁵ См.: Обрадовић С. Описание окружия ужичког. — Гласник Друштва србске словесности. Београд, 1858. Св. 10, с. 323—324; Миличевић М. Кнежевина Србија. Београд, 1876, с. 587; Каниц Ф. Србија, земља и становиштво од римског доба до краја XIX века. Београд, 1986, с. 500.

⁶ См.: Крстонић М. Трњак уместо обележја. — Вечерње новости. Београд, 1969, 15 маја; Марјановић Б. Врутци: овде је штампана прва књига у Србији. — Илустрована политика. Београд, 1987. № 1490, с. 38—39.

⁷ Четвероевангелие. Руйно, 1537. л. 300 об.

⁸ Октоих пятигласник. Венеция, 1537. л. 162 об.

как Джордже Сп. Радоичич и Лазар Чурчич.⁹

Старые русские и сербские книгоописатели В. С. Сопиков, Лукиан Мушицкий, П. И. Кеппен, П. М. Строев, заложившие основы славяно-русской библиографии, руянского Четвероевангелия 1537 г. не знали. На страницы науки это издание ввел Павел Йосеф Шафарик (1795—1861). В своей первой статье, посвященной южнославянским изданиям и опубликованной в 1829 г., он о типографии монастыря Руйно еще ничего не пишет. Сведения эти появляются в статье ‘О древнеславянских, именно кирилловских типографиях в южнославянских землях . . .’, увидевшей свет в 1842 г.¹⁰ Шафарик не указывает, где видел он описанный им экземпляр, в котором было 292 листа. Но из каталога оставшейся после его смерти библиотеки, выпущенного в 1862 г., мы узнаем, что эта книга была в его личном собрании.¹¹

Об экземпляре Четвероевангелия 1537 г., принадлежавшем П. Й. Шафарiku, долгие годы ничего известно не было. Лишь в 1982 г. Франтишка Соколова упомянула эту книгу в каталоге выставки Государственной библиотеки Чехии, приуроченной к 400-летию со дня смерти первопечатника Ивана Федорова.¹²

Ныне шафариковский экземпляр Четвероевангелия 1537 г. хранится в библиотеке Народного музея в Праге в составе собрания П. Й. Шафарика.¹³ Книга была тщательно изучено сотрудницей Народной библиотеки Сербии Катариной Мано-Зиси.¹⁴ Ее трудами Республиканский институт международного научного, просветительского, культурного и технического сотрудничества и Народная библиотека Сербии выпустили в 1987 г. факсимильное воспроизведение пражского экземпляра, приурочив это издание к 450-летию типографии монастыря Руйно.¹⁵

Пражский экземпляр оказался комплектным. В нем отсутствуют лишь пустые листы 63 и 262. Общее количество сохранившихся в книге листов — 300. Как это сочетать с тем, что сам П. Й. Шафарик указывал, что в

⁹ См.: Радојичић Ђ. Сп., Јанц З. (примечание 2); Чурчић Л. Историјски оквири штампарије у манастиру Рујно 1536—1537. — Рујанско Четворојеванђеље. Фототипско издање. Београд, 1987. С. I—XVIII.

¹⁰ См.: Šafařík P. J., ‘O staroslowanských jmenowite cyrilských tiskárnách w jihoslowanských zemjch a krajinách prilezjcich totiz w Srbsku, Bosne, Hercegowine, Cernéhore, Benátkách, Walachi a Sedmíhradsku, we stoletj XV, XVI a XVII’, *Časopis Českého Muzeum* (Praha, 1842), t. 16, pp. 102, 106.

¹¹ *Catalogus librorum, incunabulorum, codicum manuscriptorum, chartarum geographicarum, quae olim ad bibliothecam Pauli Josephi Šafařík pertinebant* (Vindobonae, 1862), p. 107.

¹² *Cyrilské tisky: výstava z fondů St. Knihovny ČSR, pořadaná k 400. výročí úmrtí Ivana Fjodorova, listopad 1982: katalog* (Praha: St. Knihovna ČSR, 1982), p. 82.

¹³ Народный музей в Праге, 64 А 14.

¹⁴ См.: Мано-Зиси К. Јеванђеље из Шафарикове збирке. — НИН, Београд, 1987. № 1904, с. 52—55.

¹⁵ См.: Рујанско Четворојеванђеље. Фототипско издање. Београд, 1987.

книге 292 листа, остается неясным. Приходится допустить, что словацкий ученый ошибся при подсчете листов.

Пражский экземпляр переплетен в доски, обтянутые кожей с бескра-
сочным тиснением геометрического и растительного характера. Размеры
книжного блока 300×205 мм. На листах 1 и 3, а также на обороте послед-
него листа красной краской оттиснута печать 'Knihovna Šafaříkova', т.е.
'Библиотека Шафарика'. На листе 5 об. книги сохранилась владельческая
запись, которая гласит: 'Сіє с[ве]тое Ев[ан]гліє коупи Василіє ієромонах и
оузел ѡт Грігоріа Студеничана за 6 грош сребрьних лѣ[та] текущу (7162=1653) м[есе]ца сеп[тебрия] Й (8) на Рожбце'.

Иеромонах Василий быть может идентичен тому человеку, который
в 1674 г. написал Помянник в монастыре св. Павла на Афоне. В книге
этой есть запись: 'Исписа ся сіи помѣнник при дикєю квр Спиридону
еромонаху рукою многогрѣшнаго Василіа, текущу тогда лѣту бытіа 7182
(1674) мѣсеца іоулія 1 дня'.¹⁶ Быть может тот же Василий написал в 1682
г. 'въ Светѣи Горѣ Аѡнѣсѣи близъ монастыра светаго Павла' Апостол,
который ныне находится в Венской национальной библиотеке (№ 39).¹⁷
И в этой книге, как и в записи из Четвероевангелия 1537 г. и в выходном
листе Помянника 1674 г. перед указанием года стоит слово 'текоущу'.

Что же касается Григория, продавшего Василию Четвероевангелие
1537 г. за 6 грошей, то он был монахом известного сербского монастыря
Студеница, существовавшего уже в XII в. В монастыре этом хранится т.н.
пятихлебница, на которой высечена надпись с упоминанием иеромонаха
Григория (Глигория). Пятихлебницу изготовил мастер Иван в 1637 г.¹⁸

В 1849 г. Четвероевангелие 1537 г., ссылаясь на П. Й. Шафарика, ре-
гистрирует русский библиограф Иван Петрович Сахаров (1807—1863) на
страницах 'Хронологической росписи славяно-русской библиографии'.¹⁹

Новый экземпляр руянского Четвероевангелия был введен в научный
оборот в 1857 г. известным сербским ученым Вуком Стефановичем Ка-
раджичем (1787—1864).²⁰ Статьи П. Й. Шафарика, опубликованно в 1842
г., он, судя по всему, не знал. А ссылаясь на более раннюю публикацию
словацкого ученого, появившуюся в 1829 г., отметил, что тот не знал
руянского Четвероевангелия. Караджич, таким образом, считал себя пер-
вооткрывателем этого издания, в чем, с очевидностью, ошибался. Но он
впервые опубликовал послесловие книги и дал более или менее подробное

¹⁶ Цит. по: Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Београд, 1902. Књ. 1, с. 413.
№ 1700.

¹⁷ Там же, с. 427, № 1788.

¹⁸ Там же, с. 334, № 1297.

¹⁹ См.: Сахаров И. П. Обзорение славяно-русской библиографии. Санкт-Петербург, 1849.
т. 1, кн. 2. Хронологическая роспись славяно-русской библиографии, с. 8, № 21.

²⁰ См.: Караџић В. Ст. Примјери српско-славенског језика. Беч, 1857, с. 21.

ее описание.

Нуждаясь в деньгах, Вук Караджич в 40-х годах прошлого века выслал большое количество рукописей и старопечатных сербских книг историку Михаилу Петровичу Погодину (1800—1875). В одном из писем, направленных к Вуку еще в 1848 г., М. П. Погодин просил его достать Евангелие Руянского монастыря 1537 г.²¹ Книги в ту пору у Караджича видимо еще не было. Он отыскал ее позднее, когда Погодин продал свое собрание Императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге и прекратил собирательство.

Пытаясь отыскать новых потенциальных покупателей, Вук Караджич в 1856—1858 г. ведет интенсивную переписку с Георгом Генрихом Пертцем, главным библиотекарем Прусской королевской библиотеки в Берлине. Среди предложенных им книг названо и Четвероевангелие 1537 г., за которое он просил 300 талеров.²² Так как эта сделка не состоялась, Караджич делает аналогичное предложение Императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. По его просьбе с соответствующим письмом к директору Публичной библиотеки графу Модесту Андреевичу Корфу (1800—1876) 7 марта 1858 г. обратился австрийский славист Франц Миклошич (1812—1891).²³ В письме, которое было опубликовано нами в 1966 г. как в немецком оригинале, так и в переводе на сербский язык,²⁴ Миклошич сообщал о желании своего друга Вука Стефановича Караджича продать 'хотя и небольшое, но очень ценное собрание славянских рукописей и печатных книг'. Далее следовал список трех рукописей и 12-и старопечатных изданий, среди которых под № 8 упомянуто: 'Четвероевангелие, напечатанное в монастыре Руйно в Сербии в 1537 г., как утверждают знатоки, деревянными литерами; в евангелии от Иоанна большие по размеру литеры, чем в других евангелиях. Находившиеся на 5 листах вступительные разделы отсутствуют, однако в остальном книга хорошо сохранилась. Совершенно до сего времени неизвестный уникум.'

Последнее утверждение Ф. Миклошича, записанное им со слов В. С. Караджича, как мы знаем, ошибочно. Экземпляр Караджича уникумом не был, да и само издание ранее было описано П. Й. Шафариком.

Караджич оценил три рукописи и Руянское Четвероевангелие по 300 рублей серебром каждую, а остальные книги, среди которых находились такие ценные и сравнительно редкие издания, как Октоих первогласник 1494 г., венецианский Служебник 1519 г. и Триодь цветная, напечатанная

²¹ См.: Вукова преписка. Београд, 1913. Књ. 7, с. 512.

²² См.: Селесковић М. Вук Караџић и Georg Heinrich Pertz. — Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1937. Књ. 17, св. 1, с. 83—84.

²³ Архив РНБ, 1858, № 4, часть 1, л. 66—67.

²⁴ См.: Немировский Е. Л. Рујанско Четворојеванђеље. — Библиотекар. Београд, 1956. № 3—6, с. 415—417.

в 1566 г. в типографии монастыря Мркшина црква, по 50 рублей.

Загадочен обозначенный под № 9 Молитвенник, напечатанный, как указано в письме Ф. Миклошича, в 1544 г. в типографии монастыря Милешева. На самом деле в Милешева в 1544 г. была напечатана Псалтырь с воследованием, а Молитвенник (Требник) вышел в свет 20 сентября 1546 г.

Любопытно, что в то время, когда происходили переговоры с Императорской Публичной библиотекой, Вук Караджич предложил те же 15 книг Димитрию Максимовичу-Кнежевичу, сербу из Лики, жившему в Одессе. Предложение было сделано в письме от 16 (28) декабря 1858 г. Димитрий тем временем умер. Ответил Караджичу его брат Александр, живший в Санкт-Петербурге. В письме от 8 (20) января 1859 г. он выразил желание купить некоторые из названных в письме книг.²⁵

Сделка, однако, не состоялась, ибо Императорская Публичная библиотека приняла условия В. С. Караджича, изложенные в письме Ф. Миклошича. В апреле 1859 г. книги были доставлены в Санкт-Петербург. В архиве Российской национальной библиотеки, наследницы Императорской Публичной библиотеки, имеются сведения о приобретении 'по Высочайшему повелению у Вука Караджича 12 сербско-славянских книг'.²⁶

В 1860 г. в очередном печатном отчете Императорской Публичной библиотеки были помянуты 'восемь югославянских старопечатных книг, купленных на счет Государственного Казначейства у известного сербского ученого Вука Караджича'.²⁷ Сравнивая сведения из отчета со списком в письме Ф. Миклошича, можно установить, что библиотека отказалась купить уже имевшиеся в ее собрании Октоих 1537 г. (в описи Миклошича он датирован 1536 г.), Праздничную Минею 1538 г., Служебник 1554 г. Почему-то не был куплен и милешевский Молитвенник, помеченный в списке 1544 г., хотя такого издания в Императорской Публичной библиотеке не было.

Руянское Четвероевангелие библиотека приобрела. Сведения о книге были помещены в отчете под № 3: 'Четвероевангелие, напечатанное трудами монаха Феодосия в Руянском монастыре в 1537 г., в лист, 301 л., по 20-ти строк на странице, без переносов и постраничной пометы. Недостает только первых пяти листов, заключающих в себе оглавление и предисловие к евангелию от Матфея. Это издание замечательно особенно тем, что очертание одних и тех же букв в нем, от начала до конца, разное,

²⁵ См.: Мано-Зиси К. Рујанско Четворојеванђеље — књига, графика, штампа. — Рујанско Четворојеванђеље. Фототипско издање. Београд, 1987, с. XXI; Чурчић Л. Вук и Рујанско Четворојеванђеље из 1536—1537 године. — Сусрети библиографа, '86—'87. Инђија, 1933, с. 124.

²⁶ Архив РНБ. 1860, № 6, л. 3 об.

²⁷ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1859 г. Санкт-Петербург, 1860, с. 17.

что подало Шафарику повод предполагать, будто бы печатание произведено буквами, вырезанными из дерева.²⁸

Приступая к описанию петербургского экземпляра, который в настоящее время хранится в Российской национальной библиотеке,²⁹ попытаемся прежде всего прояснить одно недоразумение. Вук Ст. Караджич сам указывал, что его экземпляр содержал 296 листов.³⁰ Из описания экземпляра, поступившего в Императорскую Публичную библиотеку, можно сделать вывод, что в нем был 301 лист. Противоречие легко разрешается. Дело в том, что описание экземпляра Публичной библиотеки исходило из объема полного экземпляра, в котором, как считалось, должен быть 301 лист. Караджич же указывал число действительно сохранившихся листов. Разнобой данных об объеме книги породил уверенность некоторых исследователей (и среди них Дж. Сп. Радоичича), что петербургский экземпляр не является экземпляром Вука Ст. Караджича.

Петербургский экземпляр впоследствии учитывался всеми русскими библиографами.³¹ Особенно подробно его описал Иван Прокофьевич Каратаев (1817—1886). Он полностью привел послесловие книги и опубликовал выдержки из текста. Будучи библиофилом, Каратаев мечтал пополнить Руянское Четвероевангелие и в своем описании дал его денежную оценку: 'Цена полного экземпляра от 100 до 150 руб.'

Петербургский экземпляр был описан нами в 1956 г.; мы впервые репродуцировали некоторые заставки издания.³² В дальнейшем этот экземпляр описала Вера Ильинична Лукьяненко.³³

Хранящееся ныне в Российской национальной библиотеке Четвероевангелие 1537 г. заключено в современный печатанию переплет: доски в коже с тиснением на переплетных крышках. На верхней крышке изображен крест, водруженный на ступенчатой пирамиде. Обрез книжного блока орнаментирован. Он украшен со всех трех сторон раскрашенными розетками и монограммами четырех евангелистов.

²⁸ Там же, с. 18.

²⁹ РНБ, I.1.8.

³⁰ См.: Карацић В. Ст. Примјери српско-славенског језика. Беч, 1857, с. 21—22.

³¹ См.: Каратаев И. П. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. Санкт-Петербург, 1861, с. 5, № 22а; его же. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. Санкт-Петербург, 1878, вып. 1, с. 66—69, № 24; его же. То же. Санкт-Петербург, 1883, т. 1 (с 1491 до 1652 г.), с. 80—82. № 27; Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии. Москва, 1871, с. 6, № 25.

³² См.: Немировский Е. Л. Рујанско Четворојеванђеље. — Библиотекар. Београд, 1966, № 5—6, с. 406—420.

³³ См.: Лукьяненко В. И. Издания кириллической печати XV—XVII вв. (1494—1688 гг.) для южных славян и румын. Каталог книг из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград, 1979, с. 27—28, № 7; ее же. Издания кириллической печати XV—XVI вв. (1491—1600 г.). Каталог книг из собрания ГПБ. Санкт-Петербург, 1993, с. 68—69, № 21.

В петербургском экземпляре полностью отсутствуют листы 1, 4 и последний пустой лист тетради 32-й (л. 262). От листов 2, 3 и 5 сохранились лишь небольшие обрывки у корешка книги. На форзаце со внутренней стороны верхней переплетной крышки наклеен ярлык с записью, сделанной, вероятно, В. Ст. Караджичем: '№ 8. Четири Евангелия штампано у Руянской обители 7045—1537'. На обороте последнего листа книги когда-то была владельческая запись; она вымарана и сейчас ее прочесть невозможно.

В 1954 г. Джордже Сп. Радоичич и Загорка Янц опубликовали статью, посвященную Руянскому Четвероевангелию. Первый из авторов рассмотрел историографию вопроса, второй — подробно описал книгу и высказал мнение о технике ее воспроизведения.³⁴ Дж. Сп. Радоичич ввел в научный оборот новые экземпляры и фрагменты интересующего нас издания. В первую очередь это экземпляр Народной библиотеки Сербии в Белграде, который был приобретен уже после того, как вышел каталог этого собрания, подготовленный Любомиром Стояновичем, и поэтому не попал в этот каталог. По словам Дж. Сп. Радоичича, экземпляр хорошо сохранился. Радоичич изучил этот экземпляр и подготовил о нем статью, которую, однако, опубликовать не успел. Как экземпляр, так и рукопись статьи с предварительными заметками для нее погибли в апреле 1941 г. во время пожара библиотеки при бомбардировке Белграда фашистской авиацией. У Радоичича сохранился лишь фотографический снимок одной из страниц книги.

‘После освобождения, — рассказывает далее Радоичич, — когда было отказано в гостеприимстве русским изгнанникам, я нашел в одной антикварной лавке несколько листов из старых сербских печатных книг. Я узнал, что ранее они принадлежали какому-то русскому, который покинул нашу страну. Между этими листками было два из Руянского Четвероевангелия.’³⁵ Эти листки вместе с сохранившимся у него фотографическим снимком одной из страниц погибшего экземпляра Народной библиотеки, Радоичич подарил Музею прикладного искусства в Белграде. В июле 1952 г. фрагменты экспонировались на выставке ‘Рукописная и печатная книга’, организованной Музеем прикладного искусства. К выставке был издан составленный Джордже Сп. Радоичичем каталог, на страницах которого фрагмент был введен в научный оборот.³⁶ Вторично фрагменты были описаны в цитировавшейся нами статье 1954 г.

Фрагменты по сей день находятся в Музее прикладного искусства в Белграде. Это 8-й лист 24-й тетради (л. 196) с текстом из Евангелия от

³⁴ См.: Радојичић Ђ. Сп., Јанц З. Рујанска штампарија (из прве половине XVI века). — Зборник Матице србске за књижевност и језик. Нови Сад, 1954, књ. 2, с. 5—17.

³⁵ Там же, с. 7.

³⁶ См.: Радојичић Ђ. Сп. Рукописна и штампана књига. Београд, 1952, с. 44, № 37.

Луки и 8-й лист 29-й тетради (л. 236) с текстом из Евангелия от Иоанна. Размеры первого фрагмента — 300×200 мм, второго — 300×210 мм.³⁷

В статье Дж. Сп. Радоичича и З. Янц был также введен в научный оборот экземпляр Руянского Четвероевангелия, принадлежащий Архиву Сербской Академии наук и искусств.³⁸ О происхождении экземпляра сведений нет. Он поступил в Архив уже после 1901 г., когда вышел в свет известный каталог Любомира Стояновича; в этот каталог интересующее нас издание не вошло.³⁹ Экземпляр хранится без переплета; в недавнее время он был реставрирован.⁴⁰ Его размеры 282×197 мм. В книге сохранились листы 32, 76, 78—92, 94—99, 101—140, 144—154, 159—163, 168—169, 175—179, 180 (?). Всего сохранилось 92 листа, менее трети книги. Экземпляр Сербской Академии наук впоследствии был кратко описан Божидаром Ковачевичем и Катариной Мано-Зиси.⁴¹ Опираясь на этот экземпляр Деян Медакович в 1958 г. предпринял анализ графического убранства издания, который, естественно, вышел неполным.⁴²

С 1954 г. и по сей день ни одного нового экземпляра Руянского Четвероевангелия, ни даже небольшого фрагмента этой книги обнаружено не было.

Нам осталось подвести итоги. В литературе описано 4 экземпляра Руянского Четвероевангелия и небольшой фрагмент (2 листа) этой книги. Экземпляр Народной библиотеки в Белграде погиб в 1941 г. В настоящее время доступны для изучения экземпляры, находящиеся в Праге (300 л.), Санкт-Петербурге (296 л.), Белграде (92 л.) и небольшой белградский фрагмент (2 л.).

Приступаем к описанию Руянского Четвероевангелия. Книга отпечатана и сфальцована в формате 'в лист' (2⁰). Составлена она из 37 тетрадей. Все они восьмилистны, за исключением тетрадей 10, 11 и 32, в которых по 10 листов. 7-й лист тетради 8-й (л. 63) и 8-й лист тетради 32-й (л. 262) оставлены пустыми. Лист 63 сохранился в петербургском экземпляре, листа 262 ни в одном из сохранившихся экземпляров нет. О его существовании можно говорить лишь предположительно, исходя из того, что в тетради должно быть четное количество листов. Общее

³⁷ Музей прикладного искусства в Белграде, № 73.

³⁸ См.: Радојичић Ђ. Сп., Јанц З. (примечание 2), с. 8.

³⁹ См.: Стојановић Љ. Каталог рукописа и старих штампаних књига. Збирка Српске краљевске академије. Београд, 1901.

⁴⁰ Архив Сербской Академии наук и искусств. № 397.

⁴¹ См.: Ковачевић Б. Збирка рукописа и старих штампаних књига у Српској академији наука и уметности у Београду. — Гласник Српске академије наука и уметности. 1963, књ. 14, св. 1, с. 81; Мано-Зиси К. Старе ћириличке штампане књиге у Архиву Српске академије наука и уметности. — Археографски прилози. Београд, 1985, књ. 6—7, с. 310, № 37.

⁴² См.: Медаковић Д. Графика српских штампаних књига XV—XVII века. Београд, 1958, с. 222.

количество листов издания таким образом составляет 302.

Ни фолиации (нумерации листов), ни пагинации (нумерации страниц) в Руянском Четвероевангелии нет. Нумерованы лишь тетради — кирилловскими числами, проставленными на нижнем поле лицевой стороны первого листа и оборотной стороне восьмого листа каждой тетради. При простановке сигнатуры сделаны ошибки. Сигнатура не проставлена на оборотной стороне последнего листа 5-й тетради (л. 40 об.), на первом листе тетради 36-й (л. 287) и на обороте восьмого листа тетради 37-й (л. 302 об.). Сигнатура на обороте последнего листа тетради 35-й (л. 286 об.) в пражском экземпляре не пропечатана, но виден слепой оттиск литер. Сигнатура 'ЗІ' (17) на восьмом листе 17-й тетради (л. 140) отпечатана как на оборотной, так и, ошибочно, на лицевой стороне листа. На обеих сторонах листа напечатана и сигнатура 'Ө' (9) на первом листе тетради 9-й (л. 65). Наконец на последнем листе десятилистной тетради 10-й в пражском экземпляре ошибочно оттиснута сигнатура 'ÃĬ' (11), а в ленинградском экземпляре — 'Ã' (1).

Листовую формулу Руянского Четвероевангелия можно представить в следующем виде:

$1^8—9^8—10^{10} 11^{10} 12^8—31^8 32^{10} 33^8—37^8=[1]—[302]$ л.=302 л.

Количество строк на текстовой полосе не является постоянным. Во вступительных разделах Евангелия от Матфея и на первых двух полосах этого Евангелия оно равно 22 (начальные полосы с заставками и концевые полосы в расчет не принимаются). На полосах 7 об.—22 Евангелия от Матфея количество строк равно 20, на полосах 23 об.—73—22, на полосах 73 об.—82 об. — опять 20. Встречаются отдельные страницы (например, л. 57 и 58) с числом строк, равным 23. В Евангелиях от Марка, от Луки и от Иоанна, а также в заключительных разделах книги на полосах в основном помещено по 20 строк. Изредка встречаются здесь полосы с 21 строкой. Отметим страницу 180 об., на которой 21-я строка отпечатана под сигнатурой.

Любопытно, что полосы с 22 строками шире, чем полосы с 20 строками (соответственно 105 и 88 мм в Евангелии от Матфея).

Орнаментальное убранство Руянского Четвероевангелия состоит из девяти заставок, отпечатанных с четырех досок. Заставку первого рисунка мы встречаем на л. 1 об. — перед оглавлением к Евангелию от Матфея и на л. 3 об. — перед предисловием Феофилакта Болгарского к Евангелию от Матфея. Украшение это представляет собой огрубленную копию заставки, использованной валашским первотипографом Макарием в Четвероевангелии 1512 г. Мы видим вытянутый по горизонтали прямоугольник, черное поле которого тесно заполнено переплетающимися между собой сучковатыми ветвями. Рисунок характерен для так называемого балканского стиля орнаментики. Узор ветвей повторяется

четыре раза, образуя как бы четыре размещенных по вертикали овала. По углам размещены украшения-акротерии. Нижние акротерии поднимаются параллельно боковым граням прямоугольника, верхние размещены над верхней горизонтальной гранью. Имеется и навершие — в виде сплетенного из ветвей четырехконечного креста. Над горизонтальной перекладиной креста помещены монограммы 'IC' 'XC' (Иисус Христос), под перекладиной — монограммы 'НИ' и 'КА'. Имеются еще монограммы 'СХ' и 'ПВ', размещенные над верхней гранью заставки по обе стороны от креста.

Большая заставка, предваряющая Евангелие от Матфея (л. 6 об.) (ил. 1), представляет собой квадратное поле, по черному фону которого пущено сложное плетение с элементами растительного орнамента. Основу композиции составляют два креста, перекладины одного из которых параллельны сторонам квадрата, а перекладины второго расположены по диагоналям квадрата. Вдоль боковых граней тянутся исходящие из нижних углов акротерии, в рисунок которых вписаны изображения корон. Неизмеримо скромнее верхние акротерии, варьирующие тему стилизованных бутончиков. Навершием служит сплетенный из ремней крест, по обе стороны которого помещены монограммы 'IC' и 'XC'.

Квадратные заставки такого типа — традиционный мотив южно-славянской книжной орнаментики XIV—XVI вв. Многочисленные примеры аналогичных заставок, раскиданных по страницам сербских рукописей, указывает Деян Медакович.⁴³ Древнейшие аналогии относятся к XIV в.; это 'Александрия' из неуказанного белградского собрания и 'Сборник' Владислава Грамматика, находящийся в Загребе. Д. Медакович при этом ссылается на труд Светозара Радойчича, посвященный старой сербской миниатюре.⁴⁴ 'Александрию' XIV в. нам в новейших инвентарях кирилловских рукописей обнаружить не удалось.⁴⁵ Что касается 'Сборника' Владислава Грамматика, находящегося в собрании Югославянской Академии наук и искусств в Загребе, то он написан в 1469 г., а следовательно не в XIV, а в XV в.⁴⁶ Все остальные примеры Д. Медаковича-С. Радойчича относятся к XVI в.: Псалтырь из собрания Сербского семинара Белградского университета (№ 43), Четвероевангелие монастыря Куманице из Архива Сербской Академии наук (№ 69) и др.

К XV в. относится и старейший болгарский пример квадратных заставок балканского стиля со вписанными в них крестами — Четвероеванге-

⁴³ См.: Медаковић Д. Графика српских штампаних књига XV—XVII века. Београд, 1958, с. 91.

⁴⁴ См.: Radojčić S. Stare srpske minijature. Beograd, 1950.

⁴⁵ См.: Богдановић Д. Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII века). Београд, 1982.

⁴⁶ Югославянская Академия наук и искусств в Загребе, III а 47.

Ил. 1. Руянское Четвероевангелие, л. 6 об. (экземпляр Российской Национальной Библиотеки)

лие Пловдивской народной библиотеки № 21.⁴⁷ Примеры аналогичных заставок, приведенные болгарским историком книги Петром Атанасовым, все относятся к XVI в.⁴⁸ В болгарские заставки, как правило, вписан лишь один крест; креста с лопастями, размещенными по диагонали, здесь нет.

Очевидные прототипы квадратной заставки Руянского Четвероевангелия мы находим не в рукописях, а в печатных книгах — в Псалтыри с воследованием, напечатанной в 1495 г. в Цетинье,⁴⁹ и в валашских Октоихе 1510 г. и Четвероевангелии 1512 г.⁵⁰ В цетиньской заставке хорошо развитых угловых украшений и навершия в виде креста мы не найдем. Но все эти элементы наличествуют в валашских изданиях. У нас нет никакого сомнения в том, что руянский мастер Феодосий, приступая к гравированию ксилографической доски, держал перед собой Четвероевангелие 1512 г. В этом нас убеждает следующая деталь. В центре всех трех заставок — цетиньской, валашской и руянской мы видим шестигранное белое поле. В цетиньской заставке на нем размещен двуглавый орел — герб державы Црноевичей, властителей Черногории. В валашской заставке орел уступил место ворону, держащему в клюве крест; это герб валашских воевод. В руянской заставке мы видим того же ворона, но он изображен зеркально. Зеркальность руянской заставки по отношению к валашской можно заметить и по другим элементам оттисков, например, по акротериям. Феодосий, не мудрствуя лукаво, перевел контуры валашской заставки на доску, не заботясь о том, что в оттиске с этой доски изображение получится зеркальным.

Вполне оригинален рисунок скромной заставки, предваряющей оглавление Евангелия от Марка (л. 83). Она представляет собой вытянутый по горизонтали прямоугольник, верхняя и нижняя грани которого осложнены небольшими зубцами. Внутреннее поле занимает простой растительный выюнок, гравированный черным по белому фону.

Заставка эта повторена в книге еще три раза. В перевернутом виде она оттиснута перед предисловием к Евангелию от Марка на л. 84 об., и перед основным текстом Евангелия от Марка на л. 86 об., а в правильном — перед Евангелием от Луки на л. 148.

Заставку четвертого рисунка встречаем впервые на листе 233 об. — перед основным текстом Евангелия от Иоанна. Это прямоугольник, заполненный тесной, геометрически правильной плетенкой. Второй оттиск той же заставки находим на листе 287 — перед справочным разделом 'Ска-

⁴⁷ См.: Стоянов М. Украса на славянските рукописи в България. София, 1973, с. 88—89, № 108.

⁴⁸ См.: Атанасов П. Начало на българското книгопечатане. София, 1959, с. 34—37.

⁴⁹ Псалтырь с воследованием. Цетинье, 1495, л. 8.

⁵⁰ Октоих. — [Трговиште], 1510, л. 5; Четвероевангелие. [Трговиште], 1512, л. 9.

зание еже на всяк день'. Подобные узоры несколько неожиданно встречаются в украинской книжной орнаментике — в рукописях, созданных в конце XVI—начале XVII в.⁵¹

Если судить по Евангелию от Матфея, Феодосий первоначально предполагал давать заставки не только перед четырьмя Евангелиями, но и перед их оглавлениями и предисловиями к ним. В этом случае в издании должно быть не менее 13 заставок — по три в каждом Евангелии и одна — перед заключительными справочными разделами.

Первоначальный план оформления издания не был проведен в жизнь.

Оглавление, предисловие и основной текст Евангелия от Матфея начаты с новых полос и перед каждым из этих текстов отпечатаны заставки. Три заставки, но уже одного рисунка, мы находим и в Евангелии от Марка. Но здесь с новой полосы начаты лишь основной текст и предисловие к нему. Оглавление же раздела заверстано в подборку с Евангелием от Матфея. В Евангелии от Луки оглавление и предисловие заверстаны в подборку с предыдущими текстами и заставок перед ними нет. Заставка помещена лишь перед основным текстом. Тот же принцип сохранен и в Евангелии от Иоанна.

Валашское Четвероевангелие 1512 г. в этом смысле оформлено богаче, но также не всегда последовательно. Здесь использовано 12 заставок четырех рисунков. Типограф Макарий, печатавший эту книгу, поместил заставки перед всеми четырьмя Евангелиями. Но поставив заставки перед предисловиями и оглавлениями Евангелий от Матфея и Иоанна, два других предисловия он оставил без художественного убранства.

Гравированных инициалов сложного рисунка в Руянском Четвероевангелии нет. Использованные здесь буквицы простого рисунка нередко называют ломбардами. Занимают они по высоте 2 или 3 строки, печатаются как черной, так и красной краской. Помещены они перед зачалами. В заключительной части книги, в Евангелии от Иоанна инициалы в начале зачал нередко отсутствуют и заменены прописными буквами.

Художественное убранство Руянского Четвероевангелия дополняют строки вязи, которыми воспроизведены названия основных разделов. Вязь, как правило, печатается красной краской.

Теперь нам предстоит познакомиться со шрифтом, а точнее — со шрифтами Руянского Четвероевангелия.

Историки славянского книгопечатания по сей день спорят о том, какой техникой напечатано Руянское Четвероевангелие. Старые авторы (Павел Йосеф Шафарик, Вук Стефанович Караджич) склонялись к тому, что книга отпечатана с наборной формы, однако использовавшиеся Фе-

⁵¹ См.: Запаско Я. П. Орнаментальне оформлення української рукописної книги. Київ, 1960, с. 95—97.

одосием шрифты были не литыми металлическими, а гравированными деревянными. С этим мнением солидаризовался и И. П. Каратаев. Новые исследователи (Джордже Сп. Радоичич, Загорка Янц) считают, что техника печатания была ксилографической; для каждой страницы изготовлялась отдельная гравированная на дереве форма.⁵²

‘При первом же взгляде ясно видно, — писал Лазар Плавшич, — что литеры Руянского Четвероевангелия не отлиты с помощью матриц. Это настолько очевидно, что не требует доказательств. Очевидно также, что буквы резали разные люди.’⁵³ Решая вопрос о том, отпечатана ли книга с помощью деревянных литер или же цельных ксилографических досок, Л. Плавшич склоняется к последнему. По его мнению, граверы монастыря Руйно не смогли бы добиться того, чтобы все деревянные литеры были одной высоты, а без этого при оттискивании полос отдельные бы литеры не пропечатались.

В недавнее время Светислав Мандич высказал мнение, что Руянское Четвероевангелие отпечатано так же, как и другие южнославянские кирилловские издания — с наборных форм, составленных из отдельных металлических литер.⁵⁴ Мнение свое он доказывает весомыми наблюдениями над приемами печатания книги.

Существуют, таким образом, три различные точки зрения: (1) Руянское Четвероевангелие отпечатано с цельных гравированных на дереве форм; (2) Руянское Четвероевангелие отпечатано с наборной формы, составленной из деревянных литер; (3) Руянское Четвероевангелие напечатано с наборной формы, составленной из литых металлических литер.

Попытаемся решить, какое из этих мнений соответствует действительности. Прежде всего выясним, была ли текстовая форма, использовавшаяся в Руянской типографии, наборной или цельной.

Гравируя текст на доске, резчик не связан равновеликими межстрочными пробелами. Они могут быть различными по величине. Если же они соблюдаются, отдельные литеры, а точнее элементы этих литер, могут вторгаться в пределы соседних строк. Ничего подобного мы в Руянском Четвероевангелии не наблюдаем. Правда, в силу несовершенства полиграфической техники этого издания, литеры с верхними или с нижними выносными элементами здесь имели несколько больший кегль (размер шрифта, определяемый расстоянием между верхней и нижней стенками

⁵² См.: Радојичић Ђ. Сп. Српске рукописне и штампане књиге кроз векове. — Радојичић Ђ. Сп. Творци и дела старе српске књижевности. Титоград, 1963, с. 43.

⁵³ Плавшић Л. Српске штампарије од краја XV до средине XIX века. Београд, 1959, с. 101, 104.

⁵⁴ См.: Мандић С. Слова Рујанског Четворојеванђеља. — Гласник Друштва конзерватора Србије. Београд, 1988, књ. 12, с. 47—50; Мандић С. Царски чин Стефана Немање. Београд, 1990, с. 222—234.

литеры), чем литеры без выносных элементов. При этом, если в соседних строках, расположенных одна над другой, оказывались в верхней строке литера с нижними выносными элементами, а в нижней строке — литера с верхними выносными элементами, одна из литер сдвигалась по отношению к линии строки. Примеров таких в Руянском Четвероевангелии можно отыскать много. Так, на листе 6 в строках 9 и 10 на одной вертикали оказались литеры ‘р’ сверху и ‘и’ с надстрочным знаком ‘звательцо’ снизу. В результате литера ‘и’ оказалась сдвинутой вниз. Литера эта — союз в словосочетании ‘нужднѣиших и истѣнших’. То же самое словосочетание мы найдем на той же странице в строках 8 и 9. Здесь ‘и’ с надстрочным знаком не сдвинуто, ибо над ним находится литера без нижних выносных элементов. Это бесспорно свидетельствует о наборном характере формы. На том же листе 6 находим еще один пример сдвижения литер. В строках 19 и 20 на одной вертикали оказались сверху литера ‘д’ с нижними выносными элементами и снизу литера ‘и’ с надстрочным ‘х’. В результате нижняя литера оказалась сдвинутой.

О наборном характере формы говорят и оттиски нижних краев литер, которые часто встречаются, особенно же в последних строках (см., например, л. 105 об. — 5-й лист 13-й тетради). Границы литер здесь обозначены совершенно четко.

О наборном характере формы недвусмысленно говорит и тот факт, что высота 10 строк текста всюду на протяжении книги одинакова, в том числе и на полосах, набранных совершенно различными по рисунку шрифтами. Высота составляет 94—95 мм.

Еще одно доказательство. На некоторых страницах Руянского Четвероевангелия на боковых полях отпечатаны вертикально строки пропущенного при первоначальном наборе текста (см., например, л. 73). Есть полосы, на которых пропущенные строки помещены ниже сигнатуры (см. л. 172 об.). Строки вставляли после того, как ошибка была обнаружена при корректуре первоначальных оттисков. В ксилографической технике такие приемы немыслимы. Отметим попутно, что вертикальные строки зачастую можно встретить в венецианских изданиях Божидача и Виченцо Вуковичей, сомнений в наборном характере которых никогда не возникало.

В центре верхнего поля на лицевой и оборотной сторонах листа Четвероевангелия 1537 г. отпечатаны индексы (монограммы) евангелистов — своего рода колонтитулы, назначение которых облегчить читателю поиск отдельных разделов. В первой части книги индекс, символизирующий имя евангелиста Матфея, передан буквой ‘М’ и размещенной над ней буквой ‘фита’. На первых порах были изготовлены две литеры для этой лигатуры. У одной из них — перекладина ‘фиты’ размещена высоко, у другой — низко. Индекс с высокой перекладиной отпечатан на листах

7 об., 8 об., 9 об., 11 об., 12 об., 13 об., 14 об., 15 об. и т.д., индекс с низкой перекладиной — на листах 8, 9, 12, 13, 14, 15 и т.д. Начиная с л. 17 об. появляется третий, очень узкий вариант, а широкие варианты использоваться перестают. Оттиски каждого из вариантов идентичны. Так, например, у индекса с высокой перекладиной левый вертикальный штамп литеры 'М' выше, чем правый. Это с несомненностью свидетельствует о наборном характере формы. На л. 15 об. индекс с высокой перекладиной у 'фиты' был по ошибке отпечатан черной краской — большинство остальных индексов отпечатаны красными. Черная краска проступила на лицевую сторону листа. Чтобы скрыть неприятную кляксу, Феодосий решил забить ее аналогичным по рисунку знаком. И вот на верхнем поле листа 15 мы видим два стоящих рядом красных индекса — один с высокой перекладиной, а второй — с низкой. И это свидетельствует о наборном характере формы. О том же говорит смещение индексов на некоторых полосах. На большинстве страниц они поставлены в центре верхнего поля. А на листе 87 индекс 'Мр', символизирующий имя евангелиста Марка, смещен к левому краю. Гравер, режущий цельную ксилографическую доску, поставил бы индекс по центру.

Логично предположить, что ксилографическая доска гравировалась цельной — вместе с орнаментом и иллюстрациями, если они есть. Так, по крайней мере, поступали мастера западноевропейских печатных ксилографических книг XV в. В Руянском Четвероевангелии заставки оттиснуты с отдельных от форм текстового материала досок. Об этом свидетельствует тот факт, что заставка третьего рисунка на листах 84 об. и 86 об. оттиснута в перевернутом виде. И это говорит о наборном характере текстовой формы.

Итак, мы установили, что Руянское Четвероевангелие 1537 г. отпечатано шрифтами. Прежде чем говорить о том, какие это были шрифты — металлические или деревянные, — познакомимся с ними.

Историки книги обычно говорят о двух шрифтах, которыми напечатано Руянское Четвероевангелие. Шрифт, которым напечатано Евангелие от Иоанна — заключительная часть книги, сильно отличается от шрифтов первых трех Евангелий — он значительно уже. Однако и шрифты первых разделов книги не одинаковы. Можно говорить, по крайней мере, о четырех шрифтах, использованных для набора Руянского Четвероевангелия. Первым из них напечатано Евангелие от Матфея и начало Евангелия от Марка. Этот шрифт, пожалуй, наиболее красив и изящен. Вторым шрифтом — им напечатаны Евангелие от Марка и часть Евангелия от Луки — широк и груб. Заключительная часть Евангелия от Луки напечатана третьим шрифтом, носящим смешанный характер. В конце книги применен четвертый, очень узкий шрифт. Определенные отличия имеет и шрифт, которым набрана последняя страница с после-

словием — здесь очень много лигатур.

Все шрифты имеют один кегель. Высота 10 строк, как мы уже говорили, равна примерно 94—95 мм, высота очка — 5 мм. Одинаковый кегель допускает совместное использование различных шрифтов. Так Феодосий и поступал. Шрифт он сменял не сразу, а постепенно — по мере выхода из строя отдельных литер. Поэтому четко определить границы применения отдельных шрифтов не представляется возможным.

Шрифты отличаются друг от друга прежде всего своей шириной. У первого шрифта ширина 10 знаков составляет 40—45 мм, у второго — 48—50 мм, у третьего — 40—45 мм, у четвертого — 33—37 мм.

Отличительные особенности имеет и графика отдельных знаков. Первый шрифт легко отличить от других по оригинальной конфигурации 'у лигатурного'. Основанием этой литеры служит почти правильная окружность, из верхней части которой исходят — вправо и влево — изогнутые штрихи, поднимающиеся над верхней линией строки. Феодосий почти точно скопировал одноименную литеру из валашских изданий 1508—1512 гг. В остальных трех шрифтах используется 'у лигатурное', образец для которого был написан одним росчерком пера. Правый верхний штрих здесь длиннее левого; он поднимается над линией строки и заканчивается каплевидным приливом.

Различна графика литеры 'к'. Правая часть этой литеры в первом и четвертом шрифтах соединена с левой, а во втором и третьем — отделена небольшим пробелом. Такое же 'к' находим и в послесловии — на последней странице издания 1537 г.

Своеобразна графика литеры 'а' четвертого шрифта. На протяжении всей книги литера эта не имеет ни нижних ни верхних выносных элементов. Такая литера имеется и в четвертом шрифте. Но в тех случаях, когда буква используется в начале слова, ставится совершенно особая литера 'а' — с длинный вертикальным штаблом, выходящим за пределы нижней линии строки.

Литера 'д' в первом и четвертом шрифтах имеет узкое начертание, во втором и третьем — широкое.

Лишь во втором шрифте имеется знак 'ерь' с верхним выносным элементом, завершенным горизонтальным штрихом. Использование этого знака для сербско-славянской орфографии начала XVI в. нехарактерно. В Евангелии от Матфея мы встречаем написание 'единь' (л. 18, строка 8) с 'ерь' на конце, а в Евангелии от Марка — написание 'единь' (л. 142, строка 1), через 'ерь'. Знак 'ерь' с верхним выносным элементом можно изредка встретить и в третьем шрифте. См., например, слово 'сьниде' в 16-й строке л. 159 об.

Лишь в четвертом шрифте встречаются сложные по рисунку лигатуры 'тв', 'тр' с верхними и нижними выносными элементами. На последних

страницах книги — в месяцеслове и в послесловии — к ним добавлена лигатура ‘рѣ’. Любопытно, что лигатура ‘тр’ используется как правильно — для передачи двух стоящих рядом букв (см. слово ‘страну’, л. 264, строка 16), так и неправильно — для передачи двух согласных, поставленных в обратном порядке и разделенных гласной (см. ‘брат’, л. 262 об., строка 11; ‘умрет’ — л. 262 об., строки 14 и 16).

Определенные графические особенности имеют и другие шрифтовые знаки.

Переходя к вопросу о том, какие шрифты использованы в Руянском Четвероевангелии — литые или гравированные, скажем, что основной приметой шрифта, отлитого с помощью матриц, является идентичность одноименных знаков. Сложность состоит в том, что в старопечатных изданиях сплошь и рядом встречаются одноименные знаки различного начертания. Первые словолитцы отливали такие знаки в достаточно большом количестве вариантов, стараясь имитировать богатство почерков рукописной книги.

В Руянском Четвероевангелии есть немало одноименных знаков с разным начертанием. Но, с другой стороны, встречаются одноименные литеры, графически совершенно идентичные.

Светислав Мандич, тщательно изучивший подлинный оттиск листа 236 об. (последняя страница 29-й тетради) Руянского Четвероевангелия, обнаружил, что литера ‘р’ на этой странице использована 20 раз. И во всех этих 20 случаях литера отпечатана с одинаковой марашкой — точкой у нижнего края эллипсовидного пробела.⁵⁵ Это бесспорно свидетельствует о том, что литера отлита с одной матрицы.

С. Мандичу возразил М. Джорджевич, который указанную марашку нашел далеко не на всех литерях ‘р’ со страницы 236 об.⁵⁶ Но он знакомился с этой страницей не по оригиналу, а по репродукции — по факсимильному изданию 1987 г., выполненному в технике автотипии. А при репродуцировании в этой технике точность передачи оригинала не высока.

Наблюдение С. Мандича как будто бы безоговорочно доказывает, что Руянское Четвероевангелие 1537 г. напечатано металлическими шрифтами, отлитыми с помощью матриц. И все же . . .

Вспомним, как изготавливается типографский шрифт, а точнее — как он изготовлялся в XV—XIX вв. Прежде всего мастер гравировал пуансоны — стальные бруски прямоугольного сечения, на торце которых выгравированы зеркальные изображения шрифтовых знаков. Это самая трудоемкая и длительная операция процесса изготовления шрифта. Далее

⁵⁵ См.: Мандић С. Царски чин Стефана Немање. Београд, 1990, с. 232.

⁵⁶ См.: Ђорђевић М. Каквим је слогом штампано Рујанско четворојеванђеље. — Графичар. Београд, 1988, № 53, с. 9.

пуансон приставляют торцом к медному бруску и с силой вдавливают его. Так получается матрица — углубленное прямое изображение шрифтового знака. Вставляя матрицу в ручной словолитный инструмент, производят отливку одноименных литер.

Если литеры отлиты из мягкого металла, например, из одного олова, шрифт быстро изнашивается. Так было и при печатании Руянского Четвероевангелия, мастер которого был вынужден периодически заменять шрифты. При наличии готового комплекта матриц, это несложно. Естественно, что все шрифты имеют при этом один и тот же рисунок и различить различные отливки практически невозможно. В издании 1537 г. мы, напротив, имеем четыре шрифта совершенно разных рисунков. Для этого Феодосию нужно было полностью повторить по крайней мере четыре раза процессы изготовления шрифта: гравировать новые пуансоны, изготавливать новые матрицы и т.д. Если бы он использовал обычный процесс изготовления шрифта, стал бы он делать это? Очевидно, что нет. Отсюда следует, что по крайней мере гравированных на стали пуансонов в его распоряжении не было. Быть может он непосредственно гравировал сами матрицы, хотя как это сделать технически мы представить не можем. Возможно еще одно решение. Отливной инструмент, находившийся у Феодосия, был несовершенен, и отлитые литеры приходилось подвергать дополнительной механической обработке. При этом идентичность одноименных литер конечно же нарушалась, но сам рисунок шрифта в основе своей оставался прежним.

Приходится признать, что наличие в типографии монастыря Руйно четырех различных шрифтов и использование их для набора одного и того же издания рационально объяснить невозможно.

Какие это были шрифты — металлические или деревянные, можно установить, подвергнув оттиски специальному анализу на предмет обнаружения в них следов металла. Мы такого исследования провести не смогли.

Продолжим знакомство с техникой полиграфического воспроизведения Руянского Четвероевангелия. Набранную полосу перед печатанием заключали в деревянную (а может, и металлическую) раму. Оттиски краев рамы Загорка Янц приняла за отпечатки краев ксилографической доски. Под нижней строкой оставалось до рамы пространство высотой в 26 мм — сюда помещали литеры, обозначающие сигнатуры. Остальное пространство заполняли пробельным материалом. На многих полосах петербургского экземпляра имеются оттиски как наружного, так и внутреннего краев рамы. Размер заключной рамы по внутреннему краю по вертикали — 230 мм, а ширина рамы — 7 мм. Четкий оттиск рамы можно видеть, например, на листе 2 18-й тетради петербургского экземпляра.

Руянское Четвероевангелие отпечатано в две краски — черную и крас-

ную. В двух случаях — на последней странице 9-й тетради и на первой—10-й тетради красный оттиск заменен зеленым. Эта особенность характерна как для петербургского, так и для пражского экземпляров.

Старые славянские типографы тискали сначала красный оттиск, а затем уже черный. Феодосий, напротив, 'черное' печатал раньше 'красного'. Печать производилась с одной формы. Сначала покрывались краской 'черные' литеры, делался оттиск, затем форму насухо вытирали, покрывали киноварью 'красные' литеры и снова печатали. Наша реконструкция технологического процесса может быть доказана листами со вторым оттиском плохо вытертых 'черных' литер. При этом оттиск имеет сдвиг относительно первого отпечатка, равный сдвигу красных строк относительно черных (см., например, л. 45 об. петербургского экземпляра). Сдвиг и перекося красное оттистка относительно черного наблюдаются часто. Так, например, на л. 1 об. пражского экземпляра порядковые номера зачал, напечатанные на левом боковом поле киноварью, сдвинуты вверх примерно на одну строку. Отпечатанное красной вязью название раздела сильно перекошено. Любопытно при этом, что красные литеры в самом тексте сдвига не обнаруживают. Это говорит о том, что вязь и литеры на полях могли печататься позднее уже в готовых оттистках. В любом случае, операцию приводки оттистков Феодосий проводил на глазок.

Обычно старые типографы печатали одновременно по две полосы: л. 1 и л. 8 об., л. 1 об. и л. 8, л. 2 и л. 7 об., л. 2 об. и л. 7, и т.д. Двойные листы впоследствии фальцевали пополам. Феодосий же имел небольшой типографский станок, рассчитанный на печатание лишь одной полосы (мнение о том, что Феодосий 'печатал рукой', высказывавшееся в печати, мы категорически отвергаем). Доказывается это следующим. На листе 23 петербургского экземпляра имеется сильный сдвиг красных строк относительно черных, а на парном ему листе 17 об. сдвига нет. Вывод может быть лишь один: эти полосы печатались раздельно.

Это доказывается и случайными оттистками зеленой краской. Они, как мы уже говорили, сделаны на последней странице 9-й тетради и на первой—10-й тетради. При одновременной печати двух полос зеленые оттистки должны быть и на первой странице 9-й тетради, и последней—10-й. Однако на этих полосах второй оттисток сделан киноварью.

О том же говорит т.н. слепое тиснение, которое в большей или меньшей степени наблюдается на всех листах книги. Как мы уже упоминали, в 8-й тетради лист 7 оставлен по ошибке пустым. На нем особенно хорошо видно слепое тиснение, которое повторяет текст листа 2 этой же тетради.

Техника Руянского Четвероевангелия примитивна, но, в то же самое время, оригинальна и самобытна. Феодосий несомненно осваивал приемы типографского искусства самостоятельно — руководством ему

служили лишь печатные книги, да рассказы лиц, бывавших в типографиях.

Вне всякого сомнения, в руках у Феодосия было валашское Четвероевангелие 1512 г., откуда он скопировал некоторые свои заставки. Состав обоих изданий одинаков. Вступительной молитвы перед чтением Евангелия или же известия о так называемом четвертичном числе Евангелий, которые есть, например, в московских безвыходных Четвероевангелиях, ни в валашском, ни в руянском изданиях нет. Между тем орфография в обоих изданиях различна. В валашском издании мы встречаем болгарское правописание с характерными для него юсами, в руянском — сербское без юсов. Вопрос о языке Руянского Четвероевангелия мы здесь не рассматриваем; он нуждается в дополнительном исследовании.

Завершает книгу послесловие, которое мы ниже воспроизводим дословно:

Изволеніем ѿца. повелѣніем сѣна и съпоспѣшеніе сѣго дѣа. и помѡщію въ трѣици слѡваго бга. и прѣчѣіе влѣще мѣре его, и наше бѣе. съписахесе сїе сѣе. и бжѣствіе книге. въ лѣт 7045 (7045=1537). въ ѡбителі глѡ Руяінцѣи пѡд пѡдкрїіе плане глѣютсе Пониквіи. на рѣци глѣтсѣ Бѣлская. на селу глѣютсе Врутціи. прѣ храму сѣго и славнаго великомѣника. и побѣдоносца Хѡа Гевргїа. трудихсе ѡ сем аз грѣшни убоги умѡм а богати грѣхѡм. и Ху рабѣ монахѣ Тевдосїе нѣ ѡ сем млюсе вам братіе. или чѣще или приписуе исправляете, а не кльните за радѣ ба и свое дѣе. Понеже неписа дѣх сѣи ни аѣгл. нѣ члѣк мало умнѣ, и слабѡмѡщнѣ нѣ и паче сам. Слава съврѣшителю бѣу. аминѣ.

Бумага, на которой напечатано Руянское Четвероевангелие, изучена Катариней Мано-Зиси. По ее наблюдениям для печатания книги использована бумага двух сортов. Одна из них толстая, с желтоватым оттенком, другая — белая и очень тонкая. При оттискивании текста на последней бумаге, краска часто проникает на другую сторону и затрудняет чтение напечатанного там текста. Катарина Мано-Зиси выявила два водяных знака: (1) Лилия, и (2) Кардинальская шапка, с контрамаркой 'ЕН'. Первый знак близок к филигране, воспроизведенной в альбоме М. Брике под № 7280 и датированной 1534—1535 гг., а второй — к филигране № 3490, датируемой 1544 г.⁵⁷ Близкую филигрань 'Кардинальская шапка' мы встретим и в Молитвеннике-Требнике венецианской типографии Божидара Вуковича, напечатанном в 1538—1540 гг. Бумага, вне всякого

⁵⁷ См.: Briquet M. Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier (Genève, 1907), vols. 1–4.

сомнения, имеет венецианское происхождение.

Руянское Четвероевангелие — замечательный и совершенно оригинальный памятник сербского первопечатания, изучение которого необходимо продолжить.

Review Articles and Reviews

Старообрядческая печатная книга XVIII—начала XIX вв. в каталогах Андрея Вознесенского

При огромном и все возрастающем интересе — особенно в последние десятилетия — к истории славянской кириллической книги одна ее отрасль, а именно кириллические издания старообрядческих типографий XVIII—начала XIX столетий — долгое время была обойдена вниманием собирателей, библиографов и историков книгопечатания.

Преимущественным предметом исследований и описаний была старопечатная, прежде всего — первопечатная книга XV—XVII вв. Началу славянского книгопечатания были посвящены основательные монографии, было начато (хотя и оборвано на первых выпусках) бывшей Библиотекой имени Ленина, ныне Российской Государственной библиотекой, издание отдельных выпусков Описания старопечатных изданий кириллического шрифта. Известно, что крупнейший знаток славянской старопечатной книги А. С. Зернова предполагала заняться изучением старообрядческих изданий, но эта ее работа осталась незавершенной. Не повезло старообрядческим изданиям и в ином отношении: в крупнейших библиотеках России они были собраны далеко не так полно и тщательно как книги предшествующих столетий или современные им издания синодальных типографий; да и в библиофильских собраниях за редкими исключениями они занимали явно маргинальное место.

Положение начало существенно меняться по мере развертывания археографической работы в России. Начатая в 1930-х гг. трудами В. И. Малышева и продолженная в послевоенные годы им и его сотрудниками по Сектору Древнерусской литературы Пушкинского Дома, она была в 60-х годах деятельно поддержана библиотекарями Государственной Публичной библиотеки, Библиотеки Академии наук и Ленинградского университета, а затем библиотеками Московского и Уральского университетов, Библиотекой им. Ленина, Сибирским научным центром Академии наук. Очень скоро археографы включили в круг своих собирательских и научных интересов не только рукописи и старопечатные книги, но и старообрядческую книжность от времени ее возникновения до начала XX века, и вскоре книжные собрания Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Перми, Екатеринбурга пополнились многочисленными, часто неизвестными библиографам, плохо изученными образцами старообрядческого книгопечатания. И если более 20 лет назад автор этих строк вынужден был отметить, что издания эти еще не стали предметом об-

стоятельных книговедческих исследований' и подчеркивал, что 'тем более важно собрать необходимый для таких исследований материал',¹ то в последующие годы положение существенно изменилось. Причиной к этому послужили не только раздававшиеся в научных публикациях и на конференциях археографов призывы, но прежде всего насущная необходимость разобратся в постепенно накапливавшемся в книгохранилищах, но плохо изученном, а подчас и неверно из-за этого описанном материале. Все это побудило собирателей и исследователей начать изучение и научное библиографическое описание старообрядческой книжности. Особое место заняли первые публикации Ю. А. Лабынцева и подготовленный им каталог изданий Супрасльской типографии.² Последовавшие за ними работы А. Д. Паскаля и И. В. Починской³ значительно продвинули вперед изучение старообрядческих изданий.

Однако, решающее значение для исследования деятельности старообрядческих типографий и старообрядческой книжной культуры в целом имеют недавно опубликованные капитальные труды Андрея Владимировича Вознесенского, сотрудника Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета, прежде всего два подготовленных им каталога, которым и посвящен настоящий обзор.

Составленный А. В. Вознесенским и опубликованный издательством Ленинградского университета в 1991 г. каталог 'Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII—начала XIX века'⁴ отличается от всех предшествующих изданий подобного рода не только предметом научного описания, но прежде всего новым подходом к задаче библиографирования старопечатных изданий вообще. Следуя за образцовыми трудами А. С. Зерновой, Т. Н. Каменевой, Т. А. Быковой, соста-

¹ Горфункель А. Х. Находки старопечатных книг. — Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Ленинград, 'Наука', 1972, с. 394.

² Лабынцев Ю. А. Кирилловские издания Супрасльской типографии. Москва, 1978; Лабынцев Ю. А. Памятники древнерусской письменности в изданиях старообрядческих типографий XVIII—XX вв. — Книга: Исследования и материалы. вып. 39. Москва, 1979. с. 173—178; Лабынцев, Ю. А. Памятники древнерусской книжности и литературы в старообрядческих изданиях Супрасльской типографии (XVIII в.). — Труды Отдела древнерусской литературы. Ленинград, 1981. т. 36, с. 209—215.

³ Паскаль А. Д. Распространение старообрядческих изданий в конце XVIII—начале XIX в. (На примере Клиновской типографии). — Книга в России до середины XIX века. 3-я всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. Ленинград, 1985, с. 42—43. Починская И. В. Могилевские старообрядческие издания XVIII в. в собрании старопечатных книг и рукописей Научной библиотеки Уральского государственного университета. — Культура и быт дореволюционного Урала. Сборник научных трудов. Свердловск, 1989, с. 81—92. Она же. Старообрядческое книгопечатание XVIII—первой четверти XIX в. Автореферат кандидатской диссертации. Свердловск, 1991.

⁴ Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII—начала XIX века. Каталог. Составитель А. В. Вознесенский. Ленинград: издательство Ленинградского университета, 1991. 160 с., илл.

витель ставит своей задачей не только точное и подробное формальное библиографическое описание издания (с учетом формата, листовой формулы, пагинации, количества строк, размеров шрифта, орнамента, характера и датировки бумаги), не только старается учесть особенности всех известных ему (в пределах книгохранилищ Санкт-Петербурга) экземпляров, включая дефектные, но и раскрывает полный состав каждого издания с точным указанием расположения всех составляющих его частей, в том числе и для таких, казалось бы, однотипных, а в действительности, как выяснилось, весьма отличающихся друг от друга изданий, как перепечатки богослужебных книг. В такой мере этого в описании кириллических изданий не делал еще никто, хотя на необходимость перехода от внешнего формального описания к раскрытию содержания книг обращал внимание наш британский коллега проф. Джон Симмонс (в частном письме автору этих строк и в рецензии на Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII веков Научной библиотеки Ленинградского университета в 1971 г.).⁵

Подобное раскрытие состава книг не менее, чем листовая формула, учет расположения орнаментов и другие формальные элементы, необходимо и в прикладных целях — для различения сходных, но не тождественных изданий разных типографий и изданий разных лет одной и той же типографии, что особенно важно для описания дефектных экземпляров и фрагментов, экземпляров с отсутствующими или ложными выходными данными. Потребовавшая огромного труда тщательная работа А. В. Вознесенского позволила отождествить и индивидуализировать сходные, но различные издания и дать в руки хранителей бесценный инструментарий для работы с их собраниями старообрядческих книг.

Но, разумеется, научное значение полного описания состава книг решением задач прикладного характера не исчерпывается. Оно позволяет — впервые в научной литературе — представить содержание старообрядческой печатной книжности, связь изданий старообрядческих типографий с предшествующей (прежде всего московской дониконовской, но также и с украинской) и современной им традицией, проследить формирование и изменение типов и характера изданий, полнее выявить их источники, изучить характер работы издателей с текстами, формирование старообрядческих печатных сборников, эволюцию как богослужебных книг, так и изданий литературных, исторических, полемических сочинений.

Результатом этой скрупулезной работы явилось воссоздание истории и репертуара типографий Ф. Карташева в Клинцах в конце XVIII в., Ф. и А. Карташевых в Клинцах в первые десятилетия XIX в., униатского Тро-

⁵ Simmons, J. S. G., review of: Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII вв. Составитель А. Х. Горфункель. Ленинград, 1970. — *The Book Collector*, 1971 (Summer), vol. 20, no. 2, pp. 257–258.

ицкого монастыря в Вильно, П. И. Селезнева в Махновке и К. Колычева в Янове. Все предыдущие сведения об этих типографиях были неполны, часто ошибочны, а принадлежащие им издания не были выявлены с достаточной полнотой, их связи и взаимодействия не были прослежены, тем более, что речь идет в значительной мере о тайных типографиях, действовавших в условиях правительственных преследований и запретов. Их история подробно изложена в предпосланном каталогу предисловии и в отдельно опубликованной статье.⁶

А. В. Вознесенскому удалось выявить и описать 208 изданий старообрядческих типографий конца XVIII—начала XIX в.; кроме того, им учтено 5 изданий начала XIX в., принадлежность которых к какой-либо из известных типографий пока установить не удалось, в добавлении описано еще 156 изданий других старообрядческих типографий. Наконец, в приложении перечислены еще 93 издания этого периода, известные по библиографии.

Завершают каталог Алфавитный указатель описанных в нем старообрядческих изданий и Указатель орнаментики, 159 воспроизведений которой помещены на вклейке; этот материал окажет неоценимую помощь в работе с новонайденными изданиями и экземплярами.

Описанные А. В. Вознесенским *de visu* 369 изданий (не считая 93-х известных пока только по библиографии) не представляют всю старообрядческую книгу эпохи. Составителем обследованы три главнейшие книгохранилища Санкт-Петербурга — Публичная библиотека (ныне Российская Национальная библиотека), Библиотека Академии наук, библиотека Санкт-Петербургского университета — в которых сосредоточено, по его предположению, 'приблизительно 2/3 от общего количества изданий, выпущенных старообрядческими типографиями в указанный период' (стр. 5).

Более полное представление о старообрядческой старопечатной книге (правда, в пределах только первого столетия ее существования) дает составленный А. В. Вознесенским и изданный в 1994 г. 'Предварительный список старообрядческих кириллических изданий XVIII века'.⁷

В отличие от Каталога сведения здесь приводятся более краткие: 'условное заглавие, формат, количество листов и порядок фолиации . . . , источник издания . . . , а также некоторые особенности издания: необычная система сигнатур . . . , год, с которого начинается пасхалия, наличие

⁶ Вознесенский А. В. Издания тайных старообрядческих типографий конца XVIII—первых десятилетий XIX в. в фондах ГПБ. — Коллекции. Книги. Автографы. Сборник научных трудов. Ленинград, 1989, вып. 1, с. 16–30.

⁷ Предварительный список старообрядческих кириллических изданий XVIII века. Составитель А. В. Вознесенский. Санкт-Петербург: издательство 'Хронограф', 1994. 78 с. Материалы к библиографии истории и культуры русского старообрядчества. Под общей редакцией А. А. Амосова и И. В. Поздеевой.

вариантов' (стр. 5). Однако даже этот краткий перечень содержит сведения, обычно в библиографических изданиях такого рода не приводившиеся. Особенно же большой интерес представляют примечания, которыми снабжены почти все описания Предварительного списка: 'В них приводятся некоторые наблюдения, касающиеся истории отдельных книг и их типов, перепечатки изданий, их датировки, особенностей издательских программ и традиций, характерных черт деятельности типографий' (стр. 6).

Примечания выводят 'Предварительный список' далеко за рамки обычного библиографического описания. В результате чтение этого небольшого каталога (263 издания, описанные на 59 страницах) превращается в занятие чрезвычайно увлекательное. Набранные мелким шрифтом примечания содержат результат обстоятельного научного исследования старообрядческого книгоиздания.

Прослеженная составителем в примечаниях история отдельных изданий и их типов показала, что даже издание богослужебных книг не являлось механической перепечаткой дониконовских текстов: состав Псалтирей и Часовников варьировался от издания к изданию, от типографии к типографии. Особенно интересна судьба издания четых, теологических, полемических и исторических книг, в том числе знаменитого 'Катехизиса' Лаврентия Зизания, изданного в Москве в 1627 г. (кстати, эту дату, вычисляемую новейшими исследователями по косвенным данным, старообрядческие типографы приводят в своих перепечатках) и тогда же запрещенного и уничтоженного. Немало среди старообрядческих изданий и первых изданий, не имеющих предшественников в книгоиздательской практике предшествующего периода: так, ими впервые был напечатан 'Толковый Апостол' (в Почаеве, не ранее 1787 г.), 'Пандекты' и 'Тактикон' Никона Черногорца (Почаев, 1794—1795). Но особенно важны для изучения культуры русского старообрядчества издания литературных и полемических сборников, таких, как 'Альфа и Омега', 'Цветник' (истории его формирования в старообрядческих типографиях посвящена специальная статья А. В. Вознесенского, в которой он приходит к выводу, что 'старообрядческие типографы в ряде случаев являлись такими же творцами книги, как и составители сборников в рукописной традиции, и что книги, появившиеся благодаря типографской деятельности старообрядцев, заслуживают не меньшего, чем их рукописное наследие, внимания исследователей').⁸ Это соображение может быть в полной мере отнесено к изданиям таких книг, как 'Страсти Христовы' и 'История об отцах и страдальцах соловецких', восходящим к разным рукописным

⁸ Вознесенский А. В. Древнерусская книжность и типографская деятельность старообрядцев в конце XVIII—начале XIX в. — Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. Языкознание. Литературоведение. Выпуск 1. Санкт-Петербург, 1992. с. 86.

традициям. В сущности, каждое из таких изданий являет собой 'Editio princeps', и подобно инкунабулам для воссоздания текстов античных и средневековых авторов, должно привлекаться в текстологических исследованиях наравне с рукописями.

Предварительный список, как и Каталог, снабжен указателями: здесь это Указатель типографий и их изданий и Алфавитный указатель старообрядческих изданий XVIII века. На наш взгляд, недостает еще одного указателя: необходимо было бы дать указатель тех московских изданий XVII в., с которых делались старообрядческие перепечатки или на которые ссылались типографы. В ряде случаев там упоминаются издания, до нас не дошедшие; кроме того, это позволило бы выявить фонд старопечатных книг, имевшихся в распоряжении типографов.

Новый подход к содержательному описанию старообрядческих изданий и выявление издательской программы типографов свидетельствует об успешном преодолении формального библиографического описания, оставлявшего вне сферы своего внимания содержание книг. Еще 10 лет назад на книговедческих конференциях возникали споры о правомерности интереса книговедов к содержанию описываемых ими книг, которое предлагалось передать в ведение историков литературы. Должно быть, не случайно, в огромной отечественной литературе об Иване Федорове долгое время не было ни одной работы, посвященной его издательской программе. Библиографические описания в Каталоге и Предварительном списке А. В. Вознесенского свидетельствуют об укреплении позиций школы историко-культурного книговедения, представленной прежде всего именами В. С. Люблинского и Н. П. Киселева.

Рассмотренные нами книги представляют две первые части задуманной А. В. Вознесенским трилогии, посвященной кириллическому старообрядческому книгопечатанию. Завершающей третьей частью будет исследование, легшее в основу библиографических описаний и вместе с тем являющееся их результатом, — исследование, посвященное старообрядческой печатной книге и ее историко-культурному значению. Ученое сообщество будет с нетерпением и интересом ждать выхода в свет монографии А. В. Вознесенского.

ALEKSANDR GORFUNKEL'

Boston, Mass.

Душица Грбић, Ксенија Минчић-Обрадовић, Катица Шкорић. Тирилицом штампане књиге 15—17. века Библиотеке Матице српске. Нови Сад, 1994. 238 с.

Слависты и книговеды и, среди них, известный знаток славянской книги Джон С. Г. Симмонс давно уже ставили вопрос о необходимости создания Сводного каталога старопечатных книг кирилловского шрифта. Реальный путь к этому — составление каталогов крупнейших библиотек, сохраняющие большие фонды старославянской книжности. Пока таких каталогов немного. Книгохранилища, старопечатные фонды которых пользуются всемирной известностью, до сих пор не описали свои сокровища. Таковы, например, Российская государственная библиотека и Государственный исторический музей в Москве, Музей сербской православной церкви в Белграде. Среди немногих библиотек, имеющих печатные каталоги кирилловской старопечатной книжности, — Российская национальная библиотека в Петербурге, Хорватский исторический музей в Загребе, Архив Сербской Академии наук и искусств в Белграде, монастырь Хиландар на Святой Афонской горе, Народная библиотека имени Кирилла и Мефодия в Софии, Псковский музей-заповедник и некоторые другие. К их числу прибавилась в 1994 г. одна из старейших в Югославии Библиотека Матицы сербской в городе Нови Сад, основанная в 1826 году. Кирилловский фонд библиотеки формировался на протяжении многих десятилетий. Значительную роль в его создании сыграло приобретение личных собраний таких ученых и библиофилов как Адам Драгосавльевич, Александр Сандич, Георгий Михайлович. Особенно активно комплектование фонда проводилось в последние десятилетия.

В настоящее время в Библиотеке Матицы сербской находится 50 кирилловских изданий XV—XVII вв., представленных в 163 экземплярах. Заметим, что это не самое большое в Сербии собрание южнославянских печатных книг, как это утверждается в предисловии к рецензируемому каталогу. Значительно больше коллекция белградского Музея Сербской православной церкви. Здесь в одном лишь собрании Радослава М. Груича, переданном музею, 339 книг кирилловского шрифта XV—XVIII вв. Но в Библиотеке Матицы сербской значительно больше кирилловской печатной книжности, чем например в таких белградских собраниях, как Народная библиотека Сербии, Университетская библиотека имени Светозара Марковича или Архив Сербской Академии наук и искусств.

Активная обработка фондов рукописной и старопечатной книжности началась в Библиотеке Матицы сербской с приходом в нее нового директора Миро Вуксановича. В первую очередь было предпринято издание многотомного каталога 'Рукописные книги Библиотеки Матицы сербской'. В этой серии, начиная с 1988 г., выпущены 4 тома, первый из

которых посвящен рукописным Евангелиям, второй и третий — Псалтырям, четвертый — Апостолам. Рецензируемое нами издание является первым томом серии 'Каталог старых и редких книг Библиотеки Матицы сербской'.

Надо сказать, что у автора вышедшего в 1994 г. каталога были предшественники, которые провели первичную идентификацию кирилловских печатных книг и упорядочили их собрание. Их имена — Димитрий Кириллович и Лазар Чурчич — названы в предисловии к каталогу.

Каждое описание каталога складывается из описания издания и описания хранящихся в библиотеке экземпляров этого издания. Описание издания предельно лаконично. Сообщается его название, место издания, имена издателя и типографов, дата выхода книги в свет, формат (в долях листа) общее количество листов, наличие иллюстраций, заставок и инициалов. Далее приведен отрывок из предисловия или послесловия книги, в котором содержатся основные выходные сведения. Отрывок этот дан не в оригинальном славянском тексте, а в переводе на современный сербский язык, что, на наш взгляд, делать не следовало. Очень жалко, что составители каталога не нашли места для воспроизведения полного оригинального текста предисловий и послесловий. Если бы это было сделано, научная значимость каталога возросла бы во много раз.

Завершают описание издания сокращенные отсылки к библиографическим и литературным источникам.

Описание экземпляра содержит его библиотечный шифр, сведения о комплектности (указывается общее количество листов в данном экземпляре, а также порядковые номера отсутствующих по сравнению с полным экземпляром листов в каждой тетради и во всем книжном блоке), об абсолютных размерах экземпляра (в мм), о наличии заставок, об особенностях экземпляра, о его переплете. Приводятся полные тексты владельческих записей на страницах книг. Рассказывается, наконец, об истории экземпляра, об условиях, при которых он поступил в Библиотеку Матицы сербской.

В наибольшем количестве экземпляров описаны венецианские издания — Праздничная Минея 1538 г., вышедшая из типографии Божидача Вуковича (19 экземпляров) и Служебник 1554 г., напечатанный Виченцо Вуковичем (18 экземпляров). Многие книги имеются в библиотеке лишь в одном экземпляре и, среди них, первое печатное южнославянское кирилловское издание — Октоих первогласник, напечатанный в Цетинье в 1494 г. К 500-летию этой книги, которое широко и торжественно отмечалось в Югославии несмотря на войну и сложные экономические условия, и был приурочен выпуск рецензируемого каталога.

Среди описанных в каталоге изданий есть одно, которое в библиографии неизвестно. Это Псалтырь, выходные данные которой не сохра-

нились. Исходя из водяных знаков бумаги, составители датируют ее времени около 1550 г. Шрифт, которым набрано издание, ни ранее ни позднее ни в одной книге не встречается. Фрагмент анонимой Псалтыри, насчитывающий 40 листов, был приобретен в Белграде в антикварном магазине в начале 1975 г.

Самостоятельное научное значение имеют сведения о выявленных составителями каталога типографских вариантах венецианского Служебника 1519 г., венецианского Октоиха пятигласника 1537 г., венецианской Праздничной Минеи 1538 г. и некоторых других изданий.

В Библиотеке Матицы сербской хранится превосходный, с большими полями экземпляр 'Сборника для путешествующих', напечатанного в Венеции в 1566 г. Яковом из Каменной Руки. Это — единственный полный экземпляр из 15 известных в настоящее время экземпляров этого издания, хранящихся в 11 городах 8 стран мира. Поэтому его описание, данное в каталоге, приобретает нормативный характер.

Восточнославянских кирилловских изданий в Библиотеке Матицы сербской немного. Среди них Учительное Евангелие, напечатанное в 1569 г. в Заблудове московскими первопечатниками Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем. Книга эта не редкая, она известна ныне более чем в 50 экземплярах. Но лишь один из них находится в Югославии. Более подробно книга описана в статье Душицы Грбич, опубликованной в последнем томе 'Ежегодника Библиотеки Матицы сербской' (Душица Грбић. Три реткости из збирке штампаних ћириличких књига до краја 17. века Библиотеке Матице српске. — Годишњак Библиотеке Матице српске. 1993. Нови Сад, 1994. С. 119—125).

В целом же в рецензируемом каталоге представлены кирилловские издания, выпущенные в Цетинье, Венеции, Горажде, монастырях Грачаница, Милешева, Мркшина црква, в Белграде, Скадаре, Заблудове, Брашове, Себеше, Остроге, Вильне, Риме, Долгом Поле, Львовe, Тырговиште, Москве, Киеве, Уневе и Трнаве.

Каталог снабжен превосходным и тщательно составленным научным аппаратом, включающим указатели названий книг, мест издания и типографий, имен авторов, издателей, типографов и лиц, упомянутых в описаниях изданий, и отдельно имен, названных в записях на страницах книг. Имеются также указатели географических наименований, предметный и хронологический. Есть также указатель библиотечных шифров с отсылками к порядковым номерам описаний в каталогах. Научный аппарат значительно облегчит работу с каталогом.

Полиграфическое исполнение каталога выше всяких похвал. Он богато иллюстрирован. Некоторые элементы художественного убранства старопечатных книг, воспроизведенные здесь, вообще впервые репродуцируются.

К числу недостатков каталога отнесем сравнительно узкий круг библиографических отсылок. Отсылки даны лишь на 11 широко известных историко-книжных трудов и библиографических пособий. Нет отсылок, например, на такие известные публикации, как 'Каталог книг на языках южнославянских народов (1519—1867)', выпущенный Народной библиотекой Сербии в 1973 г., и на составленный Деяном Медаковичем каталог 'Старые печатные книги монастыря Хиландар' (Белград, 1978).

Так или иначе, но каталог кирилловских печатных книг из Библиотеки Матицы сербской — примечательное событие в богатой и долголетней истории славяно-русской библиографии. Труд составителей этого каталога заслуживает всяческого одобрения.

E. L. NEMIROVSKII

*Russian State Library,
Moscow*

М. Нікалаеў. Палата кнігапісная. Рукапісная кніга на Беларусі ў X—XVIII стагоддзях. Мінск: «Мастацкая літаратура», 1993 г.*

Традиционно существует различие между научной и популярной книгой — научная книга недоступна неспециалистам, популярная — неинтересна специалистам. Встречаются, однако, книги, обладающие редкой способностью быть нужными и полезными всем. К таким книгам относится 'Палата кнігапісная'. Н. В. Николаев написал книгу, в которой нуждается сегодня каждый читатель Беларуси, но которая много нового открывает и специалистам, занимающимся славянскими рукописными и старопечатными изданиями.¹

Сегодня Беларусь вступила в новый период надежд на национальное возрождение, и воплотить эти надежды в жизнь можно, только обратившись к истокам, восстановив в памяти и сознании народа культуру прошлого и его исторические традиции. Многие послереволюционные

* Автор выражает благодарность Эдварду Касинцу, руководителю славянского и балтийского отделения Нью-Йоркской Публичной библиотеки, за помощь в подготовке этой статьи.

¹ Н. В. Николаев (р. 1955) — хранитель архивных фондов Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург), член Ученого Совета Российской Национальной библиотеки, член Комитета Международной Ассоциации Белоруссисстов, автор работ по истории книги на территории современной Беларуси и Литвы: Несвижская библиотека князей Радзивиллов. — Книга в России XVIII—середины XIX вв. Ленинград, 1989, сс. 140—147; Аблічча сярэдневяковай бібліятэкі: кнігазборы Сапегаў. — Мастацтва Беларусі 7 (1985), сс. 64—67; Рукапісная кніга на Беларусі ў часы Скарыны. — Спадчына Скарыны: Зборнік матэрыялаў. Мінск, 1989, сс. 50—55.

десятилетия любое проявление пристального внимания белорусских ученых к национальным корням клеймилось как свидетельство национализма. Поэтому все эти годы почти не было сколько-нибудь значительных работ и по старобелорусской книге. Большинство наших знаний основано на исследованиях Е. Ф. Карского (1860—1931) и В. Ю. Ластовского (1883—1938). Конечно, в дореволюционной России было немало крупных библиографов, изучавших наряду с древнерусскими, украинскими и древнебелорусские памятники письменности. Среди них можно назвать М. П. Погодина (1800—1975), П. В. Владимирова (1854—1902), А. И. Соболевского (1856—1929), Ф. М. Добрянского (1850—после 1914).²

Е. Ф. Карский, основатель белорусского языкознания и литературоведения, этнограф, палеограф, фольклорист, смог обобщить сделанное его предшественниками и на огромном фактическом материале создать первое фундаментальное исследование по истории древнебелорусской письменности. В своем многотомном труде 'Белорусы',³ где рассмотрена история языка и литературы белорусского народа, учтена вся известная на то время древняя белорусская письменность, рукописная и печатная. Восьмая глава первого тома 'Белорусов' посвящена описанию рукописных и печатных книг на старобелорусском языке и содержит обзор работ по древним белорусским памятникам письменности. В этой главе раскрывается содержание каждого памятника, дается его языковой анализ, приводятся многочисленные выписки из текстов. При рассмотрении переводов церковных книг со старославянского языка на белорусский Е. Ф. Карский решал вопрос об авторах переводов, выяснял палеографические особенности рукописей. Е. Ф. Карским была сделана первая попытка обосновать принципы отбора белорусских памятников письменности XIV—XVIII веков для ретроспективных указателей: кроме языка памятников, учитывались место издания, авторская принадлежность, а иногда и историческая судьба и значение некоторых раритетов.

На рубеже XIX—XX веков продолжались монографические исследования известных и новооткрытых памятников рукописной книги. Это работы Д. И. Довгялло (1868—1942), Н. Я. Никифоровского (1845—1910),

² М. П. Погодин. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки, сост. А. Ф. Бычковым, Ч. 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1882; П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина: его переводы, печатные издания и язык. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1888; А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — Сборник отделения русского языка и словесности Академии Наук, том 88, № 3. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1910; Ф. Н. Добрянский. Описание рукописей Виленской Публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1882.

³ Е. Ф. Карский. Белорусы. Тт. 1, 2, 3. Петроград. Тип. Российской Гос. Акад., 1903—1922.

А. К. Снитко (1866—1920).⁴

Дальнейшее обобщение накопленного материала по истории белорусской книги было сделано В. Ю. Ластовским, белорусским филологом, библиографом, писателем, в работе ‘Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі’,⁵ где он проанализировал и расписал более 900 памятников X—XIX веков, включающих рукописные и печатные книги и актовые материалы. Н. В. Николаев отмечает: ‘Монография В. Ластовского стала настольной книгой белорусской интеллигенции, помогла строить национальную культуру.’⁶ Белорусский художник Язэп Дроздович назвал труд Ластовского ‘Библией — книгой книг белорусских’.⁷

Более семи десятилетий прошло между выходом книги В. Ю. Ластовского и появлением книги Н. В. Николаева. Эти годы не обогатили ‘палату книгописную’ новыми открытиями. Изучались только некоторые, ранее известные памятники. Появилось несколько значительных монографических исследований, например, работы В. Н. Перетца (1870—1935), А. К. Антоновича (1910—1980), Н. Н. Улащика (1906—1986), С. Лазутки и Э. Гудавичуса, Г. Галенченко, А.-В. Ф. Василяускене.⁸ Но не были написаны новые обобщающие труды, а знание древнего книжного богатства стало достоянием узкого круга профессионалов. Возникла острая потребность в исследованиях, которые бы проанализировали сделанное в эти годы, на уровне сегодняшних знаний и требований оценили бы созданное предшественниками, и в книгах, которые бы грамотно, доходчиво и интересно рассказали широкому читателю о книжных богатствах белорусского народа.

Книга Н. В. Николаева решает обе задачи. Автор поставил целью

⁴ Д. И. Довгялло, Н. Я. Никифоровский. Описания предметов древности, поступивших в Витебское епархиальное церковно-археологическое древлехранилище по ноябрь 1897 г., вып. 1. Витебск, 1899; А. К. Снитко. Описание рукописей и старопечатных книг Минского Церковного Историко-Археологического Музея. — Минская старина, вып. 2. Минск, 1911.

⁵ В. Ластоўскі. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі: спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя. Коўна, 1926.

⁶ М. Нікалаеў. Палата кнігапісная: Рукапісная кніга на Беларусі ў X—XVIII стагоддзях. Мінск, 1993. С. 46.

⁷ Я. Драздовіч, ‘Старонкі дзённіка, 1933 г.’, *Мастацтва Беларусі* 12 (1988), с. 27.

⁸ В. Н. Перетц. Рукописи библиотеки Московского университета, самарских библиотек и музея и минских собраний. Ленинград: Изд. Академии Наук СССР, 1934; А. К. Антонович. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968; Н. Н. Улащик. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. Москва, 1985; С. Лазутка, Э. Гудавичус. Первый Литовский Статут: палеографический и текстологический анализ списков, ч. 1—2. Вильнюс, 1983; Г. Галенчанка. Спісы Статутаў Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566 и 1588: статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Мінск, 1989; Г. Я. Галенченко. Библиографический список белорусских старопечатных изданий XVI—XVIII вв. Минск, 1961; А.-В. Ф. Василяускене. Списки Второго Литовского Статута на старобелорусском языке (палеография, хронология, дипломатика). Вильнюс, 1990.

собрать разбросанное по разным библиотекам и хранилищам наследие белорусской книжной культуры, представить современному читателю огромное и почти не известное собрание белорусской рукописной книги X—XVIII веков. Он знакомит читателей с содержанием, оформлением, производством рукописных книг, а также с функциями и условиями их существования на территории Беларуси, называет наиболее известные церковные и монастырские библиотеки, частные книжные коллекции дворянства и духовенства.

Исследование строится не только на уже известном материале. В научный оборот вводятся новые названия. Среди найденных автором Евангелия Нафаниила, Лемешевичское и Голениши, Давыдковский ирмолой (ирмологий) — собрание церковных гимнов, рукописная книга XIV в. с текстом 'Повести о Варлааме и Иоасафе', сборник энциклопедического содержания и Лешенское евангелие, книги-архивы Жировичского, Лавришского и Борунского монастырей, книги визитаций базильян Льва Кишки, алфавитный Помянник и другие.

Книжные рукописи появились в Беларуси вместе с христианством — в конце X века. Свое исследование автор начинает с представления самых старых из сохранившихся рукописей, среди которых Туровское евангелие (XI в.), Полоцкое евангелие (XII в.), Оршанское евангелие (XII—XIII вв.), рассказывает о создателях и хранителях первых рукописных книг — Кирилле Туровском и Ефросинье Полоцкой.

Целая глава посвящена исследователям белорусской письменности — А. Ю. Сосновскому, М. К. Бобровскому, И. И. Григоровичу, Ф. М. Добрянскому. Началом изучения белорусских кириллических книг Н. В. Николаев называет 15 июня 1603 года, когда по просьбе митрополита Ипатия Патея магистрат города Вильни засвидетельствовал древность старинного фолианта, который содержал описание Флорентийского собора и грамоту митрополита киевского Мисаила к папе Сиксту IV, датированную 14 марта 1476 года.

В книге много места уделено репертуару рукописей, который включает как богослужебные книги, так и разные виды книг для чтения (четьи), книги юридические, описи, различные инвентари. Отдельные главы посвящены помянникам (синодикам), агиографическим сборникам, а также сборникам смешанного содержания (книги-архивы). Автор отмечает особенности развития репертуара во времени. Так, с началом книгопечатания рукописная книга не исчезла, но стала более элитарной. Писцы продолжали свою деятельность, поставляя книги лишь на заказ, — создавали уникальные манускрипты либо переписывали особенно редкие рукописи.

Исторически Беларусь была местом смешения разных культурных традиций. 'Полиэтничность и поликонфессионность населения белорусских земель в XIV—XVIII стст. обусловили использование для книгописания

не только разных языков, но и разных алфавитов, причем для белорусского литературного языка, который был тогда в стадии становления, использовались три алфавита — кириллический, латинский и арабский.⁹ Соотношение языков и алфавитов показано в таблице. Автор представляет рукописные книги XVII и XVIII веков, написанные по-белорусски арабской графикой. Китабы (аль=китабы) создавались с XVI ст. татарами, которые поселялись на Беларуси в XIV—XVI стст.

С XIV в. на белорусских землях зафиксировано производство еврейских книг. Переписанные 'квадратным' каллиграфическим почерком Торы — главные богослужебные книги, — как правило, не имели украшений — орнаментов или рисунков, миниатюр. Материалом для Тор=свитков служил хорошо выделанный пергамент. Переписывание еврейских книг практиковалось до XIX ст., и сегодня довольно часто находят их фрагменты. Малая изученность этого книгопроизводства не позволяет назвать все основные центры, однако можно отметить Брест, поскольку именно там находилась резиденция главного рабина Великого Княжества Литовского, Мир, Воложин, где были духовные школы-ешиботы.

Особое внимание уделяет автор ирмологиям — памятникам и культовой, и светской музыки. Приводится их подробное описание, местонахождение.

Практически характеристика каждой книги сопровождается датировкой, паспортизацией — тем, что составляет книжный 'конвой'.

Автор описывает разные виды переплетов, металлических обложек, их искусные украшения, характеризует главные стили убранства рукописных книг. Богатый иллюстративный материал 'Палаты кнігапіснай' свидетельствует о высоком уровне художественного исполнения древней книги. Здесь широко представлены образцы миниатюр, рисунков, заставок, инициалов, композиций первых страниц. Отдельно рассматриваются книги на пергаменте и книги на бумаге. В этой же главе приводится таблица мастерских по производству бумаги на территории Великого Княжества Литовского в XVI—XVIII вв.

Чтобы выяснить роль книги как инструмента расширения культуры, необходимо понять, какие срезы общества она охватывала. Отвечая на этот вопрос, автор анализирует условия, связанные с собиранием, хранением, употреблением, способами распространения книги, дает описание книгохранилищ, библиотек при церквах, Лешчинском, Жировичском и Супрасльском монастырях, частных коллекций Сапеги и Радзивиллов, отмечает книжные связи Белоруссии, Украины, России.

⁹ М. Нікалаеў. Палата кнігапісная: Рукапісная кніга на Беларусі ў X–XVIII стагоддзях. Мінск, 1993. С. 57.

Картину создания и бытования старобелорусской книжности обогащают материалы, собранные в 'Приложении'. Это перечень белорусских книгописцев XII—XVIII стст. с указанием их чина (сана), места рождения, названий созданных ими рукописей и времени их создания, шифра и места хранения. Это именной и географический указатели. Это краткий терминологический словарь.

Книга прекрасно документирована. Читатель имеет возможность ознакомиться с обширной литературной вопроса. Радует язык книги — точный и образный.

Н. В. Николаев убедительно доказал, что изучать средневековую книжность как феномен белорусской культуры представляется наиболее успешным, рассматривая ее как систему, которая складывается из репертуара, способа производства и места создания книги, ее языка, стилей и образности художественного оформления, а также религиозной принадлежности создателей и читателей.

LEONID IUR'EVICH

*Slavonic and Baltic Division,
New York Public Library*

A. V. Blium, *Za kulisami 'Ministerstva pravdy'. Tainaia istoriia sovetskoi tsenzury, 1917–1929*. Sankt-Peterburg, Akademicheskii proekt, 1994. 320 pp. Notes. No price indicated.

It can hardly be doubted that the Soviet regime could not have existed without a harsh system of censorship, and Blium is quite correct to point out (p. 47) that the virtual destruction of the free press by the Bolsheviks in the first few months after they came to power was one of the most important causes of the Russian Civil War. For obvious reasons we do not yet have a detailed history of the entire period of Soviet censorship, but the volume under review can be praised and recommended as the first serious achievement on the way to a comprehensive account of an extraordinary phenomenon.

The author divides the tragic history of his subject into five periods (p. 16): October 1917 to June 1922 (when Glavlit was established); 1922 to 1929; 1930 to 1953; 1954 to 1964; and 1965 to 1985. In 1985 the Soviet system in general and the Soviet system of censorship in particular began to break down together. Preventive (or preliminary) censorship was formally abolished by the Law on the Press in August 1990, and the Soviet Union collapsed the following year. Blium's book takes the story up to 1929, despite the fact that Glavlit's own archival fund for 1922 up to 1937 has been lost ('*uterian*', pp. 17–18). Working away quietly and modestly for decades (one hopes there are many other people like him), he has used numerous other archives in Leningrad/St Petersburg

and Moscow, notably the personal archive of the extremely odious and narrow-minded first head of Glavlit, P. I. Lebedev-Polianskii. There is a good chapter (pp. 117–122) on his relations with A. V. Lunacharskii, and scattered around the book (there is unfortunately no index) are some wonderful examples of his obtuse fundamentalism. For instance, on p. 243 he is quoted as telling lower-ranking censors that whereas their Tsarist predecessors merely had to read between the lines, in ‘communist times’ it was necessary to learn how to read between the letters. ‘He who hasn’t got a flair for hunting (*‘okhotnich’e chut’e’*) will have to try to develop one.’

Other people’s reputations also come into question in this volume—there is a wonderful attack on Briusov on pp. 65–72, for example. And the reasons for banning certain works give us a good insight into a typical censor’s mentality. A volume of Marina Tsvetaeva’s prose, for instance, was vetoed in 1923 because it was ‘devoid of all meaning. A sea of words about some mysterious things and moods or other. Disconnected aphorisms, notes, insane babbling . . . impossible to print such rubbish’ (p. 63). And the situation was gradually but inexorably getting worse—whereas in 1929 only about 900 songs were forbidden to be performed in public, the number was above 3000 in 1931 (p. 171).

The author covers Glavlit’s predecessors; its relations with the Communist Party, with the secret police and with Glavrepertkom, which censored the performing arts; and its attitude to private publishing houses, to journalists and to classical, contemporary children’s and emigré writers. Extracts from circulars and memorandums are published, and so are various hitherto unknown protests against censorship by writers and scholars. There is a little information about the first two (1925 and 1927) editions of the notorious *Perechen’* (List) of forbidden subjects (pp. 125–126), no copy of any edition of which, so far as is known, is in the public domain either in Russia or in the West. Regrettably Blium is very vague (pp. 125, 145) about the number of people on Glavlit’s staff. There is also a sprinkling of minor mistakes (e.g. ‘Aksent’ev’ for Avksent’ev and ‘S. A. Frank’ for S. L. Frank on p. 208). He deliberately writes little about the purging of libraries, because this aspect of censorship has received attention elsewhere. Readers of *Solanus* may wish to note that the 1924 ‘Catalogue of published materials to be banned from libraries, reading rooms and the book trade’ has been printed on pp. 253–277 of *Rossiiskii literaturovedcheskii zhurnal*, Moscow, no. 4, 1994. The story of Soviet censorship has been continued in ‘*Literaturnyi front*’. *Istoriia politicheskoi tsenzury 1932–1946 gg. Sbornik dokumentov*, sostavitel’ D. L. Babichenko, Moskva, Entsiklopediia rossiiskikh dereven’, 1994, 272 pp., name index, no price indicated; and in D. L. Babichenko, *Pisateli i tsenzory. Sovetskaia literatura 1940-kh godov pod politicheskim kontrolem TsK*, Moskva, Rossiia molodaia, 1994, 176 pp., bibliography, name index, no price indicated. But Blium too has perused censorship

documents of the 1930s and 1940s (see p. 222), and one hopes that he will be able to publish his own book on this period.

MARTIN DEWHIRST

University of Glasgow

Barbara Bieńkowska, *Losses of Polish Libraries during World War II*. Warsaw: Ministry of Culture and Art, Bureau of the Government Plenipotentiary for the Polish Cultural Heritage Abroad, 1994. (Polish cultural heritage; Series A: Losses of Polish culture.) 142 pp.

This English-language abridgement of a much larger three-part report, *Straty bibliotek w czasie II wojny światowej w granicach Polski z 1945 roku: wstępny raport o stanie wiedzy* (Cz. 1–3; Warszawa, 1994), makes available to a wider audience the large body of data gathered in the course of this project.

Work on establishing the extent of the destruction of libraries in occupied Poland began as early as 1941 when the Polish underground began to send reports to the Polish government-in-exile in London. Compiled by leading members of the profession such as Józef Grycz, head of the National Library during the occupation, the reports were of great significance at the time but tended to be based on incomplete data and cover only Warsaw. Further research carried out between 1945 and 1947 by various government ministries and principally the Department of Libraries of the Ministry of Education was also based on incomplete and sometimes inaccurate reports; a project begun in 1970 under the auspices of the Ministry of Culture and Art to compile a central register of war damages also failed to produce significant results.

The scope and value of the reports of 1945–7 was limited for both political and practical reasons: they referred to the destruction carried out by the Germans but not by the Soviet occupiers, and covered the territories within Poland's 1945 borders but excluded the territories granted in the West and the lands lost in the East; they were generally compiled in great haste without enough attention to detail and excluded whole categories of libraries such as church libraries.

This incomplete analysis formed the basis of scholarly documentation of Polish library losses for nearly half a century until in 1992 the Bureau of the Government Plenipotentiary for Polish Heritage Abroad initiated the current project. It consists of four strands: a review of published material on the subject, examination of surviving archival sources, questionnaires returned by libraries (both those of 1945–6 and new questionnaires circulated to 150 libraries which had been in existence before the war), and reports from regional coordinators instructed to furnish details of libraries which had completely disappeared during the war.

The first half of the abridged English-language version of the report begins with a section on German and Soviet policies towards libraries in the territories they occupied, which describes the organisational structure for the administration of Polish library collections, including their confiscation and destruction by burning or pulping. It is followed by sections on general library losses, the destruction of archival and printed book collections and finally a section on the destruction of buildings and furnishings. Surprisingly, no reference is made to the far-reaching effects of the large numbers of library personnel who perished or to the relevant literature. The second part consists of detailed statistical tables of library losses by county, by type of material and by type of library, including the losses of individual libraries, a calendar of major events in the destruction of libraries from 1939 to 1945, a detailed bibliography, indexes and maps.

In the interests of brevity, this abridged version dwells largely on a statistical representation of the losses which Polish libraries suffered during the war in order to emphasise the resulting loss of cultural continuity by the nation as a whole. It has perhaps not been made clear enough that the full three-part version of the report contains a wealth of practical information for researchers, including information about the fate of individual heritage items and named special collections, such as the Biblioteka Ordynacji Zamojskiej and the Biblioteka Ordynacji Krasniskich which were amongst the 1,200,000 items from the most valuable collections burnt by the Germans after the suppression of the Warsaw Uprising in 1944.

Thus, taken as a whole, the project represents a major achievement in the documentation of Polish cultural heritage which has been tragically lost for future generations.

JANET ZMROCZEK

The British Library

Russian Books in Print Plus. London: Bowker-Saur Ltd., 1994. One compact disk plus User's Guide. £995.00.

In March 1994 Bowker-Saur, in association with the Russian Book Chamber, the Russian Bibliographical Society and Dialogue-Vesta, issued the first version of the CD-ROM whose full title is 'Russian Books in Print Plus with Russian Books Out of Print'. This fuller title gives a fairer representation of what the database actually contains, as the phrase 'Russian Books in Print' is—as Bowker-Saur themselves admit—a misnomer and misleading: we all know that there is no such thing as a Russian book in print. The title was apparently chosen to bring the new product into line with existing and well-known Bowker-Saur titles. The clue to the true coverage of the database lies in the

name of the other institution involved, whose name appears on the presentation box but not in the User's Guide: Rossiiskaia Knizhnaia Palata.

The database in fact contains information input by the Knizhnaia Palata, the agency for legal deposit and national bibliography, and hence of material received by them; it does not catch material not deposited with them or for which they have no other bibliographical information. Given the vast changes in the Russian publishing scene since 1988 and the flowering of many new and unofficial publishers, one suspects therefore that the bibliography cannot by anywhere near comprehensive, though this is impossible to ascertain. It is nowhere made clear exactly how comprehensive it is intended to be; the User's Guide is purely a guide to operating the software and searching the database—and as such it is very clear—but it does not describe its contents. One deduces therefore, from using the database, that the title 'Russian Books in Print Plus with Russian Books Out of Print' in fact means: a listing of books in Russian and other languages of the former Soviet Union, published within the territory of the same between 1989 and the first quarter of 1994, and that it is as comprehensive as the information received by the Knizhnaia Palata. The database also includes limited information about some forthcoming books (395 titles to be published 1995–97). Forthcoming titles, i.e. titles that were forthcoming at the end of 1993, can be identified by a *Novye Knigi*-type advertising abstract, which stands in lieu of a proper catalogue entry. Most citations and full catalogue entries are in Russian; a statement in the body of the entry makes clear the actual language of the book.

As far as searching is concerned, the CD-ROM is not difficult to use once one has mastered the various search codes, search strings and combinations; search commands can be linked with the Boolean operators AND, OR, and NOT. The database can be searched under a wide range of search options, though all subject searching has to be done in Russian, i.e. all subject headings or keywords have to be entered in Russian. The user has the option of using a Cyrillic or Latin keyboard and hence of entering terms in Russian or in transliterated form; the fact that the CD-ROM interface is available in English and Cyrillic and that the search menus may appear in English does not mean the subject searching itself can be done in English. For users not familiar with Russian subject headings, browsing through the subject index does help to overcome this problem; otherwise one has to rely on guesswork and endless truncating of terms (e.g. *politi** in order to cover *politika*, *politicheskii*, *politicheskaia*, *politicheskoe*, etc.) so as not to miss vital material.

The CD-ROM is a very useful tool for doing literature searches of material published in the years 1989–1994, and as such may be recommended to academics working in any subject field. For librarians, the database is only really useful as a retrospective tool, i.e. to tell us what publications we have omitted to acquire. It cannot be used satisfactorily as a selection aid for the obvious

reason that we are still left with the problem of acquiring books which go out of print as soon as they are published.

URSULA PHILLIPS

*Library, School of Slavonic and East European Studies,
University of London*

Bibliographien zum Schrifttum aus und über Osteuropa: Katalog des Bibliographischen Lesesaales der Bibliothek des Osteuropa-Instituts Berlin, zusammengestellt von Peter Bruhn und Volkhard Thiede. Bibliographische Mitteilungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin, 27. München: Omnia Mikrofilmtechnik GmbH, 1992. XXXIV, 648 pp. DM 364.

The collection in the Bibliographic Reading Room at the East European Institute of the Berlin Free University is itself a work of lasting value. It did not grow through a haphazard historic process, but is the result of a planned and organized effort. The guiding force behind it was Peter Bruhn, an accomplished bibliographer, whose bibliographic publications, mainly in the *Bibliographische Mitteilungen*, were all ground-breaking ventures. Now Bruhn has decided to share his experience with the scholarly world by editing a reproduction of the subject catalogue of this bibliographic collection. The catalogue of about 15,000 entries contains bibliographies published in and about all former communist countries including the German Democratic Republic, and also includes Greece and Turkey. The countries are subdivided by fields of study into humanities, social sciences, and science and technology. These are further subdivided into various categories which are all listed in a 26-page table of contents which provides the key approach to the listings.

One can point out three potential functions of this catalogue. Firstly, it provides access to a specific collection and benefits local users of that collection. They have the advantage of being able to use it in conjunction with the general catalogue which includes material such as Western bibliographies on Eastern Europe and other relevant bibliographies not housed in the Reading Room. Secondly, it could be used as a model for building collections of similar scope. The rich assemblage of bibliographies listed in it makes it a work of lasting value for collection developers. Thirdly, it is a bibliographic tool. For Bruhn, the bibliographic aspect is the most important. He abandons access points under author, title and cross-references and offers only a subject approach. This experiment results in, on the one hand, a bibliography with the handicap of a catalogue and, on the other hand, an unparalleled catalogue, suitable for quick reference, but a handicapped bibliography.

It is not our intention to evaluate the content of the collection or the bibliographic comprehensiveness of the catalogue. Catalogues, by their nature, are

limited to monographs, lack a qualitative assessment of the materials listed, and therefore lack bibliographic comprehensiveness.

The usefulness of this work is very much dependent on the arrangement of the materials. Although the general layout of subject can be applauded, users may struggle with organization of materials within the main categories. Here are some of the difficulties. The subdivisions are relatively arbitrary and in some instances vague, e.g. 'Allgemeines', 'Verschiedenes'. Often titles in reverse word order serve as main entries. Locating such categories as dissertations, archives, multi-subject bibliographies and multi-language dictionaries presents a problem because they are not shown in the contents table. Furthermore, archaeology is within history, while chronicles are not. Consequently, entire sections have to be perused to link related material. In some instances, one could also dispute the location of an item in a particular category; for example, *Bibliografiia sovetskoi bibliografii*, which is a part of national bibliography, is not shown within that category.

In the 1990s electronic information is a fact of life, but there are many for whom paper is a tangible reality and electronic information an amorphous entity. They will applaud and use this publication. The polemics of printed or card catalogues versus electronic ones do not need to be repeated here. However, to what extent this subject catalogue can be substituted by other published and/or electronic resources is a question which will have to be decided by those who consider purchasing this rather expensive bibliographic tool.

WOJCIECH ZALEWSKI

Stanford University Libraries

Garth M. Terry, *East European Languages and Literatures*, vol. VI: *A Subject and Name Index to Articles in English-Language Journals, Festschriften, Conference Proceedings and Collected Papers, 1991–1993*. Nottingham, Astra Press, 1994. xx, 133 pp. Index. £18.00.

This volume is the fourth supplement to Garth Terry's two earlier bibliographies of English-language articles on East European languages and literatures. The original bibliography with its supplements, having now covered the period from 1900 to 1993, remains one of the most useful and up-to-date resources for researchers in the field and is particularly useful for those who are interested in the cultures of these countries but have no knowledge of the languages.

There is, however, some ambiguity as to the actual dates covered by this supplement. For, having stated in the introduction that the present supplement covers the years 1991–1993, the compiler says in the section on sources that it covers articles for the period 1990–1991. This is possibly an error since

material from 1992 and 1993 is also included. It also mentions that articles omitted from earlier volumes have been included in the present one. This obviously adds to the comprehensiveness of coverage, but it might have been useful to indicate how far back these inclusions go (the earliest date I spotted was 1988).

The wide range of sources is the same as in the last supplement and once more it is stated that one category is deliberately omitted—articles published in Eastern Europe. The reason given for this is that the compiler wanted to present ‘a picture of Western, i.e. non-East European, scholarship and thought in the Slavonic field’. As the period covered by this supplement witnessed the break-up of the Eastern Bloc and the relaxation of the grip of Marxist-Leninist ideology on Eastern European scholarship, the concept of Western scholarship seems less significant now (although it may be argued that the effect of these changes has not filtered through yet). Perhaps it is now time to consider the idea of compiling one bibliography to cover all world scholarship in this field, as with other area bibliographies.

A similar problem arises with the scope of this bibliography. Is there any real need, after the break-up of the Soviet Union, to cover articles on the current state of the Georgian or Uzbek languages, when these countries are independent states, neither in Eastern Europe nor within the boundaries of present-day Russia? Of course these problems of coverage are not unique to this bibliography and are being addressed by bibliographies of similar coverage such as EBSEES, which, although not as up-to-date as the present volume, has considered redefining its policies on the countries covered and the categories used for subject indexing.

For the most part, the format of this bibliography, already analysed in detail in Lesley Pitman’s review of its second supplement (*Solanus*, n.s. vol. 3, 1989), retains all the features which make it easy to use. The detailed subject approach, complemented by an exhaustive name index and separate list of *Festschriften*, add to the bibliography’s accessibility. In general the greatest assets of this bibliography lie in its format and currency, but perhaps some aspects of scope and coverage should be reconsidered for the next supplement.

PETER HELLYER

The British Library

Lesley Pitman, *Russia/USSR*, World Bibliographical Series, 6. 2nd ed. Oxford, Clio Press, 1994. xxiv, 384 pp. Bibliographies. Map. Index. £58.00.

This work would be a useful addition to any reference library. Librarians, historians, literary critics and those with a general interest in Russia will all find it valuable.

For each country covered in this World Bibliographical Series the intention

is to express 'its culture, its place in the world, and the qualities and background that make it unique'. This is a laudable aim and one which has been achieved, and surpassed, in Lesley Pitman's compilation. Although this is a second edition, all the entries are new. In a field where much is being written in a sometimes desperate attempt to keep up with the pace of change, the sensible decision has been taken to include only what is generally available and what the compiler considers to be the most significant publications.

The volume carries an excellent and concise introduction—worth the purchase price in itself—summarising events in Russia since 1979, when the first edition came out. The author does not duck the issues here in giving a personal interpretation of complex events.

One test of any reference tool is how easy it is to use. This one is very easy, with a browseability about it which will be appreciated by readers with a more general interest in the region. Searching for information on nationalities, for instance, leads directly from books on Muslims in Russia, through Russian nationalism and on to books about Russians in exile in the West, concluding with works on Western settlers in Russia.

It is also helpful to have the indexes divided into three sections under author, title and subject. This more than makes up for the confusing layout of the various sections. (It is not clear, for instance, why Technology should be sandwiched between Education and 'The Intelligentsia, History of Ideas', or why Language should fall between 'Population, Nationalities' and Religion. Perhaps Library of Congress classifications are being loosely followed, but an explanation would have helped.)

The entries themselves are more abstracts than criticisms, allowing for greater detail about coverage. This has been achieved because of the severe selection criteria. Readers know that any work included is a significant one. Material of interest to contemporary historians and social scientists is an inevitable victim, however, of the exclusion of all periodical literature and areas where significant recent changes have taken place; AIDS legislation, organised crime, defence conversion and the events in Chechnya are not well covered. Such omissions are, of course, an occupational hazard in the preparation of bibliographies. But the absence of any references at all, even in the index, to 'mafia' or 'conversion' (compared to sixteen, for instance, to 'Dostoevskii') is regrettable.

But these are minor criticisms. All in all, this is a thorough and entertaining bibliography which will frequently leave the shelf and encourage wider reading in the field. It has already pointed me in the direction of several works that I have found a sudden need to consult.

GRAHAM DIX

*Alexander Baykov Library
Centre for Russian and East European Studies, Birmingham*

A Catalogue of Russian Avant-Garde Books 1912–1934, edited by Peter Hellyer. London, The British Library, 1994. 134 pp. Indexes. ISBN 0-7123-0377-4. £20.00.

This catalogue is the latest in a series of works relating to the Russian avant-garde holdings of the British Library's Slavonic and East European Collections. It is an important, practical complement to Susan P. Compton's heavily illustrated *Russian Futurist Books, 1912–16* (London, 1978) and *Russian Avant-Garde Books, 1917–34* (London, 1992).

The catalogue lists 552 books designed by artists identified with the Russian futurist and constructivist movements. A 54-title 'Supplement: Avant-Garde Books of the 1980s and 1990s' is appended, for a total of 607 citations. Entries are arranged by main entry (author/title), and contain a translation of the Russian title (making these works more accessible to a general audience), place of publication, publisher, date and pagination. This basic bibliographic information is followed by brief annotations mentioning the artist(s) and designer(s) involved, whether the item is a numbered copy, contents, where visual images have been reproduced in secondary sources, etc. British Library classmarks are provided. There are five indexes: personal name; separate title indexes for Russian and English titles; place of publication; and a subject index. Cross-references, which include variant forms of artists' names and pseudonyms, are extensive.

The catalogue (which, despite the title, actually includes works printed from 1909 to 1939) describes a collection of book and poster design produced by most, if not all, of the better-known artists associated with the futurist and constructivist movements—K. S. Malevich, L. M. Lisitskii, A. A. Ekster, M. F. Larionov, et al. There are outstanding concentrations of material around the years in which such artists were truly controversial, circa 1909–17 (approximately 141 entries by my count). Works from the early 1920s are also plentiful. Figures such as V. V. Khlebnikov, A. E. Kruchenykh, A. M. Rodchenko and V. A. Maiakovskii are especially well-represented—the index lists some 90 items connected to Maiakovskii alone. Imprints from provincial cities, particularly Tbilisi (18 titles, including some illustrated by I. M. Zdanevich), are also a collection strength.

The catalogue's introduction warrants careful reading, as it attempts to define the parameters of its coverage. It is not, for example, intended as a catalogue of the literary avant-garde—and yet exceptions have been made for certain major artists. The catalogue focuses on the book as artefact—yet it also includes important books 'which are conservative in form but which chronicle the avant-garde . . .' (p. [1]). Both the introduction and the catalogue as a whole reflect the difficulties of defining the term 'avant-garde'. When the avant-garde aesthetic becomes mainstream, does an artist cease to be considered avant-

garde? Are more precise terms and/or chronologies needed to characterize and compartmentalize his/her creative work? Should emigré artists be included (as they are here), or should their works be examined separately?

Unfortunately, the catalogue does not discuss the methodology of its compilation. Susan Compton's own database is mentioned as the basis of the catalogue, but how was it assembled? In the absence of such information, any attempt to use the catalogue as a heuristic tool is rendered more difficult.

The catalogue is well produced, distinguished by clarity in both typeface and arrangement of information. The use of buff-coloured paper further enhances its readability. There are a handful of editorial (or, in some cases perhaps, mechanical) lapses. For example, the inclusion of 12 scores by the avant-garde composer N. A. Roslavets (with no mention of their visual content), and the 54-entry supplement of 'avant-garde' books of the 1980s and 90s, seem out of place in this volume. The inclusion of formats such as microfiche (entry 365) and facsimile (e.g. entry 130) is also puzzling. On page 4 of the introduction, the birth and death dates of D. I. Kharms are included in brackets, while prosopographical information for all other figures appears only in the name index. Finally, it is regrettable that the only illustration is found on its cover.

These few caveats aside, this catalogue is an immensely practical resource for the researcher and librarian alike.

ROBERT H. DAVIS

New York Public Library

Notes

Bibliographical Sources for the History of St Petersburg: The Contribution of the Russian National Library

In an address to the Old St Petersburg-New Leningrad Society in November 1931, the bibliographer and local historian V. M. Losev began with these words: 'St Petersburg-Leningrad has had no luck in the matter of its bibliography: while many provincial cities have their own bibliographies, in St Petersburg-Leningrad there has not even been any serious attempt at a bibliography of the city'.¹ We may add that in this respect St Petersburg lagged not only behind 'provincial cities' but also behind Moscow, where even before 1917 detailed bibliographies of the city's history had appeared. Such a situation is undoubtedly due to St Petersburg's position as an imperial capital, which caused its 'local history' to be overshadowed by the history of the state and of the wider world.

In 1931 a special bibliographical section was indeed set up within the Old St Petersburg-New Leningrad Society, with the task of undertaking the systematic recording of literature relating to the city, but the Society itself was liquidated shortly afterwards. The sole bibliographical work which appeared under its name was a compilation devoted to the centenary of the famous Aleksandrinskii Theatre, the city's principal dramatic theatre.² The compiler (the same V. M. Losev) listed not only books and articles but also postcards, statuettes, chocolate boxes etc., produced on the occasion of the jubilee.

After the closure by the authorities of the Old St Petersburg Society, the leading role in recording literature about the city passed to the Saltykov-Shchedrin State Public Library, now the Russian National Library. This role became particularly significant after the Second World War. During the war and the tragic blockade of the city, the Public Library collected publications issued within besieged Leningrad, including leaflets, posters, invitation cards and notices. A four-volume catalogue of this unique collection appeared in the 1970s.³

Other catalogues of the Public Library's holdings relating to the city's history and culture were published during the 1950s and 1960s. In 1953 the library's Department of Manuscripts published *Opisanie arkhitekturnykh*

¹ Russian National Library, Department of Manuscripts, fond 443 (Losev V. M.), ed. khr. No. 116, l. 1.

² Losev, V. M., *Stoletie b. Aleksandrinskogo teatra. 1832–1932. Bibliograficheskii ukazatel' iubileinoi literatury* (Obshchestvo Staryi Peterburg-Novyi Leningrad) (Leningrad, 1933), 48 pp.

³ *Leningrad v Velikoi Otechestvennoi Voine. Pechat' Leningrada 1941–1945. Vyp. 1–4.* (Gosudarstvennaia publichnaia biblioteka im. Saltykova-Shchedrina) (Leningrad, 1971–1973).

materialov. Leningrad i prigorody.⁴ The bibliography's material was organised into four sections:

- I. The architecture of Leningrad (graphic materials).
 - II. The architecture of the Leningrad suburbs (graphic materials).
 - III. Materials for the atlas *Sistematicheskoe obozrenie predpolozhenii o zastroenii goroda Sankt-Peterburga* of the 1830s.
 - IV. Textual materials on the architecture of Leningrad and its suburbs.
- The first section, on the architecture of Leningrad, was divided into the following groups:

1. Plans of the city and its suburbs.
2. Plans of individual structures within the city.
3. Views of the city and individual buildings.

Use of the bibliography is assisted by a name index and a subject and topographical index.

In the following year, 1954, the Department of Manuscripts issued a second bibliography based on its holdings: *Istoriia Leningrada. Katalog rukopisei*.⁵ The catalogue contained descriptions of individual manuscripts as well as of entire archives and collections, reflecting to a greater or lesser extent the various aspects and periods of the city's development, principally from the seventeenth to the nineteenth century. Descriptions of manuscripts are mainly of those in Russian, with manuscripts in foreign languages listed only in cases where they are included in described Russian collections. The material in the bibliography is arranged according to the main features of the city's development. The reference apparatus includes a list of collections drawn upon, and name and subject/topographical indexes.

A further valuable bibliography describing holdings of the Public Library appeared in 1965. This was the catalogue *Gravirovannye i litografirovannye vidy Peterburga-Leningrada v sobranii Gosudarstvennoi publichnoi biblioteki*.⁶ The catalogue contains 1251 descriptions of engravings and lithographed views of the city in the library's holdings, covering the period from 1764 (the publication date of the first view of St Petersburg) to 1964 inclusive. The material is divided into two parts: I from 1764 to 1917, and II from 1917 to 1964.

In the first part, wherever possible, a reference work or literary source mentioning the picture is given after the full description. These are not cited in the

⁴ *Opisanie arkhitekturnykh materialov. Leningrad i prigorody*. (GPB. Trudy Otdela rukopisei) (Leningrad, 1953), 114 pp., 24 leaves.

⁵ *Istoriia Leningrada. Katalog rukopisei*. (GPB. Trudy Otdela rukopisei) (Leningrad, 1954), 124 pp.

⁶ *Gravirovannye i litografirovannye vidy Peterburga-Leningrada v sobranii Gosudarstvennoi publichnoi biblioteki im. M. E. Saltykova-Shchedrina*. (GPB) (Leningrad, 1965), 483 pp.

second part, which contains the more recent material. The bibliography does not include: (1) Book illustrations, except for a few sheets which exist in the form of separate prints; (2) Illustrations of a genre character, in which the city forms only a background or scene of action; (3) Illustrations of the suburbs; (4) Interiors; (5) Architectural projects, plans and elevations.

The catalogue has two indexes. (1) A subject and thematic index for architectural objects and geographical names. This includes, as far as possible, information on the date of the building's construction and on individuals concerned in its construction, rebuilding, etc. The list of private dwelling-houses gives the names of their owners. (2) A name index.

Illustrations of the suburbs and surroundings of St Petersburg are listed in a separate catalogue, published a few years earlier.⁷ Unfortunately, all these catalogues were published in very small print runs; for example, *Gravirovannye i litografirovannye vidy* ... appeared in only 100 copies.

A new stage in the Public Library's bibliographical work on local topics began at the end of the 1980s, when publication commenced of a current bibliography of new literature about the city. The bibliography *Novaia literatura o Leningrade-Peterburge* started appearing in 1989. The first issue contained literature from the second half of 1988. Since then, and up to the present time, the bibliography has appeared twice a year. The methodological principles of its compilation, while they have been amended on occasion, have remained basically the same since the first issue. The bibliography is intended to list 'efficiently and with adequate detail' books, and articles from journals and newspapers, which bear on the life of the city within its present administrative boundaries. It therefore includes material on Tsarskoe Selo, Pavlovsk, Sestroretsk and other 'satellite towns'. Material on the more important cultural monuments in the territory of the *oblast'* is included selectively. The material is compiled by scanning books entering the Public Library through legal deposit, and a wide range of central and local journals and newspapers. The number of publications scanned has approached 200 in recent issues.

The material is arranged by a scheme common in bibliographies of local studies. Early issues had only a name index. Later a subject index was added, which incorporated the names of individuals to whom publications were devoted, and the name index accordingly became an author index. From the fourth issue (1991) the bibliography has been prepared with the aid of a personal computer.

At the present time the Russian National Library is one of the three most important centres for information and bibliographical work in the field of local studies on the city. Two other centres are the Library of the Academy of

⁷ *Prigorody i okrestnosti Peterburga-Leningrada. Katalog graviur i litografii v sobranii Gosudarstvennoi publichnoi biblioteki im. M. E. Saltykova-Shchedrina*. (GPB) (Leningrad, 1962), 313 pp.

Sciences (indexes to the contents of *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, and also a fundamental bibliography of sources on the history of St Petersburg now in preparation) and the Central City Library (TsGB) which has maintained since the 1940s a card catalogue of literature on local studies covering effectively all topics. The TsGB shares with the Russian National Library production of the current bibliography *Novaia literatura o Peterburge-Leningrade*.

D. K. RAVINSKII

(Translated from Russian by Gregory Walker)

Eighteenth-Century Russian Studies Group

A new group, calling itself The Eighteenth-Century Russian Studies Association, has been set up in North America. At present it has about forty members, mainly academics; the primary medium of communication is e-mail. It is intended as a forum for sharing ideas, sources, references, information, etc., not as a chat line. All with a scholarly interest in eighteenth-century Russia and having access to electronic mail are welcome to join. Membership is, for now, free of charge. If you are interested, get in touch with Professor Gary Marker at: gmarker@ccmail.sunysb.edu.

Sources on Soviet, Russian and GDR Education at the University of Birmingham Library

The Alexander Baykov Library holds about three thousand items on education. These cover the history, theory and practice of Soviet education. There are some syllabuses. A limited amount of material is also available on special and higher and vocational education.

I would like to draw particular attention to the Soviet journals *Narodnoe prosveshchenie*, *Narodnyi uchitel'*, *Na putiakh k novoi shkole* and *Uchitel'skaia gazeta*, all of which are available in microfilmed runs; and to the Soviet School Textbook Collection (SSTC).

The SSTC comprises over a thousand titles: textbooks, supplementary study aids for pupils, teachers' books and methodological aids. It was mainly built up during the period 1976–1991 when the acquisitions policy was to try to purchase copies of all books in current use in the Russian Federation.

Although modest, the University of Birmingham Library's collection on the education system of the former GDR is one of the largest in the UK. Most of these books were published in the 1970s and 1980s, on either side of the

border. No textbooks are included. There are also significant runs of *Deutsche Lehrerzeitung*, *Pädagogik*, *Vergleichende Pädagogik* and *Ganztägige Bildung und Erziehung*.

Most of the education resources referred to here are in Russian or German. Please contact Graham Dix for further details and for University of Birmingham Library opening hours.

GRAHAM DIX

Baykov Librarian
Centre for Russian and East European Studies (CREES)
University of Birmingham
Edgbaston
Birmingham B15 2TT
United Kingdom
Tel.: 0121 414 6361
Fax: 0121 414 3423
E-mail: g.a.dix@bham.ac.uk

Solanus 1996

Solanus, Volume 10 (1996), is likely to be a special double issue devoted to papers from the V ICCEES World Congress, to be held in Warsaw, 6–11 August 1995.

Contributors

Waldemar Deluga is an Assistant Curator at the National Museum in Warsaw.
Aleksandr Gorfunkel' was formerly Head of Rare Books at the National Library of Russia.

V. V. Ialysheva is a Research Assistant at the National Library of Russia.

Mark Kulikowski is on the staff of the History Department, State University of New York, College at Oswego.

Evgenii Nemirovskii is a Senior Consultant at the Institute of the Book, Russian Book Chamber and the Department of Rare Books, Russian State Library.

D. K. Ravinskii is a Senior Research Assistant at the National Library of Russia.

Karen Rondestvedt is Slavic Bibliographer/Cataloger at the Hillman Library, University of Pittsburgh.

Russian Press Service, Inc.

1805 Crain Street

Evanston, Illinois 60202

USA

Tel: 708-491-9851

Fax: 708-491-1440

Russian Press Service, Inc., with offices in Moscow and Evanston, supplies Russian books and periodicals to libraries and academic institutions.

- We offer a comprehensive selection of new titles in history, literature, economics, social sciences, the arts and humanities. We carry books published by the new independent publishers as well as by the formerly official publishing houses. We supply books published by the Academy of Sciences institutes (Economic, State and Law, Sociology and so forth) We offer many books published outside Moscow and St. Petersburg.
- We supply books through blanket orders and standing order. We search for titles you want. We can tell you whether the serials to which you already subscribe have ceased publication.
- We supply almost all newspapers and journals published in Russia.
- Ask for our latest book catalogue and for our rates on periodicals.

New access to the unpublished history of the Soviet Union

Archives of the Soviet Communist Party and Soviet State

Millions of documents and their finding aids
from three key archives

The State Archive of the Russian Federation (GARF)

*The Russian Centre for the Preservation and Study of
Documents of Most Recent History (RTsKhIDNI)*

*The Centre for the Preservation of Contemporary
Documentation (TsKhSD)*

Free Catalogue

*A catalogue of finding aids and documents filmed
from the archives is available free of charge.
At present this catalogue lists 2,450 reels of microfilm
that are available for immediate purchase.*

**Published by the State Archival Service of Russia (Rosarkhiv)
and the Hoover Institution on War, Revolution and Peace**

Also Available

Leaders of the Russian Revolution

The personal and official files of nine key members of the first
Soviet government covering a period of more than seventy years

*Axelrod, Kalinin, Kirov, Martov, Molotov,
Ordzhonikidze, Trotsky, Zaslulich, Zhdanov.*

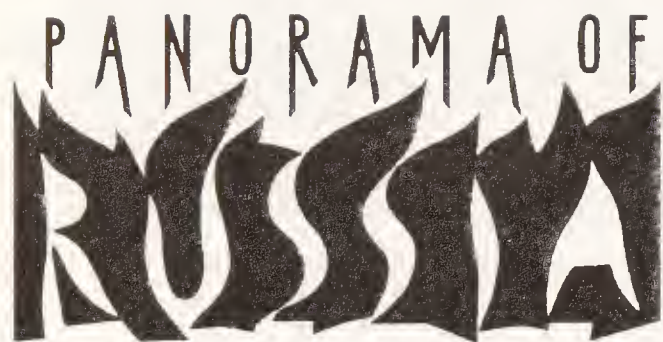
Published in association with Rosarkhiv

For your free catalogue or full descriptive brochures contact:

CHADWYCK-HEALEY

**The Quorum, Barnwell Road, Cambridge CB5 8SW
Tel: 01223 215512 Fax: 01223 215514**

Panorama of Russia publishes and distributes the productions of Russian news agencies, analytical centers, and academic presses. Our primary emphasis is reference works about Russia and the former Soviet Union. The areas we cover are:

CIS, NIS, former USSR republics
Russia: regions and federated republics

Directories, handbooks, encyclopedias, bibliographies

Who is who, personalities

Language, electronic and hardcopy dictionaries

Religion

Environmental problems

Military affairs, national security, aerospace

Government and politics

Ethnic issues

Literature, arts, mass media

Economics, business, management

Trade unions and workers movements

Social sciences: sociology, psychology, history, semiotics, etc.

Social movements, current affairs

Law and law enforcement

We publish catalogs quarterly, and, for more up to date information about our products, we provide an e-mail newsletter. Each issue focuses on a particular subject area. Our most recent issues were:

Presidential and Parliamentary election campaigns

Economic and political reforms in Russia: Analysis of trends in society and visions for Russia's future

Criminal Russia: from the street to the Kremlin

Treasures of Russian Culture

If you wish to join this list, send an e-mail message to "PanoramRus@aol.com". Please let us know if you would like to be notified only about particular subject areas, we can limit what we send you to those areas.

Hard to find books We are happy to search for books in our subject areas.

For more information and a free catalog contact

PANORAMA OF RUSSIA

P.O. BOX 44-1658A

SOMERVILLE, MA 02144 USA

(617)-625-3635 FAX (617)-625-3635

E-MAIL PANORAMRUS@AOL.COM

